

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

НАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС
В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Москва
1991

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения и Балканистики

НАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС
в странах Центральной и Юго-Восточной Европы
во второй половине XIX - начале XX в.

МОСКВА
1991

Ответственный редактор - Т.М.Исламов
Редакция: Г.В.Макарова, О.П.Морозова,
Б.В.Носов

ISBN 5-201-00717-1

© Институт славяноведения
и балканистики АН СССР,
1991

От ответственного редактора

В предлагаемом вниманию читателя сборнике публикуются статьи по материалам Всесоюзной научной конференции "Нации и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX века", состоявшейся в Москве в Институте славяноведения и балканистики АН СССР 16 – 18 мая 1989 г.

Время и место появления того или иного научного труда, вероятно, не менее важны, чем его содержание. Мысль в данном случае далеко не праздная, ибо оценить книгу, ее достоинства и недостатки, вряд ли возможно без учета указанных факторов.

Итак, время подготовки и издания труда: конец 1980-х гг. – начало 1990-х, в истории народов СССР и всей Центральной и Юго-Восточной Европы этап коренной ломки не только общественно-политических и политико-идеологических структур, но и способа мышления, ценностных ориентиров и критериев. Спрашивается, могло ли видение событий даже отдаленного прошлого остаться неизменным перед лицом этих эпохальных перемен? Нет, конечно. Ответ, однако, для нашего случая недостаточен. Ибо исследования, легшие в основу опубликованных в сборнике материалов, были проведены во второй (а частично даже первой) половине 1980-х гг., когда общество только начинало втягиваться в перестроечный процесс, когда дух, образно говоря, уже начал раскрепощаться, но мышление еще не успело избавиться от многодесятилетних оков. Опыт последних лет показал, сколь мучительно трудно дается исторической науке "новое мышление". Есть на то и объективные причины: история не чета публицистике и даже политологии. В силу своей профессиональной специфики она не способна на быстрое реагирование. Историк имеет дело с огромным количеством фактического материала, собрание, систематизация, продумывание и оформление которого требует не малого времени. Это факт объективный. Но есть и фактор субъективный, отнюдь не способствующий быстрому реагированию на общественную потребность: конъюнктурный подход в интерпретации явлений, деся-

тилетиями выработанные стереотипы мышления, готовые формулы, самоцензура, возникшая под воздействием гласной и негласной цензуры, внедрившимся в сознание принципом примитивно интерпретируемой "партийности" науки, в особенности общественной, часто именуемой для острастки непослушных "идеологической", т.е. призванной следовать спускаемым "сверху" директивам. И тому подобное...

Картина станет почти полной, если добавить определенную тенденциозность в подборе фактов, даже источников. Читателю нетрудно обнаружить следы таких "родимых пятен" и на некоторых страницах нашего труда. Достаточно взгляда на его оглавление, чтобы убедиться: перед нами симбиоз старого и нового, традиционализма и инновации, нестандартного подхода, выходящего за рамки общепринятой в былые времена схемы. Феномен национальных стереотипов, национального характера подобно социальной психологии и т.д. упорно игнорировался марксистской исторической наукой, особенно советской. К полузабытым историками категориям может быть отнесено и понятие "национальная идеология", которому посвящена одна из статей сборника, и на которое советский исследователь В.И.Фрейдзон обращал внимание еще в те времена, когда идеология могла быть буржуазной, пролетарской, крестьянской, короче, классовой, но никак не национальной. В предметном указателе к Полному собранию сочинений В.И.Ленина это понятие не встречалось, а посему и применять его было нежелательно. Новизной подхода отмечены и другие статьи — о панславизме и особенностях его интерпретации в Чехии и России, о становлении "великой идеи" на Балканах, своеобразном варианте балканских национализмов, начертавшем на своем знамени лозунг создания "Великой Греции", "Великой Сербии", "Великой Болгарии", "Великой Хорватии", "Великой Румынии" — поучительнейший материал, показывающий всю относительность и противоречивость "прогрессивного" национализма (а в XIX в. национализм неполноправных народов казался прогрессивным), сколь хрупка грань, отделяющая национализм борющейся за свою свободу нации от агрессивного шовинизма.

по отношению к другим народам. Отсюда вывод: не только козни политики великих держав в XIX – начале XX в. повинны в превращении Юго-Восточной Европы в "пороховой погреб" континента, но и логика саморазвития мегалоидеи.

Этими материалами, в совокупности с другими статьями, достигается приближение к решению главной задачи авторского коллектива – освещение исторического фона, предпосылок и условий зарождения межнациональных конфликтов в Центральной и Юго-Восточной Европе (с учетом той или иной локальной этнонациональной ситуации).

В этом плане на живейший интерес вправе рассчитывать блок статей, посвященных проблемам исторической области Галиции (ядро современной Западной Украины), продолжающей оставаться очагом межнациональных и межконфессиональных контroversий и в последнем десятилетии XX века. Различны не только аспекты, в них освещенные, но и подход авторов. И это понятно: по-разному виделась ситуация в крае из Москвы и Петербурга, из Варшавы и Кракова, из Киева, наконец, из Вены. По-разному трактовали и трактуют их национальные историографические школы. К тому же необходимо иметь в виду, что мы не считали себя вправе вносить коррективы в тексты, даже когда те или иные их положения не соответствовали взглядам редколлегии (в этом отношении представляется спорной позиция В.В.Савченко по ряду существенных вопросов развития этнической ситуации в Галиции). Речь идет не только о принципиальных проблемах, когда неоднозначность ответов самоочевидна. Предметом разногласий может стать даже употребление простых на первый взгляд терминов. Так, на Западной Украине споры вызывает одно упоминание термина "русин" (полятины и на западноевропейских языках – "рутен", издавна применяющийся в литературе, но выключенный из обращения в советских изданиях после второй мировой войны). Но он остается этнонимом, т.е. самоназванием части населения Закарпаття.

Итак, вновь о "времени" и "месте": Советский Союз – наше Отечество, неожиданно оказавшееся ареной межнациональных конфликтов. С неменьшей силой волна национализма прошла по Центральной и Юго-Восточной Европе. Застигнутая

врасплох этим вызовом времени, историческая наука вынуждена была приступить к мучительному пересмотру своих ценностных ориентаций и установок в национальном вопросе. Освещение в наших трудах истории национального вопроса стран ареала, в особенности славянских, было обставлено таким множеством негласных установок, что от историка требовалась поистине виртуозная изворотливость в том случае, если им овладевало желание сообщить читателю какую-либо объективную информацию. Зато уверенно можно было клеймить пангерманизм, венгерский шовинизм, великодержавный шовинизм германской, австрийской, венгерской социал-демократии. Национализм вообще был уделом буржуазии, помещиков и кулаков, но ни в коем случае народных масс, роль которых в истории всегда была прогрессивна и т.д., и т.п. Вновь и вновь требует объективного изучения и взвешенных оценок история Австрийской монархии — при всех присущих ей пороках на протяжении столетий служившей сравнительно безопасным убежищем для целого ряда малых народов. В частности, не могут с порога отвергаться идеи австрославизма в XIX в. Перечень подобных проблем был бы обширным.

Данный сборник, во-первых, устраняет односторонность прежних представлений о национальных процессах в Дунайской монархии и в регионе в целом, во-вторых, в основе его материалов лежит современное понимание роли и значения национального вопроса в историческом процессе, с учетом исторической перспективы, позитивных и негативных проявлений, в-третьих, он содержит достоверные, извлеченные из источников сведения по истории народов ареала, что, надеемся, повышает его познавательную ценность. Полагаем, что эти замечания позволят читателю полнее представить себе обстоятельства появления сборника, а также мотивы, которыми руководствовался авторский коллектив при его подготовке.

Т.М.Исламов

Изучение процесса складывания наций в Центральной Европе в Институте славяноведения и балканистики АН СССР в 70-80-е годы /Историографические заметки/

По мере изучения истории Центральной Европы в период перехода от феодализма к капитализму /примерно с начала XVIII в. по 70-е годы XIX в./ все более настоятельной становилась задача комплексного исследования процесса формирования наций¹, который был результатом взаимодействия всех компонентов общественно-экономического и культурного развития в период становления буржуазного общества. Изучение складывания наций требовало сотрудничества представителей разных наук. В методологическом плане об этом в 70-х - начале 80-х годов писали Д.Ф.Марков, И.С.Миллер, А.С.Мыльников, Л.А.Обушенкова, С.М.Фалькович².

Характерной чертой периода перехода от феодализма к капитализму в Центральной и Юго-Восточной Европе являлись национально-освободительные движения, поэтому любое исследование периода касалось национальных проблем. Но мы рассмотрим труды, непосредственно им посвященные, в основном ограничиваясь исследованиями обобщающего, комплексного, сравнительно-исторического характера³.

В трудах Института славяноведения и балканистики достигнута различная степень комплексности изучения этих процессов. В 60-80-х годах издан ряд сборников статей комплексного характера, а также сборники, в состав которых такие работы входят, наконец, коллективные монографии, обладающие единой структурой и более или менее полно и разносторонне рассматривающие проблему⁴.

Впервые в послевоенный период проблемы формирования одной из наций Центральной Европы рассмотрел И.С.Миллер⁵. Далее, первая попытка сопоставления процесса складывания славянских наций ареала была предпринята С.А.Никитиным⁶. Между появлением этих статей прошло 16 лет, что свидетель-

ствовало о необходимости длительного периода подготовки специалистов в сфере этнической истории ареала. С.А.Никитин уже мог опереться на факты и выводы, имевшиеся в страноведческих трудах и на работы теоретического характера /в частности, мы имеем в виду дискуссию по проблемам нации в "Вопросах истории", 1966-1968 гг./.

С.А.Никитин поставил, с одной стороны, такие вопросы, как территориальная общность нации, наличие феодальной народности как общности, предшествующей нации, становление литературного языка и основ национальной культуры, формирование "национальной идеологии", с другой - проблемы экономических связей, рынка, констатировал асинхронность вызревания отдельных видов внутринациональных связей у разных народов и их различный удельный вес в тот или иной момент.

Вскоре была поставлена проблема этнической дифференциации южнославянского населения, говорящего на сербохорватском языке⁷.

Изучение процесса становления наций в регионе получило более солидную теоретическую основу после выхода трудов Ю.В.Бромлея и других ученых, посвященных проблемам наций и этнических процессов вообще⁸. В этих трудах была развита историко-материалистическая система понятий науки об этнических процессах, дано определение ряду важнейших терминов, центральным из которых стало понятие "этносоциальный организм". Стадиальное развитие этносоциальных организмов определяется сменой общественно-экономических формаций /феодалным отношениям соответствует понятие феодальной народности, буржуазному обществу - капиталистическая или буржуазная нация/.

В 70-х годах изучение периода перехода от феодализма к капитализму и вместе с тем процессов складывания наций в ареале приобрело систематический характер. После создания в рамках Научного совета по комплексным проблемам славяноведения и балканистики секции "Формирование наций" с 1974 г. стала выходить соответствующая серия трудов. В

нее вошли /или к ней примыкали/ труды комплексного и проблемно-тематического характера /по социальной структуре, культуре в целом, литературе, театру, становлению литературных языков/⁹. В 1975 г. была организована международная научная конференция по проблемам формирования наций¹⁰. В 1978 г. состоялась Звенигородская конференция, на которой вновь значительное место заняли аналогичные проблемы¹¹.

В конце 60-х – первой половине 80-х годов был опубликован ряд обобщающих разделов в коллективных трудах и статей, посвященных совокупности аспектов формирования наций, национальной культуры, в особенности литературы, языка народов региона. В содержании этих работ отразилась важная особенность национального процесса в ареале Центральной и Юго-Восточной Европы, народы которого входили в состав многонациональных монархий. Эта особенность, не отрицавшая общих объективных закономерностей, состояла в большом значении субъективного фактора, деятельности людей в сферах языка, культуры, идеологии, политики и экономики¹².

С эволюцией социально-экономической сферы тесно связана проблема начала складывания наций. В одной из статей В.И.Фрейдзона было обращено внимание на то, что в странах Центральной и Юго-Восточной Европы пробуждение национальной мысли, интереса к национальному прошлому, к народному языку, фольклору, обычаям народа, нередко начало борьбы за освобождение относятся к периоду позднего феодализма, т.е. к "предкапиталистическому" периоду. Это время, когда буржуазного уклада еще не было, но происходило интенсивное развитие международного, региональных и национальных рынков, то-есть товарно-денежных отношений и связей¹³. Относительно стран Западной Европы на это явление указывал С.Д.Сказкин, в отношении России это сделано И.Д.Ковальченко и Л.В.Миловым¹⁴. На основе развития торговых связей в Центральной Европе и в ареале Центральной и Юго-Восточной Европы отмечается консолида-

ция феодальных народностей¹⁵. Начальный же этап складывания наций в основном совпадает с зарождением капиталистического уклада, хотя отдельные его компоненты /развитие общенародного литературного языка, элементов культуры, формирование этнической территории и др./ у некоторых народов выявились уже ранее.

В связи с этим приобретают значение труды, авторы которых посвятили внимание экономической и социальной истории региона¹⁶. Специально об экономических аспектах формирования наций в ареале писали С.М.Стецкевич и В.А.Якубский¹⁷.

Авторы затронули трудную в методологическом плане проблему формирования наций в условиях политической раздробленности этнической территории. Важные выводы относительно национального процесса можно сделать на основе материалов книги об эволюции социальных структур стран и народов ареала¹⁸.

И.И.Лещиловская в обзорной статье попыталась дать общую характеристику роли разных классов в становлении нации¹⁹. Автор обратила внимание на противоречивую политическую роль дворянства и буржуазии в этом процессе.

В связи с ролью классов в складывании наций была рассмотрена проблема типологизации процесса²⁰.

Среди проблем формирования наций преобладающее место занимает изучение эпохи так называемого национального возрождения, под которым историками подразумевается этап социально-экономического и культурного развития народов с "неполной" этносоциальной структурой во время перехода от феодализма к капитализму, народов, ранее переживших упадок общественной жизни вследствие иноземного господства²¹. Напомним вместе с тем, что наряду с "национальным возрождением" в сочинениях В.И.Ленина встречается понятие "пробуждение национальной жизни"²². Это понятие применяется в историографии как близкое или идентичное первому.

Во всяком случае применение термина "национальное возрождение" столь же правомочно, как и отказ от него.

И.А.Богданова, В.А.Дьяков, И.С.Миллер, А.С.Мыльников, С.В.Никольский и др. в разное время ставили проблему сопоставления процесса национального возрождения народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII-XIX вв. и эпохи Возрождения /Ренессанса/ XIV-XVI вв.²³ И.С.Миллер и С.В.Никольский обоснованно возражали против сближения национального возрождения с Ренессансом. Сопоставляя Ренессанс и национальное возрождение в Центральной и Юго-Восточной Европе, А.С.Мыльников и В.И.Фрейдзон отмечали черты стадийального сходства обоих явлений и неприемлемость их отождествления²⁴.

По содержанию и формам движения некоторые народы Центральной и Юго-Восточной Европы имели свое Рисорджименто - эпоху национально-освободительной борьбы. Борьба за создание объединенного национального независимого государства заполняет новую историю польского, сербского, болгарского, греческого народов. Поэтому понятно, например, применение болгарскими учеными термина "Възраждане" для обозначения эпохи и процессов, во многом сходных с Рисорджименто. Но во избежание смешения понятий целесообразно переводить на русский язык болгарский термин "Възраждане" как "болгарское национальное возрождение"²⁵.

Первым страноведческим исследованием проблем национального возрождения в их совокупности стала монография И.И.Лещиловской²⁶. В работах А.С.Мыльникова - книгах и статьях - также разносторонне рассмотрен аналогичный процесс в чешских землях²⁷. Эти же авторы в ряде статей проследили изменения в экономике и этносоциальной структуре, послужившие основой национального возрождения.

Важное место в исследовании национального возрождения заняла монография И.И.Удальцова²⁸. Она дает много для понимания исторического процесса в регионе в целом. Автор показал, что в противовес историкам, видящим в национальном возрождении прежде всего деятельность формировавшейся интеллигенции, научный подход к формированию наций и национальных движений означает проникновение в сложный процесс,

присущий эпохе коренных изменений в социально-экономических отношениях, психологии, общественной активности, классовой борьбе народных масс, исследование взаимосвязи базисных и надстроечных явлений, социального и национального²⁹.

Заметный сдвиг в сравнительно-историческом и комплексном изучении национального возрождения /или соответствующего, переходного от феодализма к капитализму, этапа истории народов, в отношении которых понятие "национальное возрождение" не применяется/ означало появление коллективной монографии "Освободительные движения народов Австрийской империи [т. I]. Конец ХУШь.- 1849 г." /М., 1980/. Здесь ряд авторов /В.С.Бондарчук, В.А.Дьяков, Т.М.Исламов, Л.П.Лаптева, И.И.Лещиловская, А.С.Мыльников, Ф.И.Стеблій, И.В.Чуркина/ представили сжатые очерки исторического /в частности, культурно-национального/ процесса, прежде всего идейно-политического развития отдельных народов монархии Габсбургов, тогда как А.С.Мыльникову принадлежит первый обобщающий раздел по субрегиону /монархии Габсбургов/ /в главе У, с. 281-319/. Во втором томе этого труда /М., 1981/ помещена написанная В.И.Фрейдзоном специальная глава о формировании наций в Австрийской империи. В этом труде были показаны наиболее характерные моменты процесса складывания наций. Оба тома также содержат очерки социально-экономического развития субрегиона /К.П.Гогина, Т.М.Исламов/.

В одном из обобщающих разделов труда А.С.Мыльников дал характеристику просветительства и общественной мысли в монархии Габсбургов, увязав эти явления у отдельных народов с австрийским Просвещением в целом. Здесь подчеркнута особенное и общее, связывавшее народы, которые находились длительное время в составе одного государства. "Разрыв с феодальным идейным и культурным развитием" и выработка новой "идеологии буржуазного типа", обращение к вопросам культуры, прежде всего решение задачи совершенствования литературного языка и расширения сферы его

применения, пропаганда народности в искусстве и создание "системы художественной культуры", воспитание национально-го патриотизма — все это в идеологической форме отражало процесс формирования наций. А.С.Мыльников указал на постепенность нарастания явлений, присущих данному этапу формирования наций. Автор учел различную степень интенсивности просветительской деятельности у разных народов, указывая как на внутренние причины этого явления, так и на значенные межнациональные контакты /с. 291-292/. Свое — сделанное ранее на чешском материале — наблюдение о первоначально иноязычной форме выражения национальных идей автор подтвердил фактами из истории других народов /сербы, венгры, словенцы, хорваты, западные украинцы/. Автор остановился на практической деятельности просветителей, идеологов в сфере литературы, языка, гуманитарных и естественных наук, создании ими очагов /учреждений/ национальной культуры, ставших — особенно у народов, которые не располагали никакими элементами своей государственности, — кристаллизующими точками в процессе сплочения наций /школы, издательства, матицы, журналы и др./ и игравших репрезентативную роль. Следующий этап национальных движений связан с разработкой социально-экономических и политических программ, политической дифференциацией движений, со все большим сочетанием языково-культурной проблематики с социально-политической. Во всем этом сказываются становление новой социальной структуры, дальнейшее формирование наций.

Ряд авторов посвятили исследования различным ключевым аспектам процесса и эпохи Национального возрождения, тем самым шире раскрывая и уточняя их содержание.

Речь идет прежде всего о становлении национальных культур. Большая заслуга в раскрытии понятия "системы национальной художественной культуры" во всей его сложности, четкий анализ процесса формирования национальной культуры, сжатое, но разностороннее рассмотрение ее отличий от феодальной культуры /"культуры народности"/ принадлежит

И.И.Свириде³⁰. Автор выделила типологические черты, присущие национальной культуре как культуре формирующегося буржуазного общества со всеми присущими этому историческому этапу сдвигами в социальной структуре и международных отношениях, взаимосвязью базисных и надстроечных явлений и сферы сознания.

В.И.Злыднев и А.С.Мыльников поставили своей задачей сравнительно-типологическое обобщение процесса становления национальных культур /включая Россию/³¹. Определенную асинхронность сходных явлений культуры они объясняют как различиями в уровне социально-экономического развития, так и в политическом положении народов. Но в целом рубежом в "становлении культуры нового времени" у большинства славян был XVIII век. В период формирования наций различаются два основных этапа развития славянских культур: "на первом преобладало воздействие идей Просвещения, второй этап был связан с формированием и утверждением концепции национальной культуры". Кризис идей Просвещения на рубеже XVIII-XIX вв. авторы связали с изменением социально-экономической, политической и культурной ситуаций, обострением классовой и национальной борьбы³², далее - с появлением демократических и революционно-демократических тенденций. Художественная культура стала действенным средством утверждения национального самосознания. Этому периоду присуще преобладание романтизма и его сосуществование с реализмом³³. Авторы поставили проблему значения международных связей в развитии национальных культур.

И.С.Миллер в статье, помещенной в той же книге /"Славянские культуры..."/, отметил, что опорой развивавшейся национальной культуры были слои, хотя и весьма неоднородные, но в целом враждебные феодальному строю и режиму национального угнетения. Автор указал на неразрывную связь национально-освободительной и социальной, антифеодальной борьбы - именно эти идеи питали национальную культуру³⁴, которая, в свою очередь, являлась фактором фор-

мирования политического сознания масс, становилась элементом освободительного движения³⁵.

Определенный итог изучения культурного процесса у народов ареала во 2-й половине ХУШ – 70-х годах ХІХ в. подведен в специальном коллективном труде. Наряду со статьями страноведческого характера по Центральной Европе /Ю.Гусев, А.Данилова, И.Лещиловская, В.Матула /Чехословакия/, И.Свирида, Л.Титова, И.Чуркина/ здесь имеется обобщающая вводная статья В.И.Злыднева³⁶.

При всей неравномерности развития культур народов ареала, считает автор, хронологические границы процесса формирования национальных культур, как культур нового типа, определяются 60-ми годами ХУШ – 70-ми годами ХІХ веков. Этот вывод соответствует приведенным выше мнениям о содержании и рамках эпохи национального возрождения и, стало быть, можно констатировать значительное единодушие исследователей в этом вопросе. В статье отмечено, что с развитием социальной структуры в ареале утверждаются принципы реализма, а взаимоотношения между народами все более определяются "не столько языковой... близостью, сколько общностью социально-политических идей и стремлений" /с. 19/³⁷.

Большой интерес исследователей вызывает период Просвещения. Месту просветительского этапа в процессе формирования национальных культур посвящены статьи И.А.Богдановой³⁸, В.А.Липатова³⁹, монография А.С.Мыльниковой, теоретические выводы которой выходят за рамки одной страны⁴⁰, ряд разделов в первом томе монографии "Освободительные движения народов Австрийской империи" /М., 1980/, коллективный труд по истории литературы, в котором особое внимание привлекают работы А.В.Липатова и С.В.Никольского⁴¹.

И.А.Богданова указала на нюансы в подходе к Просвещению специалистов разных стран ареала: так, в Польше, Венгрии, Чехии и Словакии выделяется эпоха Просвещения /в Польше – "век Просвещения", ХУШ в./, тогда как в истории

жних славян говорится о "просветительском" характере деятельности отдельных представителей формирующейся национальной культуры. Подчас еще нет определения хронологических рамок Просвещения или просветительного движения, их периодизации, даже роли в истории того или иного народа. И.А.Богданова видит истоки своеобразия национального Просвещения прежде всего в особенностях социально-экономического развития народа, далее - в его культурных традициях, особенностях культурного процесса и др. Нетрудно заметить, что в этих умозаключениях сказываются два комплекса взаимосвязей, присущих процессу формирования нации вообще /социально-экономические и этнокультурные связи/. Повсеместно просветительский этап знаменуется стремлением искоренить феодальный обскурантизм, возрастанием авторитета естественных наук /хотя, как правило, в ареале религиозное сознание сохраняется/, появлением смутных идей об идеальном общественном устройстве.

Общие для Просвещения постулаты с определенного рубежа приобретают национальные черты, служат "делу национальной обособления", процессу формирования национальной культуры, национального самосознания, защите прав формирующейся нации /все это сходно с немецким Просвещением/. Их распространение сопровождается организацией школ, читален, подготовкой учебников и пр. Особое внимание уделяется народному языку, расширению сферы его функционирования, языковым реформам. Вся эта деятельность приобретала глубокий идеологический смысл.

А.С.Мыльников в упомянутой книге показал социальные и духовные основы Просвещения, борьбу просветителей за свободу совести, мысли, социальные и политические реформы, отметив сложный и вместе с тем исторически ограниченный характер их деятельности. Автор подчеркнул особое значение умонастроений масс города и деревни для идейной эволюции чешского общества. Автор обозначил главные этапы чешского Просвещения: первичное ознакомление чешского общества с просветительскими идеями, переработка их в связи с нужда-

ми чешского общества, расцвет просветительской идеологии в чешских землях /конец 70-х – начало 90-х годов ХУШ в./.

А.С. Мильников выделил особый "предвозрожденческий" этап чешского Просвещения, когда мысль просветителей сосредоточивалась еще на общечеловеческом, соответственно "общеавстрийском" содержании просветительских идей, на практике просвещенного абсолютизма Габсбургов. Позднее в просветительстве более явно стали выступать национально-чешские черты. Содержанием нового периода в истории национального возрождения был переход к иным идеологическим концепциям, формирование целой системы "национальных идей" /включая и идеи национально-политические/ – "национальной идеологии".

Отмеченная выше последовательность смены языковой формы выражения национальных идей в той или иной мере отмечается и в истории других народов, переживавших период национального возрождения. Это было связано с процессом формирования национальной интеллигенции /часть которой нередко плохо знала язык своего народа/, а также со складыванием этносоциальной структуры буржуазного общества, процессом, который сопровождался расширением читательской среды и ее практических потребностей.

Автор специально остановился на национально-патриотических идеях конца ХУП – начала ХУШ в., которые не выходили за рамки феодального мирозерцания, составляя взаимосвязанные ряды – патриотический и религиозно-католический /контрреформационный/. В середине ХУШ в. последний уже не соответствовал потребностям общества. Поэтому возникла проблема соотношения просветительного и национального; постепенно развивалась их взаимосвязь, взаимопроникновение, – процесс, который в сущности и являлся чешским национальным возрождением, компонентом формирования национальной культуры, отделявшейся от разных течений австро-немецкого просветительства.

• Проблема соотношения европейского Просвещения и национальной /первоначально консервативной/ традиции имела

место и в истории других народов региона. Так, полный противоречий процесс сочетания просветительства и национальной традиции протекал в Польше накануне и во время разделов. Это показано в работах А.В.Липатова, имеющих широкое значение /они перечислены выше/.

А.В.Липатов рассмотрел вопрос о месте Просвещения у народов Центральной и Юго-Восточной Европы в общеевропейском процессе⁴². Наряду с общепринятой точкой зрения относительно ускоренности литературного развития в ареале автор указал на использование деятелями Просвещения как местных традиций, так и опыта "классического Просвещения" в более развитых странах. Наконец, культура национального возрождения насыщалась новейшими, возникшими в XIX в., тенденциями /романтизм/, которые нередко вступали в конфликт с идеями Просвещения. В этих случаях просветители, "продолжая дело просвещения своего народа и пробуждения в нем национального самосознания, вместе с тем полемизировали с частью просветительского наследия своих национальных предшественников". Пробуждение национального самосознания, начавшееся на стадии просветительства, подготовило "характерный для эпохи Национального возрождения процесс общественного движения за национальное самоутверждение" и борьбы за национальную независимость, а также создавало духовные предпосылки для будущей государственности.

Опираясь на указанные здесь и иные обобщающие работы и страноведческие исследования /в том числе на свои собственные/, И.И.Лещиловская представила общий обзор культуры Просвещения в Центральной и Юго-Восточной Европе⁴³.

Из различных сфер культуры наибольшее воздействие на прогресс национального самосознания оказала литература. С.В.Никольский отмечает, что у народов, не имевших национального класса феодалов /в данном случае речь идет о чехах/, "литература росла из низов... Отсутствие в литературном движении образованного сословия, имевшего в течение длительного времени широкий доступ к отечественной и общеевропейской культуре, в определенной мере ограничива-

ло возможности культурного и литературного развития"⁴⁴ /автор увязал эту историко-культурную ситуацию с общей социально-политической обстановкой, говоря об отсутствии у чехов дворянского этапа освободительного движения/. Как отметил С.В.Никольский, национальной культуре, литературе в частности, приходилось решать одновременно ряд сложнейших задач⁴⁵. Основу процесса "центростремительного национального синтеза" составляло "рождающееся новое сознание, которое формировалось в самой жизни в условиях общественного подъема и предреволюционных процессов". При этом народное творчество также соответствовало "народно-коллективистской ориентации литературы"⁴⁶.

Пристальное внимание привлекали содержание эпохи национального возрождения и ее исторические рамки. С.В.Никольский говорит о "развитии художественного сознания эпохи Национального возрождения", особенность которой заключалась в "освоении социального анализа жизни". Социально-аналитическое реалистическое начало - неизбежный результат развития общественных противоречий, требующих своего отражения в культуре. "К концу эпохи национального возрождения уже можно говорить о сформировавшемся организме национальной литературы нового времени, выполняющей многообразные функции в художественном освоении мира, в познании и преобразовании жизни"⁴⁷. Тем самым автор высказался по вопросу об одном из критериев завершения национального возрождения.

О культуре в целом в том же духе писала И.А.Богданова в связи с анализом развития словацкой культуры: условно "стадия формирования", "становления" национальной культуры /несмотря на незавершенность этого процесса/ кончилась, по ее мнению, в 40-х годах XIX в., когда открывается "страница собственно национальной словацкой культуры, обретшей свой социальный, идеологический, философский и эстетический фундамент, сложившейся в систему"⁴⁸. Итак, система национальной культуры складывается в основном в эпоху национального возрождения.

Хотя в истории того или иного народа имели место существенные нюансы, приведенные суждения о содержании эпохи Национального возрождения /в сфере культуры/ представляются плодотворными.

национального возрождения С.А.Никитин полагал, что показателем завершения является начало политической борьбы⁴⁹. Последняя, конечно, характеризует не только уровень национального движения, но и развития общества и, следовательно, нации в данном многонациональном государстве /социально-политическом организме/. Но в разных регионах для начала политического движения требовался различный уровень социального развития⁵⁰. И.И.Лещиловская при определении указанного рубежа отводит решающее место смене феодальной формации капиталистической⁵¹. В.А.Дьяков отметил, что в общем и целом национальное возрождение в Центральной и Юго-Восточной Европе совпало с периодом подъема буржуазно-демократических движений на Западе континента /периодом, завершившимся примерно в 1870 г./⁵².

В статье В.И.Фрейдзона и монографии И.И.Удальцова предлагалось исходить из совокупности базисных, надстроечных и иных факторов /самосознания, развития литературного языка/, в связи с чем априорное привязывание конца определенного периода в истории разных народов региона к единой дате не представляется возможным⁵³. Определяющим здесь является то обстоятельство, что процесс складывания наций имеет свои социально-экономическую и этнокультурную стороны, и отдельные компоненты процесса созревают в разное время. В ряде случаев некоторые нерешенные задачи периода национального возрождения передавались в наследство последующему периоду.

В.И.Фрейдзон обратил внимание на имевшую место в ряде случаев неравномерность процесса складывания наций в разных частях этнической территории, в связи с чем предложил выделять "национальное ядро" — определенную географическую область, которая играла активную роль притяга-

тельного центра для периферийных этнических областей⁵⁴. Складывание национального ядра в эпоху национального возрождения свидетельствовало о том, что нация, как формирующийся этносоциальный организм, уже существует.

Одним из ярчайших процессов эпохи национального возрождения было создание – нормализация, кодификация, обогащение – общенационального литературного языка, языка художественной литературы, публицистики, затем науки и т.д., распространение его в массах народа, начало борьбы за расширение его общественных функций. При отсутствии собственной государственности это было делом энтузиастов. Тогда же резко интенсифицируется процесс синтеза письменного и разговорного языков. Все перечисленные явления охарактеризованы в статье С.Б.Бернштейна⁵⁴.

В центре внимания ученых находились социологические проблемы. Так, Л.Н.Смирнов показал роль языковой общности, как одного из решающих факторов складывания наций, и влияние социальных факторов и общественных преобразований на функционирование языка в период формирования наций⁵⁵. Автор подчеркнул, что действие типичных для эпохи перехода от феодализма к капитализму социально-экономических и этнокультурных факторов обеспечивает развитие более высокого, чем ранее, уровня языковой общности. Процессы в сфере хозяйства, вызывающие оживление контактов населения, находят свое отражение в области языка, ведут к определенной нивелировке диалектных различий. Но единство в сфере литературно-языковой также является результатом целенаправленной деятельности, имеющей идеологический и политический характер. Язык рассматривался как важное орудие, фактор и показатель национального самоутверждения.

Здесь же отметим, что распространение нормированного языка, языковая интеграция, сопровождавшая складывание национального самосознания, способствовала более четкому территориальному размежеванию между народами, родственными по языку, то есть определению этнических границ, оформлению национальной территории.

В целой серии статей /Н.И.Толстого, В.П.Гудкова, З.Н.Стрекаловой, Г.П.Нещименко, А.Г.Широковой, Л.Н.Смирнова/ исследованы пути формирования литературных языков разных народов, в XIII-XIX вв. входивших в регион Центральной Европы⁵⁶. В некоторых из этих работ имеются тезисы обобщающего, теоретического характера. Все исследования свидетельствуют о том, что решающие успехи в процессе формирования стандартных национальных языков относятся к эпохе национального возрождения /в истории народов, не переживавших "национального возрождения", в тот же хронологический период в сфере языка также происходили важнейшие процессы/.

В это же время произошли крупные, иногда решающие, сдвиги в сфере сознания этнической принадлежности и национального самосознания вообще. У народов, обладавших непрерывной этнополитической и этнокультурной традицией со времен средневековья /венгры, поляки/, изменяются представления о содержании понятия "нация", распространяется представление о том, что нация - это прежде всего народные массы /об этом писали В.А.Дьяков, Т.М.Исламов, Л.В.Липатов, Н.П.Митина, О.П.Морозова, Л.А.Обушенкова, Т.Ф.Федосова и др./ . Указанный сдвиг являлся необходимым компонентом формирования наций и национального самосознания как составной части сложного и противоречивого сознания буржуазного общества. Т.М.Исламов показал, что феодальный термин "нацио хунгарика" и так называемое "хунгаристское сознание" имели в виду класс феодалов, господствующий на данной территории, независимо от этнического происхождения и разговорного языка, поэтому в "нацию" не включались массы собственного /венгерского/ народа. Автор проанализировал приспособление этой феодальной традиции к интересам венгерского дворянства и буржуазии в эпоху развития капитализма⁵⁷.

Этническое сознание народов в период феодализма, непосредственно предшествующий консолидации феодальных народностей /т.е. примерно XVI-XVII вв./, изучено слабо. В

этой области работал И.М.Шептунов⁵⁸, занимаются этими проблемами Ю.И.Смирнов⁵⁹ и А.С.Мильников⁶⁰. Относительно преднационального периода весьма ответственное утверждение принадлежит И.А.Богдановой: "в принципе... критерий принадлежности к определенному народу вообще становится исходным разграничителем среди народностей только на этапе перехода от феодализма к капитализму и формирования наций"⁶¹. Этот тезис подтверждается фактами из истории некоторых народов, однако вряд ли он имеет всеобщее значение. Только монографическое изучение этнического самосознания народов Центральной Европы в эпоху позднего феодализма может внести ясность в этот сложный вопрос⁶².

Что касается национального самосознания и его отличия от этнического самосознания разных классов-сословий феодального общества /"народностного" самосознания/, то хотя в этой области имеется ряд наблюдений историков, историков культуры и языка,⁶³ до всестороннего исследования вопросов, с этим связанных, еще далеко. В немалой степени это обусловлено сложностью самого объекта изучения.

Важность такого рода исследований подчеркнул Т.М.Исдамов. В его статье поставлен ряд проблем, без выяснения которых невозможны дальнейшие сдвиги в исследовании национальных процессов. Автор писал об изучении национальных культур, историко-культурного процесса в рамках региона, ареала, континента Европы. Диалектика национального и интернационального в культуре и самосознании должна быть исследована как соотношение психического склада, национального характера отдельных, особенно соседних или занимающих общую территорию, народов.⁷⁴

В ряде статей Л.С.Кишкин раскрыл значение внешних связей литературных явлений в становлении и развитии национальных литератур. Автор указал на факторы, присущие взаимодействующим литературам, на изменение характера связей на разных этапах литературного развития, в частности, на особенности восприятия литературных произведений

в ионациональной среде⁶⁴.

Ряд статей специально посвящен идеологии общественных движений в период до 70-х годов XIX в. Так или иначе эта проблема рассматривается в общеисторических трудах /С.А.Никитин, И.И.Удальцов, А.С.Мыльников/, в трудах по истории культуры, а в некоторых исследованиях занимает центральное место⁶⁵. Значительное внимание уделялось идеям славянской солидарности, панславизму, югославизму, австрославизму в XIX в.⁶⁶ Эти работы объединяет мысль о необходимости социального анализа содержания разных взглядов на межславянские отношения. Это актуально, поскольку до сих пор имеют место выступления в печати, где указанное неперемненное условие научного изучения вопроса игнорируется.

В связи с идеологическими проблемами процесса складывания наций в одной из статей был рассмотрен вопрос о роли религиозной принадлежности /точнее, о принадлежности к той или иной массовой и мощной традиционной

организации, какими являлись католическая и православная церковь/ в ходе национальной дифференциации южнославянского, в основном. единопзычного, населения и консолидации хорватской и сербской наций⁶⁷. В статье сделан вывод о решающем воздействии на процесс этой дифференциации целого комплекса явлений - исторических, социальных, культурных, политических, - общим следствием которых и стала дифференциация "по вере", - в отличие, например, от немецкого, венгерского, румынского и словацкого народов, где религиозные различия не смогли воспрепятствовать складыванию нации /хотя подчас несколько осложнили этот процесс/.

национальное возрождение - эпоха, не имевшая подобных по интенсивности перемен в сфере этнического /этносоциального/ самосознания, языка, литературы, культуры в целом⁶⁸. Именно тогда /или в соответствующий период истории других народов - польского, венгерского/ в совокупности с процессами в сфере базиса и политическими событиями

ями культура являлась мощным стимулятором национального самосознания⁶⁹. Подчас за 20-30 лет сознание этнической принадлежности изменялось коренным образом /словенцы, хорваты/. Воздействие социально-экономических сдвигов на национальное самосознание не было прямолинейным, стремительный подъем национального чувства нередко вызывался неблагоприятными социальными условиями.

В целом национальное возрождение /пробуждение/ предстает в работах советских исследователей как богатейший по содержанию период, которому присущи взаимосвязанные процессы во всех сферах жизни народов⁷⁰.

В книге "Освободительные движения..."

показано, что в конце периода национального возрождения существует уже целый комплекс внутринациональных связей, т.е. нация уже прошла значительную часть пути становления, но все эти взаимосвязи подчас сформировались не вполне, не имели прочного характера. Иногда, например, еще нет ясного представления об этнической территории и ее границах, сознание этнической принадлежности не охватило часть /иногда значительную часть/ формирующейся нации, нередко не были решены некоторые задачи в сфере языка и т.д. В конечном счете все это отражало состояние базиса, т.е. незрелость капиталистических отношений и связей. Действительно, национальная торгово-промышленная буржуазия либо была слабой, либо вообще еще не существовала как класс со своим национальным /распространяющимся на всю этническую территорию/ интересом, рабочий класс у большинства народов был невелик или едва начал формироваться.

Процессы, происходившие в эту эпоху, столь существенны, что, как правило, советские и иностранные исследования национальных процессов в Центральной Европе охватывают период с XIII века по 1848 г. или по начало 70-х годов XIX в.

Но в этот или близкий ему период лишь некоторые нации региона, при том в разной мере, достигли степени зрелос-

ти, под чем мы подразумеваем становление этносоциальной структуры и культуры буржуазного общества. Как отмечалось выше, наблюдения историков, историков культуры и языка свидетельствуют о том, что складывание основ системы национальной культуры обгоняло этот процесс и сама культура выступала в качестве его стимулирующего фактора.

Следующий за национальным возрождением /или соответствующим периодом в истории народов, не переживавших "пробуждения"/ период дальнейшей консолидации наций Центральной Европы /как и всего ареала Центральной и Юго-Восточной Европы/ исследован несравненно меньше. Однако и относительно этого периода имеется немало данных в страноведческих трудах, в обзорах истории литературы и пр. ; много дает уже простая мобилизация этих сведений с целью характеристики национальных процессов.

К этому /второму/ периоду формирования наций относится ряд наблюдений в трудах "Освободительные движения..." и "Формирование наций..." Здесь говорится о конкретных чертах процесса складывания наций региона, об особом месте в этом процессе системы финансово-кредитных учреждений, международного и внутреннего рынка и других обстоятельств. Подчеркнуто, что указаний на то, что "капиталистические отношения - основа складывания наций", недостаточно и необходим анализ конкретных социальных интересов, питающих этот процесс.

В упомянутых трудах сжато рассмотрена проблема критериев завершения процесса складывания наций⁷¹.

Наконец, недавно вышла в свет коллективная монография, посвященная этому, "поствозрожденческому" периоду развития нации⁷².

Идеальным было бы последовательно изучить отдельные крупнейшие проблемы процесса складывания наций /экономика, этносоциальная структура, национальные и социальные движения, культура, язык, периодизация, типология и т.п./ и затем произвести необходимый синтез. К сожалению, наша

наука развивалась не в такой логической последовательности. Поэтому коллективный труд по формированию нации в Центральной и Юго-Восточной Европе, содержание которого определялось уже в 1975 г., не мог быть ничем иным как проблемно-тематическим сборником, для своего времени являвшимся достижением⁷³. Теперь, когда имеются новые советские и иностранные работы, освещающие различные стороны процесса, потребность в монографическом его обобщении ощущается как никогда ранее.

1. Речь идет в действительности о восточной части Центральной Европы, поскольку именно здесь со времени зрелого феодализма обнаруживаются общие тенденции социально-экономического и политического развития /закрепление крестьян примерно с XVI в. : разложение феодализма в XVII - первой половине XIX в. создание многонациональных монархий, центральное место среди которых, как особый субрегион, заняла монархия Габсбургов, включавшая отдельные южно-славянские территории, относившиеся до 1918 г. к Центральной Европе.

2. Марков Д.Ф. Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках. Вопросы истории, 1973, № 10; и другие того же автора он же. Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках. М., 1983; Миллер И.С. Развитие народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму как проблема комплексного сравнительно-исторического изучения. Советское славяноведение, 1972, № 4; Мыльников А.С. Комплексное изучение проблемы "Закономерности развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму". - В кн.: Комплексные проблемы...; Обушенкова Л.А., Фалькович С.М. Проблема формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. - Там же. - См. также Миллер И.С. Исследования по истории народов Центральной и Восточной Европы XIX в. М., 1980.

3. Общее количество работ, освещающих те или иные аспекты национальных процессов, велико. Поэтому здесь опускаются те из них, в которых дана трактовка проблемы межнациональных связей сама по себе важная; упомянуты только некоторые исследования общих проблем истории культуры. Заранее просим извинения у авторов, фамилии которых не упомянуты, - в противном случае пришлось бы поместить обширную библиографию.

4. К ним можно отнести, например, двухтомник: Освободительные движения народов Австрийской империи [т. I].

Возникновение и развитие. Конец XVIII в. - 1849; [т. 2]. Период утверждения капитализма. М., 1980, 1981 и труд: Польша на путях развития и утверждения капитализма. Конец XVIII - 60-е годы XIX в. М., 1984. Весьма близко к этому типу исследование: Социальная структура общества в XIX в. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1982.

5. Миллер И.С. К вопросу о формировании польской буржуазной нации. Вопросы истории, 1952, № 7.

6. Никитин С.А. Основные черты и специфические особенности формирования славянских наций в XIX в. /Преимуществом на восточнославянском материале/. - В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов. М., 1968.

7. Фрейдзон В.И. Об особенностях формирования нации в хорватских землях. Советское славяноведение, 1969, № 4.

8. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973; он же. Современные проблемы этнографии. М., 1981; он же. Очерки теории этноса. М., 1983. он же. Этнические процессы. Теория, история, современность. М., 1987, а также работы С.Т.Калтахчяна, М.С.Джунусова, П.М.Рогачева и М.А.Свердлина и др. См. также упомянутую дискуссию в "Вопросах истории" /1966-1968 гг./.

9. Серия Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Проблемы истории и культуры. Перечень книг, вышедших в составе данной серии, см. в кн.: У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1984, с. 227.

10. Материалы конференции см. в кн.: Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. М., 1981.

11. См. кн.: Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Итоги и перспективы исследований. М., 1979.

12. Относительно литературы это показано в кн.: [Стахов Б.Ф.] Литература эпохи формирования наций. Просвещение. Национальное возрождение. М., 1982. С. 306-310.

13. Фрейдзон В.И. К проблеме перехода от феодальной народности к нации в Центральной и Юго-Восточной Европе. Новая и новейшая история, 1983, № 4; см. также в кн.: У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1984. С. 7-17.

14. См., например, Сказкин С.Д. К вопросу о генезисе капитализма в сельском хозяйстве Западной Европы. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959. М., 1961, с. 28; Ковальченко И.Д. Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII - начала XX в. М., 1974.

15. Более подробно см.: Мильников А.С. Об этносоциальных аспектах эпохи чешского национального возрождения. В кн.: У истоков...; Обушенкова Л.А. Основные этапы развития польского этнического самосознания. - Там же; Чуркина И.В. Начальный этап развития словенского национального самосознания. - Там же.

16. Имеются в виду опубликованные в изданиях института работы К.П. Гогиной, В.А. Дьякова, Т.М. Исламова, И.И. Костюшко, И.И. Лециловской, А.С. Мыльниковой, Л.А. Обухиной /которой наряду со статьями принадлежит монография: Королевство Польское в 1815-1830 гг. Экономическое и социальное развитие. М., 1979/, И.И. Удальцова, В.И. Фрейдзона, А.Н. Чистозвонова, В.А. Якубского. Экономическому развитию Польши и складыванию здесь буржуазного общества посвящены главы I-II книги: Польша на путях развития и утверждения капитализма. М., 1984. См. также: "Круглый стол. Промышленный переворот и его социально-экономические последствия". Новая и новейшая история, 1984, № 2; Исламов Т.М., Фрейдзон В.И. Переход от феодализма к капитализму в Западной, Центральной и Юго-Восточной Европе, № 1. Новая и новейшая история, 1986, С. 83-96.

17. См. в кн.: Формирование наций..., С. 16-28.

18. Социальная структура общества в XIX в. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1982.

19. Лециловская И.И. Классы в процессе формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе /конец XVIII - 70-е годы XIX в./. Советское славяноведение, 1985, № 4.

20. Мыльников А.С., Фрейдзон В.И. Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Закономерности, периодизация, типология. Вопросы истории, 1987, № 8. Этот вопрос затрагивался в ряде советских трудов, а также в научной литературе зарубежных стран, особенно в Чехословакии /М. Грох/. Было отмечено, что отсутствие класса национальной буржуазии создавало исключительную ситуацию. См.: Лаптева Л.П. О национальном возрождении у лужицких сербов. Вопросы первоначального накопления и национальное движение в славянских странах. М., 1972.

21. См.: Освободительные движения народов Австрийской империи [т. I]. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. - 1849 г. М., 1980, С. II-12.

22. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 24, С. 124.

23. Богданова И.А. Введение в проблематику становления словацкой национальной культуры. Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974, С. 68; Дьяков В.А. Об эпохе "национального возрождения" в истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Советское славяноведение, 1974, № 6; Миллер И.С. Исследования по истории народов Центральной и Восточной Европы XIX в. М., 1980, С. 431-434 /впервые опубликовано в 1977 г./, Мыльников А.С., Фрейдзон В.И. Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Вопросы истории, 1987, № 8; Никольский С.В. Развитие художественного мышления в славянских литературах эпохи национального возрождения. Slavia, 1979, № 2-3; он же.

Чешская литература в контексте славянских литератур эпохи национального возрождения. Литература эпохи формирования наций; он же. О некоторых задачах исследований литератур народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху формирования наций. Комплексные проблемы истории

и культуры...

24. Мильников А.С., Фрейдзон В.И. Ук. соч.

25. Так поступил, например, Б.Н.Билунов, рецензируя книгу "Българското възраждане и Русия" /София, 1981/. Советское славяноведение, 1983, № 5, С. 116-118, а также авторы книги: Литература эпохи формирования наций... В частности, А.В.Липатов пишет об "эпохе национального возрождения в истории литератур" народов Болгарии, Чехословакии и Югославии. Ук. соч., С. 20; см. также С. 22 и др.

26. Лещиловская И.И. Иллиризм. К истории хорватского национального Возрождения. М., 1968.

27. Мильников А.С. Павел Шафарик, выдающийся ученый-славист. М.-Л., 1963; он же. Йозеф Юнгман и его время. М., 1973; он же. Эпоха Просвещения в Чешских землях. М., 1977 и др. При этом автор поставил проблему "предвозрожденческого" периода.

28. Удальцов И.И. Историография чешского национального возрождения. М., 1984.

29. Эта точка зрения господствует в советской науке. Так, о "предреволюционном подъеме освободительного движения", как условия "возрождения" славянских литератур, см.: Никольский С.В. Славянские литературы эпохи национального возрождения. /Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций. XVIII-XIX в. М., 1978, С. 199.

30. Свирида И.И. К характеристике понятия "национальная художественная культура". Советское славяноведение, 1974, № 5; она же. К типологии явлений художественной культуры в период формирования наций. Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1987; она же. Художественная культура эпохи формирования наций как историко-культурная проблема /на материале стран Центральной и Юго-Восточной Европы/. Советское славяноведение, 1983, № 1

31. Злыднев В.И., Мильников А.С. Общие закономерности и особенности историко-культурного развития славянских народов XVIII - 70-х годов XIX в. /Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII-XIX вв. Материалы международной конфедерации ЮНЕСКО, М., 1978.

32. На чешском материале эти проблемы исследованы в книгах: Мильников А.С. Эпоха Просвещения в Чешских землях. М., 1977; он же. Культура чешского Возрождения, Л., 1982.

33. Второму из намеченных здесь этапов посвящен коллективный труд: Развитие литературы в эпоху формирования наций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Романтизм. М., 1983.

34. Эта проблема также раскрыта в статье: Злыднев В.И., Лещиловская И.И., Львова Е.П. Национально-освободительное движение князей славян и проблема формирования национальных культур. УП Международный съезд славистов. М., 1973.

35. Миллер И.С. Культура и проблемы социальных и национально-освободительных движений славянских народов. Славянские культуры...

36. Злыднев В.И. Историко-культурный процесс в Центральной и Юго-Восточной Европе и формирование концепций художественной культуры. // Концепции национальной художественной культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII-XIX веков. М., 1985.

37. На предыдущих этапах развития нашей науки обобщения, подчас весьма успешные, были сделаны в сборниках: Культура и общество в эпоху становления наций /Центральная и Юго-Восточная Европа в конце XVIII - 70-х годах XIX в./. М., 1974; Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977; Славянские культуры в эпоху формирования славянских наций. XVIII-XIX вв. М., 1978. Отметим, что за редким исключением материалы сборников не выходят за пределы 70-х годов XIX в.

38. Богданова И.А. Просвещение как начальный этап формирования национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977, с. 57-68. О Просвещении как стадии национального возрождения см. ее же: Введение в проблематику становления словацкой национальной культуры. // Культура и общество... /1974/.

39. Липатов А.В. У истоков польского предромантизма /национальное и общеевропейское/. // Славянские литературы: Уп. Международный съезд славистов. М., 1973; он же. Европейское Просвещение и концепции национальной культуры в Польше XVIII в. Формирование национальных культур...; он же. Формирование польской культуры эпохи Просвещения /Проблемы синтеза национальных традиций и общеевропейских веяний/. Формирование наций...; он же. Литературный облик польского Просвещения. Литература эпохи формирования наций. См. также раздел того же автора: Эпоха польского Просвещения /Литературное развитие и общественно-политическая действительность/ в монографии: Польша на путях развития и утверждения капитализма /глава У1/.

40. Мильников А.С. Эпоха Просвещения в Чешских землях. Идеология, национальное самосознание, культура, М., 1977.

41. Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Просвещение. Национальное возрождение. М., 1982.

42. Липатов А.В. Славянское Просвещение в общеевропейском контексте. // Литература эпохи формирования наций...

43. Лещиловская И.И. Культура Просвещения в Центральной и Юго-Восточной Европе. - Вопросы истории, 1985, № 1. Заметим, что автор обошлась без термина "национальное возрождение". Это было тем более удобно, что статья посвящена ареалу в целом.

44. Никольский С.В. Чешская литература..., С. 100 и далее.

45. Он же. Славянские литературы эпохи национально-го возрождения. Славянские культуры..., С. 198-208.

46. Основные черты литературы национального возрождения рассмотрены в кн.: Никольский С.В. Две эпохи чешской литературы. М., 1981. Многие наблюдения автора сохраняют свое значение и для литератур других народов ареала.

47. Никольский С.В. Чешская литература..., С. 120, 121.

48. Богданова И.А. Введение в проблематику становления словацкой национальной культуры. С. 68.

49. Никитин С.А. Ук. соч., с. 76.

50. Данная проблема рассмотрена в книгах: Освободительные движения народов Австрийской империи /М., 1980, 1981/, Социальная структура общества в XIX в. /М., 1982/, /в заключительной статье/ и в коллективном труде: Формирование национальных независимых государств на Балканах. М., 1986 /в вводной главе/.

51. Лещиловская И.И. О социальной сущности и периодизации хорватского национального возрождения. Советское славяноведение, 1971, № 5, С. 42.

52. Дьяков В.А. Об "эпохе национального возрождения...", С. 42. Должно отметить, что развитие стран Западной Европы в то время определяло периодизацию всемирной истории.

53. Фрейдзон В.И. К проблеме периодизации процесса формирования наций у югославянских народов Австрийской империи. /Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976, С. 238-240; Удальцов И.И. Историография..., с. 297-298. Автор значительно углубил соответствующую аргументацию.

54. Бернштейн С.Б. Культурный язык - письменный язык - литературный язык. Славянские культуры...

55. Смирнов Л.Н. О языковом аспекте формирования наций. - В кн.: Формирование наций..., С. 95 и далее.

56. Этим проблемам посвящен сборник: Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978; значительное место языковая проблематика занимает в книгах: Формирование наций..., Освободительные движения...; Польша на путях...

57. Исламов Т.М. От "нации хунгарика" к венгерской нации. /У истоков формирования наций...

58. Шептунов И.М. Фольклор и развитие национального самосознания. /Формирование наций...

59. Смирнов Ю.И. Народная культура и этническая общность. /Вопросы первоначального накопления и национальные движения в славянских странах.

60. Мыльников А.С. Международный симпозиум "Проблемы региональной народной культуры". Советская этнография, 1985, № 3; он же. Об этническом изучении процессов формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе.

- Там же.

61. Богданова И.А. Просвещение как начальный этап формирования национальных культур. // Формирование национальных культур..., с. 63.

62. Советские медиевисты заложили фундамент исследования народностного самосознания в Центральной и Юго-Восточной Европе. См.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982 и др. Остается надеяться на то, что со временем удастся сомкнуть изучение этнических процессов в ареале в Средние века и Новое время.

63. См., в частности: Богданова И.А. Введение в проблематику становления словацкой национальной культуры. // Культура и общество...; Мыльников А.С. Культура и национальное самосознание...

64. См. статьи Л.С. Кишкина в кн.: Литература славянских народов, вып. 8. М., 1963; Чешско-русские и словацко-русские литературные связи. М., 1968; Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973, а также: Кишкин Л.С. О факторах, обуславливающих литературные связи. Советское славяноведение, 1978, № 4; он же. Литературные связи и литературный процесс. - Там же, 1985, № 4.

65. Освободительные движения народов Австрийской империи [т. I], с. 319-352, 518-526; т. 2, с. 240-259.

66. Дьяков В.А. Политические интерпретации идеи славянской солидарности и развитие славяноведения /с конца XVIII в. до 1939 г./ // Методологические проблемы истории славистики. М., 1978; он же. Идея славянского единства в общественной мысли дореформенной России. Вопросы истории, 1984, № 12; он же. Славянский вопрос в пореформенной России /1861-1895 гг./ - Там же, 1986, № 1; Дьяков В.А., Фрейдзон В.И. Основные этапы развития и типология общественно-политической мысли славянских народов в XIX в. Советское славяноведение, 1984, № 2; Лециловская И.И. Идея единения славянских культур в первой половине XIX в. Формирование национальных культур...; Фрейдзон В.И. Представления и идеи славянской общности в первой половине XIX в. Вопросы истории, 1979, № 9.

67. Фрейдзон В.И. Об особенностях формирований наций в хорватских землях. Советское славяноведение, 1969, № 4.

68. Никольский С.В. Славянские литературы эпохи национального возрождения. // Славянские культуры..., с. 198 и далее.

69. Мыльников А.С. Роль культуры в становлении национального самосознания народов Центральной и Юго-Восточной Европы. - Там же, с. 43 и далее. О развитии национального самосознания "снизу" см.: Освободительные движения..., [т. I], глава У, с. 300-303.

70. Мыльников А.С. Культура и национальное самосознание народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху национального Возрождения. Советское славяноведение, 1974, № 4. Опыт рассмотрения комплекса факторов, действовавших в процессе формирования ряда наций Центральной Европы, в

их взаимосвязи /экономика, социальная структура, территория, язык, сознание этнической принадлежности, явления надстроечного и идеологического характера и др./ см.: Освободительные движения... [т. 2], гл. УП, а также Формирование наций...

71. Об этом см. также: Исламов Т.М., Фрейдзон В.И. Переход от феодализма к капитализму в Западной, Центральной и Юго-Восточной Европе. Новая и новейшая история, 1986, № 1.

72. Чешская нация на заключительном этапе формирования. 1850 - начало 70-х годов XIX в. М., 1989.

73. Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. М., 1981. Отдельные разделы книги посвящены общим проблемам процесса, его языковым аспектам, формированию национального самосознания.

74. Исламов Т.М. О сравнительно-исторических и междисциплинарных исследованиях. // Сравнительно-историческое изучение и теоретические вопросы развития современных литератур. М., 1985. С. 200-213.

З.С.Ненашева

Историографические проблемы определения понятия "национальная идеология"

Для исследований советских славистов в последние годы все более характерно стремление к разработке или конкретизации содержания уже введенных в научный оборот понятий и терминов, с одной стороны, и уточнение общих методологических подходов с теоретическому анализу конкретно-исторических процессов, с другой. Если можно говорить о судьбе понятий и терминов исторического славяноведения, то, пожалуй, наиболее трудная выпала таким из них как "славянофильство" и "панславизм", "австрославизм" и "неославизм" и др. Подобная участь постигла и понятие "национальная идеология". Об этом свидетельствует ход одного из обсуждений в Институте славяноведения и балканистики АН СССР ротационного варианта¹ теперь уже признанного фундаментального труда "Освободительные движения народов Австрийской империи". Тогда остро обсуждался вопрос об исключении из подготовленной работы терминов "австро-федерализм" и "национальная идеология". При этом отмечалось, что национальная идеология якобы воспевала классовый солидаризм, отождествлялась

с лозунгом "единства нации", что, по мнению оппонентов, находилось в явном противоречии с классовым подходом особенно в период развертывания массового рабочего движения.

Однако авторам вышедшего двухтомника² в определенной мере удалось преодолеть тенденцию к консервации категориального аппарата, уточнить содержание целого ряда понятий, отказаться от фактографичности, вскрыть механизм борьбы множества противоречивых явлений. В этом важнейшем теоретическом исследовании, определившем многие направления длительной работы большой группы историков-славистов, в основном речь идет об идеологии национально-освободительных движений. Причем, несмотря на широкое использование этого понятия, оно употребляется как самоочевидное, обладающее самым широким и разнообразным диапазоном действия, и, предстает скорее как интуитивно понимаемое, чем строго научно обоснованное.

О национальной идеологии, правда, по-прежнему в кавчках, что свидетельствует об известной осторожности авторского коллектива, говорится следующее: "В целом выступления деятелей освободительных движений, при всем их разнообразии и местных отличиях, объективно отражали закономерный процесс формирования наций и означали выработку основ того, что В. И. Ленин называл "национальной идеологией"³. Как видим, создатели крупной коллективной монографии не дали собственного определения национальной идеологии. Судя по дальнейшему изложению, исходя из контекста, можно заключить, что национальная идеология включает теоретическое обоснование перспектив этнокультурного и политического развития того или иного народа, пропаганду культурно-патриотических идей, распространение в массах национального самосознания.

В теоретических главах первого тома названного труда была проведена работа по уточнению такого понятия, как национально-просветительская идеология⁴. Она соответствовала ранней фазе первого этапа освободительных движений и в его рамках была заменена идеями национального роман-

тизма. Так, в работе подчеркивается: "в отличие от национально-просветительской идеологии, имевшей распространение не у всех народов Австрийской империи, идеи национально-патриотического романтизма получили в той или иной форме воплощение в идеологии всех национально-освободительных движений". Несомненный интерес представляет и следующий вывод: по мере утверждения "идеологии буржуазного типа и решения задач культурно-языкового характера", национально-освободительные движения переходили к следующему этапу развития, когда определяющее влияние оказывали "либерально-буржуазные течения"⁵. Следует заметить, что авторы труда принимают во внимание прежде всего социальные корни и основы протекавших общественных процессов, указывают на взаимосвязь интересующих нас понятий.

Более определенно о национальной идеологии говорится в статье А.С.Мыльникова и В.И.Фрейдзона "Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе в XVIII-XIX вв.". В ней, в частности, сказано, что "при трансформации народности в нацию "место сословной идеологии занимает буржуазная по содержанию "национальная идеология", рассчитанная на сплочение классов в борьбе за национальные и социальные права"⁶. Далее авторы отмечают, что "по мере упрочения этносоциальных основ формировавшихся наций на рубеже XVIII-XIX вв. национально-просветительская идеология постепенно /в разных регионах и у отдельных народов с некоторыми колебаниями во времени/ перерастала в комплекс идей буржуазного /в том числе и мелкобуржуазного/ типа, который Ленин называл "национальной идеологией"⁷. Таким образом, в определении понятия "национальная идеология" во втором случае внесены уточнения. Если сравнить цитируемые работы, то в последнем случае заметно стремление авторов статьи подойти более дифференцированно к процессу формирования идеологии национально-освободительных движений, идейной разработки их программ. Авторы устанавливают определенную иерархию процессов и соответственно терминов и понятий, которые несут на себе не только временные, но и качествен-

ные характеристики. Национально-просветительская идеология представляется как, в известной степени, самостоятельный идеологический комплекс, соответствовавший ранней фазе освободительных движений славянских народов.

Исходной основой для построения своей концепции авторы как обобщающего труда, так и анализируемой статьи считают положение В.И.Ленина, сформулированное им в работе "Конференция заграничных секций РСДРП", написанной в феврале-марте 1915 г. В ней, в частности, В.И.Ленин пишет: "В основе действительно национальных войн, какие имели место особенно в эпоху 1789-1871 годов, лежал длительный процесс массовых национальных движений, борьбы с абсолютизмом и феодализмом, свержения национального гнета и создания национальных государств, как предпосылки капиталистического развития.

Созданная этой эпохой национальная идеология оставила глубокие следы в массе мелкой буржуазии и части пролетариата. Этим пользуются теперь, в совершенно иную, империалистическую эпоху, софисты буржуазии и плетущиеся за ними изменники социализму для раскалывания рабочих и отвлечения их от их классовых задач и от революционной борьбы с буржуазией"⁸.

Как видим, приведенное положение В.И.Ленина содержит в себе по крайней мере три важных для нас момента. Во-первых, о национальной идеологии Ленин пишет как идеологии, сложившейся в течение длительного времени в ходе массовых национальных движений на протяжении всей эпохи, хронологические границы которой охватывают период от Великой французской революции до Парижской коммуны, а не отдельной ее фазы, или этапа.

Признавая бесспорную важность временных характеристик, для уяснения собственного диалектического содержания понятия национальная идеология, представляется весьма значимым определение существенных ее признаков. В этой связи нужно отметить, что и содержательная сторона этого понятия сформулирована В.И.Лениным не менее четко: оно

включает комплекс идей и идеологических построений нескольких уровней, преследовавших цель борьбы с абсолютизмом и феодализмом, за свержение национального гнета и создание национальных государств.

В-третьих, это изменение роли национальной идеологии в империалистическую эпоху.

Таким образом, исходя из ленинской трактовки, процесс формирования и развития национальной идеологии, полностью совпадая с процессом формирования наций, охватывает по крайней мере весь период борьбы за обретение угнетенной нацией своей государственности.

Поскольку национальные движения являются составной частью общественных изменений на пути от феодальной к капиталистической общности, то и национальная идеология была бесспорно направлена на ликвидацию остатков феодализма, т.е. на освобождение своего собственного народа, его обособление от других народов и интеграцию в своеобразную национальную общность. В таком контексте безусловно важна констатация того, что национально-просветительская идеология не может быть определена как нечто самостоятельное, а является составной частью национальной идеологии. Однако надо с сожалением признать, что несмотря на в целом плодотворную попытку авторского коллектива фундаментальной монографии "Освободительные движения народов Австрийской империи", направленную на уточнение, обогащение содержания терминов и понятий исторического славяноведения, формирование новых элементов ее категориального аппарата, понятие национальной идеологии не получило широкого распространения в советском историческом славяноведении.

Так, в теоретической статье В.А.Дьякова и В.И.Фрейдзона "Основные этапы развития и типология общественно-политической мысли славянских народов в XIX в.", вышедшей в 1984 г., оно не употребляется⁹. Можно указать и на ряд других работ, как правило обобщающего характера, таких как "Общественное движение на польских землях. /Основные идейные течения и политические партии в 1864-1914 гг./"¹⁰

и др. Совершенно иная картина в зарубежной марксистской историографии. Примером широкого использования этого понятия может служить статья В.А. Матулы, переведенная на русский язык, "Людовит Штур и формирование словацкой национальной идеологии"¹¹.

Исходя из философского определения категории идеологии как совокупность форм общественного сознания, как система политических, правовых, нравственных, художественных, философских и других взглядов, выражающих интересы и потребности определенных социальных групп, по своему содержанию национальная идеология это комплекс идей, отличительным признаком которого является преимущественная ориентация на достижение целей национального развития, на реализацию потребностей нации, на достижение подлинно общенациональных интересов. Поскольку идеология выступает в различных формах, из которых ведущее место занимает политическая идеология, по выражению К.Маркса "идеология первого порядка"¹², то политические требования играют определяющую роль и в национальной идеологии.

Такой подход дает ответ на закономерный вопрос о соотношении национальной идеологии с важнейшими атрибутами национальных движений — национальными программами. Надо признать, что и в теоретическом осмыслении сути национальных программ весьма плодотворные результаты достигнуты зарубежной марксистской историографией, например, чехословацкой. Об этом свидетельствует, в частности, работа Мирослава Гроха. Так, предложенная им типология программ национальных движений /доминантой всех рассуждений является процесс формирования программ освободительных движений угнетенных народов/ является результатом диалектического раскрытия содержания и взаимосвязи национального самосознания, национальных движений и национальных программ¹³.

Возникновение национальной идеологии является завершающей ступенью процесса формирования национального самосознания в исторически закономерном становлении наций.

Период наиболее интенсивной разработки основных элементов национальной идеологии совпадает, в основном, с периодом перехода от феодализма к капитализму и на востоке Центральной Европы, как отмечают А.С.Мильников и В.И.Фрейдзон в статье, обобщившей многолетнюю работу большого коллектива историков, разрабатывавших проблему формирования наций¹⁴, "совпало с эпохой подъема буржуазии"¹⁵.

Однако в совершенно иных условиях шло развитие национального вопроса в странах Центральной и Юго-Восточной Европы на рубеже веков. Пропаганда буржуазией национального единения уже не предполагала разработку общей программы, но по-прежнему подразумевала защиту общенациональных интересов, т.е. борьбу за свободу, независимость, суверенитет нации. Разумеется, что порой такого рода заявления имели чисто декларативный характер. Вместе с тем, по убеждению самих буржуазных идеологов становился мифом классовый солидаризм, который в определенной степени был еще присущ для идеологических построений предшествующей эпохи. Действительно, если он и поддерживался буржуазией, то в первую очередь в пропагандистских целях. В этом смысле национальная идеология утрачивает присущую ей ранее роль фактора национального единства.

Нарастание классовых противоречий вело к углублению противостояния рабочего класса и буржуазии. Однако утверждение, характерное особенно для периода становления марксистского исторического славяноведения, что с победой капитализма идеология имущих классов правела, а социальные интересы трудящихся масс все более связывались с прогрессивной идеологией рабочего класса слишком упрощенно. С нашей точки зрения, этот тезис все еще несет на себе элемент абсолютизации классовых интересов. Он непосредственно перекликался и с рассмотрением национального вопроса как вторичного, подчиненного общему вопросу о социально-политическом развитии общества, что вело к схематизации исторического прошлого и даже нарушению его целостного восприятия.

Идейно-политическая дифференциация чешского буржуазно-

го лагеря, которая стала реальностью на рубеже XIX и XX веков, проявилась в образовании нескольких течений /лево-либеральных реалистов, мелкобуржуазных националистов, прогрессистских партий/, отстаивавших в ряде случаев намного более последовательно чем чешские социал-демократы социальные интересы беднейшего крестьянства, разорывшейся многочисленной мелкой буржуазии, шедших значительно дальше в постановке и разработке национального вопроса, в формулировании целей национального движения, чем австрийские социал-демократы в целом. Причем, и по отношению к консервативным группам, мы не можем говорить о слиянии их интересов и идеологии с идеологией господствующей нации, с интересами австрийских правящих кругов. Пожалуй, следует согласиться с мнением ведущего современного чехословацкого историка Отто Урбана, высказанным им в работе "Капитализм и чешское общество" /кстати, получившей в свое время тенденциозно критическую оценку/, что "политическая и идейная дифференциация чешского общества была выражением его реальной силы" и ее следует рассматривать как признак жизнеспособности нации, в то время как консервация и сохранение лозунга единства нации на длительный срок свидетельствует о слабости национального движения¹⁶.

Кризис идеологических концепций предшествующего периода в 90-х гг. XIX в. являлся отражением меняющихся общественных условий. В основе происшедших процессов лежали прежде всего новый уровень социально-экономического развития, нарастающая классовая поляризация, изменение в положении мелкобуржуазных слоев. Принципиально новым явлением в политической жизни чешского общества 90-х годов XIX в. и вплоть до первой мировой войны было решительное наступление массового рабочего движения. С отменой курлянского парламента буржуазия утратила последний атрибут единственного представителя чешской нации. Все это еще раз подчеркнуло декларативный характер идеи национального единства на рубеже XX вв. Однако целиком согласиться с точкой зрения Урбана, что лозунг "нация едина" в полной

мере утратил все положительные моменты, присущие ему в период утверждения капитализма, приобрел уже не столько демагогический, сколько реакционный характер¹⁷ в условиях усиления централизаторской политики Венг, не представляется возможным. На волне мощного подъема национального движения в национальной идеологии воплощались чаяния того или иного народа как этнической и социальной общности о равноправии и обретении суверенитета.

Какую же роль играла национальная идеология в эпоху после 1871 г., которая в работе В.И.Ленина "Под чужим флагом" характеризуется как "эпоха полного господства и упадка буржуазии, эпоха перехода от прогрессивной буржуазии к реакционному и реакционнейшему финансовому капиталу"¹⁸. Возвращаясь к ранее цитировавшемуся положению В.И.Ленина, по словам которого, в последней трети XIX - начале XX вв. национальная идеология осознанно использовалась буржуазией для отвлечения рабочих, трудящихся масс от классовой борьбы, следует подчеркнуть, что процесс развития национальной идеологии не был однолинейным. Несомненно, попытки буржуазии поставить на службу своим интересам ее огромный потенциал имели место. В публицистике того времени имеется не малое число примеров, когда в политической, экономической, культурной сфере буржуазия по-прежнему стремилась выступать от имени всего народа. Причем это происходило и в начале XX в., когда буржуазный политический лагерь не был единым, конституировались различные политические партии, имевшие разную социальную базу, а рабочее движение рассматривалось даже политическими противниками как важнейший политический фактор.

Как мы уже отмечали, согласно положению В.И.Ленина, конечной целью национальной идеологии является свержение национального гнета и создание национальных независимых государств. Этот процесс в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе наиболее интенсивно развивался в начале XX в. В работе "Тезисы по национальному вопросу", написанной в начале июля 1913 г., Ленин писал: "...во всей Вос-

точной Европе /Австрия и Балканы/ и в Азии — т.е. в пограничных с Россией странах — либо не закончено, либо только еще начато буржуазно-демократическое преобразование государств, везде в мире ведущее, с большой или меньшей степени к созданию самостоятельных национальных государств или государств с наиболее близким и взаимнородственным составом"¹⁹. Далее, в "Тезисах реферата по национальному вопросу" он отмечает: "Рядом Австрия с незаконченной буржуазной революцией в отношении национального вопроса"²⁰.

В этом контексте было бы целесообразно признать, что у славянских народов Австро-Венгрии, Османской империи в последней трети XIX — начале XX в. в силу нерешенности национального вопроса шел процесс интенсивного развития национальной идеологии. Причем, в качестве ее неотъемлемого элемента надо признать устремленность, нацеленность на создание суверенных национальных государств. Бесспорно и то, что у большинства славянских народов Австро-Венгрии более или менее развернутые и четко сформулированные программы по национальному вопросу были разработаны именно в этот период. Они исходили из права наций на самоопределение или, говоря свойственной этой эпохе терминами, из "естественного государственного права", или же строились на весьма специфической основе, получившей достаточно широкое распространение в этом регионе, своеобразного симбиоза естественного и исторического государственного права²¹. Другое дело, что марксистская историография уже в течение нескольких десятилетий не отдавала должного этим документам. Но ведь это не меняет существо вопроса, не мешает констатировать, что на рубеже веков квинтэссенцией национальной идеологии, ее политическим символом становится идея национального самоопределения в форме суверенного государства.

1. Национально-освободительное движение славянских народов Австрийской империи. Вып. I-9. М., 1975.

2. Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец ХУШ в. - 1848 г.; Период утверждения капитализма. М., 1980-1981.
3. Освободительные движения..., М., 1980, С. 294.
4. Там же, С. 291-300.
5. Там же, С. 294.
6. Мильников А.С., Фрейдзон В.И. Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе в ХУШ-ХІХ веках. Вопросы истории, 1987, № 8, с. 75.
7. Там же.
8. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26, С. 162-163. Еще раньше Ленин подчеркивал, что "всегда и везде буржуазия выступала против отживших сословных рамок и других средневековых учреждений во имя всего "народа", классовые противоречия внутри которого были еще не развиты, и она была, как на Западе, так и в России, права, так как критикуемые учреждения стесняли действительно всех". Полн. собр. соч. Т. 1, С. 442.
9. Дьяков В.А., Фрейдзон В.И. Основные этапы развития и типология общественно-политической мысли славянских народов в ХІХ в. Советское славяноведение, 1984, № 2, С. 51-65.
10. Общественное движение на польских землях. Основные идейные течения и политические партии в 1864-1914 гг. М., 1988.
11. Матула В. Людовит Штур и формирование словацкой национальной идеологии. Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970, С. 96-106.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., Т. 21, С. 312-313.
13. Hroch Miroslav. Typologie programů národních hnutí jako badatelský problém. - In: Myslenkovú vývoj Čechů, Slovaků a Jihošlovánů od poloviny 18století do buržoazní revoluce 1848-1849. Praha, 1985, s. 37-47.
14. Имеется в виду коллективный труд "Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты". М., 1981.
15. Мильников А.С., Фрейдзон В.И. Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе в ХУШ-ХІХ веках, С. 62.
16. Urban Otto. Kapitalismus a česká společnost. Praha, 1978. S. 257.
17. Urban Otto. Česká společnost. 1848-1918. Praha, 1982. S. 47.
18. Ленин В.И. Под чужим флагом. Полн. собр. соч., Т. 26, С. 142.
19. Ленин В.И. Тезисы по национальному вопросу. Полн. собр. соч., Т. 25, С. 314.
20. Ленин В.И. Тезисы реферата по национальному вопросу. Полн. собр. соч., Т. 24, С. 389.
21. Беняшева З.С. Проблема государственности в чешской общественной мысли накануне первой мировой войны. К 70-летию образования самостоятельных государств в Центральной и Юго-Восточной Европе. Выпуск II. М., 1989, С. 86-

106 ; Романенко С.А. Проблема национального самоопределения в программах буржуазных политических партий югославянских народов Австро-Венгрии /конец XIX - начало XX вв./... Там же, С. 106-120.

С.М.Фалькович

О некоторых понятиях, связанных с национальной проблематикой, применительно к исследованию истории Польши и российско-польских отношений в Новое и Новейшее время

Содержание таких понятий как шовинизм, национализм, патриотизм, интернационализм, нуждается в более глубоком исследовании, а их определение /в уточнении. Это вопрос общей методологии, поэтому задача разработки понятийного аппарата имеет в целом большое значение. Стоит подчеркнуть особую важность этой задачи, имея в виду исследование отдельных конкретных проблемных комплексов, в частности, исследование проблематики общественного развития Польши /особенно в новое и новейшее время/ и отношений польского народа с народами России.

В этой области объективный анализ, квалификация и оценка исторических явлений были затруднены рядом факторов. Прежде всего мешала официозная концепция, настойчиво проводившаяся и оберегавшаяся до недавнего времени, в определении и оценке позиции России и российского общества по польскому вопросу. Эта концепция предполагала замалчивание и "обеление" внешней и внутренней политики царизма, в том числе политики национального гнета, русификации, направленной против угнетенных народов, в частности, польского. Об этом приходилось говорить эзоповым языком вместо того, чтобы назвать ее своим именем - великорусским шовинизмом. Такое определение означало бы отмежевание от шовинистической позиции, укрепление позиции интернациональной и одновременно русской национальной, так

как акцентировало бы отличие русского народа от русского царизма, тем самым влияя положительно на складывание образа русского народа и русского человека, на создание стереотипа русского. Вместе с тем, подчеркивание различия между народом и царизмом не должно было бы вести к замалчиванию тех результатов, которые имела шовинистическая пропаганда правящих кругов России, того влияния, которое она оказывала на широкие слои общества и которое формировало позицию в польском вопросе не только темных масс, но и ряда видных представителей российской интеллигенции, формировало и стереотип поляка в общественном мнении России. Стыдливый отказ от оценки настроений, преобладавших в российском обществе, не позволял должным образом оценить и имевшие место проявления интернационализма, революционной солидарности с поляками со стороны русских. Они показывались не на общем /шовинистическом по преимуществу/ фоне, а отдельно, изолированно, и это отдельное представлялось как единственное и главное. В результате процесс развития и распространения идей интернационализма упрощался, умалялось его значение. Между тем подлинная значимость отдельных конкретных проявлений интернационализма может быть раскрыта лишь в контексте действительной духовной атмосферы того времени, на основе показа борьбы еще слабой, но качественно новой, прогрессивной и именно потому главной тенденции развития против тенденции, пока еще преобладающей в количественном отношении, то есть проявляющейся более широко.

Для понимания характера российско-польских отношений очень важно точное применение тех понятий, о которых идет речь, при анализе польского национального и национально-освободительного движения. Трактовка этого движения в плане оценок – националистическое или национальное, патриотическое, интернационалистское – в значительной степени грешила предвзятостью, обусловленной догматически, узко понятым классовым подходом. При таком упрощенном подходе признавался патриотизм демократического поль-

ского лагеря, но консервативным, клерикальным и т.п. элементам польского общества отказывалось в праве называться патриотами. Наиболее яркий пример — чарторыщина, которую польская историческая традиция включала в патриотический лагерь и которой советская историография в этом отказывала. Отрицание патриотизма консервативной эмиграции обосновывалось в лучшем случае тем, что избранный ею путь был ошибочным и не мог привести к освобождению Польши. Однако, предположительные моменты не могли затушевывать реального факта патриотических стремлений и усилий сторонников Стяла Лямбер, и именно этот факт, как представляется, должен стать главным критерием при оценке места партии Чарторьских в польском национально-освободительном движении. Основным же исходным пунктом должно быть признание того обстоятельства, что польский патриотический лагерь и патриотическое /национально-освободительное/ движение были очень пестрыми в классовом, социально-политическом, идеологическом отношении, и отсюда вытекает необходимость изучать и оценивать все слагаемые этого феномена.

Выше уже говорилось о тех тяжелых последствиях, к которым приводила концепция "защиты" и "обеления" царизма в применении к оценке позиции русского общества в польском вопросе. Эта же концепция наложила отпечаток и на оценки, относящиеся к польскому национально-освободительному движению и патриотизму во всех его проявлениях. Зачастую как национализм трактовалось все, что было направлено против России, а по существу против русского царизма.

Такой подход обусловил и отношение к крупнейшим освободительным выступлениям поляков — восстаниям 1830 и 1863 гг. Хотя они и признавались важными вехами в национально-освободительной борьбе польского народа, попытки углубленного исследования истории этих "антирусских" выступлений отнюдь не поощрялись, и интерес историков направлялся к тем вооруженным выступлениям поляков, ко-

тории происходили за пределами Российской империи — в 1846 г. в Галиции, в 1848 г. в Галиции и Познани. При такой трактовке проявлений национально-освободительной борьбы польского народа, когда основной акцент делался на наличии или отсутствии момента антирусской направленности, как бы ставился знак равенства между царизмом и Россией, русским народом. Вместе с тем историки усиленно подчеркивали, что это — разные понятия, употребляя для характеристики польских восстаний и других выступлений такие формулировки, как: "антисамодержавное", "антицарское", "направленное против царизма" и пр. Эти формулировки, в целом правильно отражавшие объективный факт нетождественности царизма и русского народа, тем не менее не учитывали важного субъективного фактора, а именно того что в сознании поляков такое отождествление происходило под влиянием ненависти к угнетавшему их царизму, и эта ненависть переносилась на все русское. Так же, как в русском обществе лишь небольшая часть сумела оказать сопротивление идеям великодержавия и подняться до подлинного понимания польского вопроса, так и в Польше далеко не каждый революционер мог отделить русский народ от ненавистного царизма, а только наиболее прозорливые из них, вдумчивые и чуткие. Недоверие и неприязнь по отношению к русским становились элементом национального сознания в период его формирования, они, с одной стороны, сказались на польском национальном характере, а с другой, во многом определили стереотип русского, закрепившийся в сознании польского общества. Все эти моменты имели и имеют огромное значение не только для российско-польских, а затем и советско-польских отношений, но и в целом для судеб народов Польши и России. Поэтому их нельзя обходить молчанием, а напротив, нужно глубоко изучать и объяснять как истоки чувств, настроений, взглядов, сложившихся в Польше по национальному вопросу, так и их последствий.

При анализе национальной проблематики, оценке тех или иных национальных проявлений перед исследователем

как правило встает вопрос: где, когда, при каких условиях, почему патриотизм, национальное чувство, национально-освободительные стремления переходят в иную категорию, где граница, отделяющая их от национализма, в том пейоративном значении этого слова, которое принято у нас /как известно, в других языках этот термин не имеет такого оттенка/. О национализме в негативном плане, как представляется, можно говорить только тогда, когда проявления национального чувства оказываются направленными на недоверие и ненависть к другим народам или в ущерб интересам этих народов, когда свой народ ставят выше других и судят по иным меркам. В польском патриотизме такие тенденции прослеживаются. Элементы национального эгоизма и гегемонизма характерны для взглядов многих виднейших представителей польского освободительного движения. Это касалось не только отношения к украинцам, белорусам, литовцам, которых большинство польских идеологов не признавало самостоятельными нациями. В идейно-политических концепциях ряда польских идеологов чехам и другим славянским народам отводилась второстепенная роль, подчиненное положение в славянском мире, а возможный соперник поляков на роль руководителя "славящины" — русский народ — вообще исключался из славянского круга на основе "аргументов" расистской туранской теории. И лишь очень немногие противопоставляли свою позицию общераспространенной, заявляя, как Я. Домбровский, о праве украинцев, белорусов, литовцев на самоопределение. Подобные взгляды высказывали и некоторые другие польские революционеры, преимущественно сторонники общинного социализма. Из их же среды раздавался голос в защиту прав чехов и их роли в славянском мире, протест против гегемонизма и дискриминации народов в рамках будущей славянской федерации. Представитель этого течения Ю. Токажевич включал в славянскую федерацию также и Россию. Как правило, деятели этого круга акцентировали различие между шариизмом и русским народом, возлагая надежды на революционный союз с ним. Значение

этих единичных проявлений интернационализма можно верно оценить лишь в сопоставлении с общим настроением, господствовавшим в Польше, с теми взглядами, которые имели широкое распространение и формировали общественное мнение. Только тогда создастся полное представление о самостоятельности мышления отдельных польских революционеров, об их гражданском мужестве, а вместе с тем прояснится вопрос об истоках интернационалистских традиций в Польше, о генезисе пролетарского интернационализма в этой стране.

Если говорить о категориях интернационализма и национализма применительно к польскому национально-освободительному движению, то налицо особо сложное диалектическое переплетение этих понятий. Как известно, польский вопрос на протяжении почти всего XIX века выступал на первый план в международной политике, и его значение было особенно велико в перспективе европейской революции. Сами поляки подчеркивали эту сторону, но нередко использовали ее для обоснования приоритета "польского дела", то есть интересов польского народа, перед интересами других народов. Иными словами, в самом подходе была заключена возможность националистической трактовки, выдвижения идей национального эгоизма, пренебрежительного отношения к другим народам и т.п. И не удивительно, что призывы к "экономии польской крови для чужих дел" звучали из уст даже таких радикальных демократов, как Я.Н.Яновский. На шляхетском этапе освободительной борьбы ее характерной чертой было участие поляков в революционном движении других народов, но по существу все проявления интернационализма такого рода являлись своеобразным проявлением стремления к борьбе за Польшу, и сами поляки не скрывали своей позиции. Таким образом, субъективно, принимая во внимание личную позицию того или иного поляка, участие его в борьбе за свободу другого народа не было примером интернационализма, так как отсутствовало интернационалистское сознание. В то же время объективно, по результатам, которые давало между-

Народное революционное сотрудничество, по его значению деятельность поляков в европейском революционном движении должна быть занесена в актив интернационализма. Втягивая польских революционеров в сферу идей международной революционной солидарности, эта деятельность способствовала развитию и субъективного фактора — интернационалистского сознания.

Всякое национальное самосознание предполагает выделение себя среди других народов, осознание своей особенности, и это явление закономерное и прогрессивное. Но всяческое подчеркивание особенности /и только особенности/ может вести и ведет к национальной обособленности, изоляции, национализму в его худших проявлениях. Как правило, акцентирование своей национальной особенности свойственно прежде всего народам, у которых именно национальность подвергается опасности в результате национального гнета, национальных преследований и т.п. Не случайно этот момент очень ярко выражен у армян, евреев, поляков. Последние даже специально рассматривают вопрос о "польскости", анализируют ее признаки, характерные черты, как это было, например, на сессии, посвященной 70-летию возрождения Польши. Там высказывалось, в частности, мнение, что одной из черт "польскости" является смакование своей особенностью, сосредоточенность на том, что отличает поляков от других народов, и игнорирование того, что сближает.

Такая черта поляков, как акцентирование "польскости", несомненно, накладывает отпечаток на национальный характер. Польский национальный характер — категория, существующая объективно, но в то же время сам поляк понимает свой национальный характер иначе, чем представители других народов, у каждого из которых складывается собственное представление о поляках. Поскольку такие представления играют большую роль в межнациональных отношениях и, следовательно, влияют на самую судьбу народов, важной задачей является комплексное исследование национальных стереотипов, т.е. исследование стереотипа в сравнении с

Историю других народов.
Этот, в свою очередь, диктует
необходимость

автостереотипом и национальным характером народа, в данном случае польского. Такое исследование явлений, имеющих устойчивый характер и вместе с тем находящихся в развитии, требует изучения истоков, корней, конкретных путей формирования, с одной стороны, национального характера и автостереотипа, а с другой, многочисленных стереотипов, появление которых связано уже не только с польской исторической спецификой, но, в первую очередь, со спецификой объединения усилий специалистов по истории разных стран, и прежде всего поскольку речь идет о российско-польских отношениях, координации деятельности советских историков-полонистов и ученых, работающих в области отечественной истории.

Л. А. Обушенкова

Революция 1848-1849 годов в Центральной Европе.
Национальные противоречия и солидарность революционных движений

Революция 1848-49 гг. охватила большинство народов Центральной Европы. Объединяющей целью, вовлекшей в движение десятки тысяч людей, была общедемократическая борьба против феодализма и абсолютизма, антидемократической политической системы. Политические и социальные лозунги революции, казалось бы, должны были сплачивать всех сторонников буржуазных преобразований, всех недовольных существующим положением дел. Однако действовали центробежные силы, что было следствием противоречивости, а зачастую и столкновений национальных интересов народов Австрийской империи, а также польско-немецких противоречий. С начала революции и по мере ее развития многие национальные разногласия обострились еще сильнее. Поэтому 1848-1849 гг. в Центральной Европе ознаменовались как сближением демократических сил, так и противоборством предста-

вителей разных народов.

В исторической литературе высказываются противоречивые мнения о путях преодоления существовавших разногласий. Советские исследователи придерживаются той точки зрения, что в 1848 г. "демократия не могла победить без освобождения народов, но провозгласить это освобождение могла только революционная демократия, переходившая на позиции интернационализма"¹. Это положение, считают участники "круглого стола", посвященного основным проблемам революции, особенно справедливо для многонациональной Венгрии, в которой одним из решающих шагов по пути демократического решения национального вопроса был закон о расширении прав всех национальностей, принятый венгерским революционным правительством 28 июля 1849 г.²

Существует и иная точка зрения. Так, например, немецкий историк Роде Готхольд, размышляя о национальных противоречиях в Центральной Европе, не видит альтернативы сложившейся в канун и во время революции ситуации, считая непримиримыми национальные стремления немцев и поляков, венгров и словаков, трансильванских румын, немецких саксов и др.³ Поляризация взглядов на возможные перспективы развития межнациональных отношений и, следовательно, судеб революции объясняется многогранностью и переплетением исторических судеб народов Центральной Европы и ходом революции.

Обострение межнациональных отношений нарастало в некоторых регионах, оно обуславливалось политикой революционных органов и деятельностью как реакционных, так и патриотических сил. Так Франкфуртский парламент одобрил подавление польского национально-освободительного восстания в Познани; венгерское революционное правительство отказывало в удовлетворении национальных требований трансильванских румын, не учитывало протест против введения единого венгерского языка, с которым выступали живущие в Трансильвании хорваты и саксы; не были полностью удовлетворены экономическими реформами словаки. Венгерское революционное

войско подавило выступление словацких крестьян и национальные движения сербов Воеводины, трансильванских румын.

Основной силой, борющейся против венгерской революции, была австро-хорватская интервенция. Хорватские войска сыграли решающую роль в подавлении австрийской революции. В южных комитатах Венгрии против венгерских повстанцев выступили вооруженные сербские отряды. На стороне императорской армии сражался словацкий добровольческий корпус. Словацкие и австронемецкие отряды подавляли Пражское восстание. Подобных фактов противостояния национальных сил можно привести немало.

Наряду с противоборством представителей разных национальностей в 1848—1849 гг. известны многочисленные факты сочувствия и солидарной поддержки демократических, антиабсолютистских и патриотических настроенных сил. Причем представители одного и того же народа нередко выступали по разные стороны баррикад. Сочувствие повстанцам, разные формы помощи в революционной и национально-освободительной борьбе имели место в германских государствах, охваченных движением за объединение Германии и антифеодальной борьбой: среди народов Австрийской империи существенную роль сыграла поддержка революции в Венгрии, а также Пражского восстания, Октябрьских событий в Вене. Большое сочувствие и помощь оказали народы Центральной Европы национально-освободительному движению и борьбе за объединение Италии.

Помощь повстанцам оказывали представители разных слоев населения, члены национальных радикальных и консервативных организаций. Одной из ее форм стала материальная помощь. В Силезии, Моравии и Галиции действовали комитеты помощи венгерской революции и вербовочные комитеты по переправке в Венгрию добровольцев. Сборные пункты добровольцев были созданы и во Вроцлаве. Повстанцы направлялись в Венгрию через Галицию. В этом деле польским организациям, активно помогало местное население, в основном польское. Через Моравию и Силезию в Венгрию направлялись немец-

кие, венгерские и польские добровольцы, которых снабжал паспортами польский комитет. Жители силезских городов Бельско и Бяла помогали раненым. Местное население прусской части Силезии снабжало повстанческую армию зерном. Продукты и фуражное зерно поставляли им и жители чешской Силезии, Брно и Златых Гор. Таким образом, в акциях по оказанию помощи венгерским повстанцам были втянуты деятели польского национально-освободительного движения и широкие слои местного населения Галиции, Моравии и Силезии.

В Чехии, Моравии и Силезии распространялись листовки и плакаты в поддержку венгерской революции с провозглашением здравицы Л. Кошуту. Рекрутов призывали уклоняться от мобилизации в императорскую армию. Довольно широкие массы населения свои симпатии к непокоренным венграм выражали тем активнее, чем большее недовольство зрело у них против правящего австрийского режима. Движение солидарности с венгерской революцией в Чехии усилилось после того, как началось наступление правительства на те немногие льготы, которые были вырваны у него революционными событиями. "В марте ни в Праге, ни в окрестностях не было, вероятно, ни одной стены, где бы не было крупными буквами написано: "Да здравствует Кошут!", - писал в 1849 г. полицейский комиссар⁴. В моравско-силезской деревне имя Кошута обростало легендами; с победой венгров, а то и с приходом Кошута на чешско-моравские земли малоземельные крестьяне связывали свои мечты об улучшении материального положения и социального статуса. Из документов силезско-моравского земского президиума лета 1849 г. явствовало, что симпатии к Кошуту проявляют главным образом малоземельные халупники, которые таким способом "начали демонстрировать свое беспокойство и свое сопротивление богатым седлакам"⁵.

Чешское население призывалось также к участию в подавлении итальянского национально-освободительного движения. 5 марта 1848 г. в Праге распространялась листовка в поддержку справедливой борьбы итальянцев против гнета австрийского правительства. "Братья! - говорилось в ней, -

Наступил конец всем жертвам для трона, который считает нас рабами, притесняет нас, давит жестокими налогами. Итальянцы — наши братья, мы не будем сражаться против них, ибо они так же несчастны, как и мы. Собирайте силы и не допускайте новых вербовок..."⁶ Подобная агитация проводилась сербскими революционными демократами среди сербов и хорватов, главным образом среди солдат Военной Границы в армии К.Радецкого. Так в апреле 1848 г. в форме листовки была распространена речь С.Милетича на митинге сербского населения Воеводины в Загребе. В ней, в частности, говорилось: "Братья — солдаты Границы... пришла пора обратиться к вашему разуму... Немцы видят, венгры видят, что Ломбардия должна выйти из состава Австрии, потому что ей помогают вся Италия, и Франция, и Швейцария. А вас, несмотря на это, попрежнему гонят в Ломбардию"⁷. В августовской листовке обосновывалась та же мысль о глубоком уважении к свободолюбивым стремлениям итальянцев.

Таким образом, одной из реальных форм проявления солидарности с революционным движением в Центральной Европе было распространение листовок и всякого рода призывов к поддержке восставших либо просто к отказу от участия в карательных экспедициях. В поддержку революций в Вене, Пеште, Праге и других местах проходили массовые митинги, которые иногда завершались действенными акциями. Можно привести такой факт, как освобождение восставшим населением Берлина в марте 1848 г. из Моабитской тюрьмы участников польских повстанческих организаций или активные действия жителей Вены в начале октября того же года, когда они разобрали железнодорожные пути и не допустили отправки императорских войск на подавление венгерской революции.

Самая неоспоримой и действенной формой поддержки революционного и национально-освободительного движений было непосредственное участие в вооруженной борьбе. В Вене в первых мартовских выступлениях участвовали немецкие, чешские, венгерские, словацкие студенты. На помощь немцам, отстаивавшим революционные завоевания, поспешили чехи, по-

ляки и венгры. В Пражском восстании против австрийских войск сражались немцы, проживавшие в чешских землях, словаки, венские студенты. В Дрезденском восстании советниками стали три поляка. В Бадене и Баварском Пфальце сражался немецко-польский легион, несколько польских отрядов. В революционное войско вступали поляки, французы, итальянцы, венгры. Командирами нескольких отрядов стали поляки, причем во главе восставших в Бадене был польский генерал Л. Мерославский, в Прирейнских государствах — также польский генерал Ф. Шнайде.

В рядах венгерской революционной армии сражались представители многих национальностей: немцы, поляки, чехи, словаки, украинцы, румыны Баната, французы, болгары. Действовали национальные отряды: немецкие, польские, итальянские, румынские, турецкие, французские и др. Поляки Ю. Бем, Г. Дембинский, Ю. Высоцкий и около 30 других военачальников были командирами частей и армий. Крупными военачальниками были немцы, болгары и представители других национальностей.

В национально-освободительной войне итальянского народа принимали массовое участие поляки и польские военачальники: Мерославский, А. Фиялковский, М. Рыбинский и др. Поляками было сформировано несколько легионов. Под демократическими лозунгами выступил легион А. Мицкевича. На стороне итальянцев сражались чехи, венгры, французы, евреи, словаки, граничары.

Представители польской эмиграции сотрудничали с революционными силами в Дунайских княжествах. Поляки участвовали в политических манифестациях в Яссах, в уличных боях в Бухаресте. Они продолжали вести агитацию среди поляков-уроженцев Королевства Польского, мобилизованных в царскую армию, после оккупации Молдовы русскими войсками.

Национальную борьбу сербов в Воеводине против венгерских отрядов поддержали не только жители Сербского княжества. На стороне сербов Воеводины, поднявшихся на защиту своих национальных прав, сражались трое поляков: артиллерийский офицер А. Т. Вроновский, ставший главнокомандующим

сербской артиллерией; капитан Х.Гонсёровский, который строил фортификационные укрепления; и артиллерист К.Григорович, командовавший артиллерийской батареей⁸.

Когда соберутся воедино сведения о национальном составе участников революционных движений и национально-освободительных войн создается внушительная картина солидарности демократических сил. Неизбежно возникает вопрос: что побуждало добровольцев жертвовать жизнью, отказываться от возможности вернуться на родину, мириться с перспективой лишиться имущества и т.п.?

Одна из причин, несомненно, заключалась в поддержке общедемократической борьбы против реакционных режимов и национального угнетения. Отсюда и планы совместных выступлений представителей австро-немецкой, немецкой, чешской, венгерской и польской демократии. Такое широкомасштабное восстание готовилось весной 1849 г. Предполагалось поднять восстания в Бадене и чешских землях, поддержать Венгрию и осуществить марш польского генерала Дембиньского в Галицию, организовав выступление поляков. Но этот так называемый майский заговор не удался. Известны планы одновременного восстания в Дунайских княжествах и Королевстве Польском против Австрии и России.

Главным побудительным мотивом солидарных выступлений являлось осознание общности интересов, того факта, что совместными усилиями легче достичь своих национальных целей. Но, на наш взгляд, главной движущей силой, побуждавшей добровольцев сражаться в чужих землях, были патриотические чувства, защита своих национальных интересов, которые можно было отстоять лишь общими усилиями. Этот лозунг был сформулирован еще во время польского национально-освободительного восстания 1830–1831 гг.: "За нашу и вашу свободу!"

Общность борьбы за национальные интересы австрийцев, немцев, венгров, поляков, чехов, итальянцев и других народов Европы против реакционных режимов Австрии, России и германских государств осознавали как руководители, так и рядовые участники революций. Весной 1849 г. Централизация

Польского демократического общества в мемориале "Всеобщего союза демократии" провозгласила: "Все народности, стремящиеся конституироваться на принципах демократии, ... солидарны. Каждая имеет право требовать от других возможной помощи, какую только ей могут предоставить и, со своей стороны, обязана оказывать таковую другим. Эта солидарность должна существовать до тех пор, пока каждая народность не избавится от внешних либо внутренних врагов и не конституируется в независимую нацию на демократических основах"⁹. Чешский радикальный демократ Э. Арнольд, готовивший "майский заговор", писал в ноябре 1848 г. в "Гражданской газете": "Чешская революционная борьба как своим возникновением, так и своим будущим связана с остальным революционным движением в Европе"¹⁰. Как следует из текста, один из лидеров чешского движения выступление под национальным знаменем и возможность успеха в будущем связывал с победой революционных движений других народов Центральной Европы, чьи интересы были взаимосвязаны.

В высказываниях командиров боевых формирований, в лозунгах, с которыми сражались отряды добровольцев, также прослеживается мысль об общности целей, о том, что борьба на стороне восставших в одной стране в конечном итоге идет на пользу национальным интересам своей страны. Легионеры Мицкевича в Италии были убеждены в том, что "их обязанностью как союзников народов является участие в национальной борьбе итальянцев против общего врага"¹¹, т.е. австрийской монархии. В инструкции legionерам Мицкевич объяснял, что участие в войне против австрийской императорской армии - "это единственный для нас критерий, если иметь в виду проблему будущего Польши и других славянских народов"¹².

Польские отряды в прирейнских государствах шли в бой с лозунгом: "За свободу, закон и родину!"¹³ Немецко-польский легион в Бадене, в составе которого находились французы, итальянцы и венгры, сражался со знаменем, на котором было написано: "Равенство, братство, благоденствие

для всех!"¹⁴. Этому лозунгу созвучны и слова молодого польского офицера М.Х.Романьского, написавшего в мае 1849 г. родным из Бадена: "Энтузиазм народа огромен, и следует ожидать, что немцы будут отчаянно биться. Теперь нам не хватает только захвата венграми Вены, восстания в Чехии и Галиции и революции в Берлине. Не позднее, чем через несколько дней будет разыграна карта судеб Европы ... либо республика во всей Европе, либо русский кнут. Дай бог первое"¹⁵.

Общность интересов, осознаваемая участниками революции в Центральной Европе, защита ими своих национальных требований видны и на примерах договоров о совместных действиях между национальными революционными силами и формированиями добровольцев. Поляки, например, добивались от венгров оказания поддержки в организации похода в Галицию, а после победы венгерской революции, если ее удастся завоевать, совместными силами, - послышки туда и венгерских отрядов. Поляки и немецкие демократы договаривались о совместной борьбе против России за освобождение польских земель. Но, разумеется, после победы революции в германских государствах. Предполагалось, что национально-освободительное движение в Молдове и Валахии отвлечет царские войска и таким образом облегчит восстание в Королевстве Польском.

Патриотические цели, приобретающие первенствующую роль при формировании идеологии участников революции, привлекали в их ряды представителей разных политических группировок. Солидарность с революционной борьбой народов в Центральной Европе проявляли национальные польские деятели не только демократического, но и консервативного направления. Польские генералы Дембиньский и Бем занимали командные посты в венгерской армии, заметную роль в ней играл ближайший соратник А.С.Чарторнского полковник В.Замойский. Агенты Стеля Лямбер активно участвовали в подготовке восстания в Дунайских княжествах. В Милане против австрийских войск сражался польский легион под командованием Сёдлкови-

ча, не принадлежавшего к демократическому лагерю. Как только в марте 1848 г. итальянцы начали войну с Австрией, польские эмигранты—представители аристократических семей бурно ее приветствовали. Очевидцы были свидетелями того, как аристократы обнимались с возгласами: "Теперь Польше быть! Польша уже есть!"¹⁶ Польская аристократия в Париже передала Отелю Лямбер 20 тыс. франков на военные цели¹⁷, после того, как сторонники Чарторьского решили создать в Италии польские формирования.

Патриотические мотивы преобладали и в отношении определенной части населения чешских земель к венгерской революции. Активная ее поддержка началась после того, как потерпело поражение Пражское восстание и даже еще позднее, после краха надежд на Кромержижский сейм и ожидаемую демократическую конституцию, то есть тогда, когда надежды на демократизацию политического строя в чешских землях можно было возлагать только на победу венгров. При столкновениях с полицией чешские студенты кричали: "Кошута бы на вас!"¹⁸. Чувство солидарности с борьбой венгров у народов Австрийской империи было связано с осознанием общеевропейского значения венгерской революции.

Итак, отказ от учета национальных интересов приводил к конфликтам революционных венгров с сербами, хорватами, румынами Трансильвании; немецких демократов с участниками польского национально-освободительного движения. Напротив, общедемократические устремления лежали в основе чувства солидарности с восставшими, заставляли добровольцев вступать в ряды повстанцев. Но в основе солидарных действий демократических сил в Центральной Европе в период революции было, на наш взгляд, стремление бороться "за вашу и нашу свободу", т. е. в конечном итоге чувство патриотизма, защита своих национальных интересов.

1. См.: "Круглый стол". Революции 1848—1849 гг. в Европе. Новая и новейшая история, 1988, № 6 С. 82.

2. Там же.
3. RHODE Gotthold. Wiosna Ludów i okres ją poprzedzający w Europie Środkowo-Wschodniej - prądy, przyczyny i problemy. In: Stosunki polsko-niemieckie 1831-1848. Pod red. Boridzieja i Cegielskiego. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk.
4. Клима А. 1848 г. в Чехии. Начало чешского рабочего движения. М., 1949. С. 133.
5. Sindelar B. Ohlas maďarské revoluce 1848-1849 na Moráve a ve Slezsku. - Rada společenských věd. Ročník 67.
6. Удальцов И.И. Очерки из истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 году. М., 1951, С. 69.
7. Bogdanov V. Hrvatska ljevica u godinama revolucije 1848/49. Zagreb, 1949. S. 118.
8. Дурковић - Јакшић. Учествовање пољских официра у српском покрету у Војводини 1848-1849. Зборник за славиистику. З Матица српска, Нови Сад, 1972.
9. Owsińska A. Powstanie palatynacko-badeńskie 1849 roku oraz udział w nim Polaków. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1965.
10. Удальцов И.И. Революция и контрреволюция в чешских землях Австрийской империи в 1848-1849 гг. в новейшей чехословацкой историографии /1950-1985 гг./. М., 1989, С. 62.
11. Legion Mickiewicza. Wybor zrodeł. Opracowali H. Batorski i A. Szklarska-Lochmannowa. Wrocław, 1958. S. 59.
12. Ibidem. S. 134.
13. Owsińska A. Op. cit. S. 41.
14. Ibidem. S. 39.
15. Ibidem. S. 117.
16. Kieniewicz S. Legion Mickiewicza 1848-1849. Warszawa, 1955. S. 69.
17. Ibidem. S. 66.
18. Sindelar B. Op. cit. S. 32.

И.М.Далина

Некоторые проблемы становления и развития "Великой идеи" на Балканах /вторая половина XIX - начало XXв./

Кризис феодальной системы, появление ростков капиталистических отношений, опережающее развитие Балкан по сравнению с этническими турецкими районами¹ составляли социально-экономическую основу процесса развития наций в Юго-Восточной Европе. В этом процессе А.С.Мыльников выделяет несколько этапов, для которых характерны определенные идеологические формы. На первом, приблизительно до конца XVIII - начала XIX в., преобладало воздействие идей Просвещения,

а на втором, до 70-х годов XIX в., происходило утверждение национальных концепций². Общим для стран Юго-Восточной Европы стал "принцип перевода общих философских постулатов в национальные категории"³, замены идей европейского Просвещения идеями национального романтизма. Просветительский гуманизм отставших в социально-экономическом развитии обществ оказался направленным на защиту и обоснование требований свободы для материального и духовного прогресса нации как единого целого⁴. Основным принципом социальной жизни балканских народов стал принцип прав нации, а политические и экономические программы, призванные придать новые импульсы общественно-культурному развитию, оказались подчиненными национальной идее.

Попытаемся определить балканский национализм как относительно систематизированную совокупность взглядов. В состав идеологического комплекса входили идеи, обобщающие исторический опыт нации, а также выводимые из этих идей директивы действия". "Обязательными идеями" балканского национализма стали следующие:

- провозглашение нации высшей ценностью, при этом реальным воплощением ее представляло государство, прочное изнутри, способное осуществлять широкую экспансию /государство как цель и средство/;

- апелляция к "суду истории", рассуждения об особой "исторической миссии", выдвижение "исторических прав" как аргумента для территориальных притязаний;

- идеализация прошлого, обращение к временам былого величия, "золотому веку", призывы пробудить у соотечественников национальный "дух" и "гений";

- подчеркивание древности цивилизации и континуитета народа, создание территориальных представлений о "законной" или "идеальной" родине;

- формирование у нации "предвоенного" сознания, стереотипа перманентной военной угрозы, в качестве его компонента - образа "национального врага", определение иерархии "врагов".

Процесс складывания национальных идеологий в балканских странах завершился, т.е. воплотился в конкретные политические программы одновременно: в Сербии, Греции – в 40-е годы XIX в., в Болгарии – в период Боснийского кризиса, в Румынии – в период первой мировой войны. К этому времени идеи "Великой Сербии", "Великой Греции", "Великой Болгарии", "Великой Румынии" были выведены из сферы научных и литературных построений и сформулированы в качестве конкретной политической доктрины.

Носителем "Великой идеи" являлась довольно разнородная по социальному положению "группа идеологов", к которой следует отнести представителей интеллигенции, создателей и руководителей политических партий, общественных деятелей⁵. К концу XIX в. "Великая идея" овладела практически всеми политически активными слоями населения балканских стран, она находилась в активе, помимо всех юридических и фактических полномочий, балканских монархов, которые, по существу, стали ее "знаменем" /примечательно, что в Греции, Румынии и Болгарии монархами были иностранцы/⁶.

Во внутриполитическом плане гегемонистские программы были направлены на превращение национальной идеи в инструмент развития нации в социально-экономическом и культурном аспектах, в средство политизации масс, а также отразили стремление заслонить социальные противоречия идеей национального единства. "Великая идея" оказала существенное влияние на различные сферы общественной жизни: экономическую, государственно-правовую, языково-культурную, идейно-политическую. Она обеспечила политику протекционизма, определила создание системы неравноправных национальных отношений в рамках государства, усиление авторитарного режима и т.д.

Во внешнеполитическом плане "Великая идея" отразила стремление каждого из независимых балканских государств к военно-политическому преобладанию в регионе. Чрезвычайно сильное воздействие на ускоренное формирование гегемонистских программ оказывала идейно-политическая борьба вок-

руг проблемы "национального единства". Концепция "идеального" отечества, исходившая из модели государства в период его наибольшего территориального расширения /Византийская империя, царство Стефана Душана, Болгарские царства, кратковременное объединение Валахии, Молдовы и Трансильвании Михаем Храбрым/ ставила конкретную политическую задачу - объединение всех "своих" земель в суверенное государство.

Неизбежность и острота территориальных конфликтов определили непоследовательность, зигзагообразность, нерелятивистический характер внешней политики Греции, Сербии, Болгарии, Румынии конца XIX - начала XX в. Попытки осуществления "Великих идей" вовлекали балканские государства как в прямые межгосударственные конфликты /сербо-болгарский 1885 г., Балканская война 1913 г./, так и в "скрытые" /нелегальная поддержка национальных движений на территории соседних государств, деятельность различных лиг и обществ, церковная борьба/.

Для осуществления обширных внешнеполитических программ балканские государства опирались на поддержку великих держав. Однако союзнические отношения основывались лишь на конъюнктурных соображениях, политические "привязанности" не носили "вечного" характера. Отсюда смена внешнеполитических ориентаций и довольно резкие повороты в общественном мнении балканских стран по отношению к той или иной державе /напротив, массовому сознанию были свойственны более или менее устойчивые стереотипы/.

Рассмотрение балканского национализма как идеологического комплекса и путей его государственного воплощения позволяет сделать следующие выводы. Роль национализма в модернизации обществ, отставших в социально-экономическом развитии, двойственна: с одной стороны, получение возможности наиболее эффективного использования резервов для форсированной экономической модернизации, с другой, торможение демократических процессов, укрепление авторитарных режимов, рост милитаризма, усиление экономической и полити-

ческой зависимости от великих держав, что в конечном счете вело к еще большему отдалению от европейского "эталона". Потенциальная способность к быстрому рывку в национальном развитии /т.е. возможность усваивать достижения развитых стран, начинать сразу с высокой фазы развития, достигнутой другими нациями/, на Балканах реализована не была. Причины, по-видимому, заключаются в отсутствии развитой культурно-цивилизационной основы, длительной социально-экономической отсталости, нарастающем экономическом и политическом давлении со стороны государств "первичного капитализма".

1. Виноградов В.Н. Процессы образования государств в Юго-Восточной Европе в XIX - начале XX в. /Некоторые проблемы типологии. Соотношение внутренних и внешних факторов/. Балканские исследования. Вып. 9. М., 1984, С. 88.

2. Мильников А.С. К вопросу о формировании национального самосознания в период складывания наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981, С. 223.

3. Богданова И.А. Просвещение как начальный этап формирования национальных культур. Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977, С. 61.

4. Там же, С. 64.

5. Калябинский С. Опыт исследования социальной структуры польского общества в XIX в. Социальная структура общества в XIX в. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы, М., 1982, С. 32.

6. Маковецкая Т.Ф. Буржуазный парламентаризм в Болгарии: становление и развитие /от освобождения страны от османского ига до ее вступления в первую мировую войну/. История и культура Болгарии. М., 1981, С. 221.

Л.Г.Иванова

Украинский вопрос и прогрессивная польская общественность /конец XVIII - 30-е гг. XIX в./

Историческое развитие почти каждого народа - не изолированная сфера бытия. Особенно тесные отношения экономического, политического и культурного характера существова-

ли и существуют между народами, которые в силу тех или иных исторических обстоятельств входят в состав одного государства. Как подчеркивал В.И. Ленин, "пока разные нации живут в одном государстве, их связывают миллионы и миллиарды нитей экономического и бытового характера"¹. На всех этапах истории сложной и противоречивой, тесные связи поддерживали между собой украинский и польский народы, которые на протяжении нескольких столетий входили в одно государственное объединение — Речь Посполитую. Прогрессивные общественно-политические деятели в меру развития связей между народами, все больше уделяли внимания Украине /как известно, ее правобережная часть до конца XVIII в. входила в состав Речи Посполитой/, ее истории, событиям XVIII в. В общем контексте украинско-польских связей того времени особенно заметное место занимала деятельность прогрессивных польских общественно-политических деятелей второй половины XVIII в. — С.Сташица, Г.Коллонтая, Ф.Езерского и других. Понимая необходимость практических шагов для спасения родины, они выдвинули широкую программу политического переустройства на буржуазной основе. Их публицистическое творчество было направлено против всеильной шляхты, жестокостей крепостничества, национальной и религиозной вражды.

Прогрессивные польские деятели второй половины XVIII в. горячо отстаивали идею равенства, свободы и независимости всех сословий и народов, населяющих Речь Посполитую. Они осознавали пагубность "политического отчуждения и вражды" между славянскими и другими народами Европы. "Всякая война является несправедливой, если ведется с какой-либо другой целью, — заявил С.Сташиц, — кроме спасения прав народов... Нельзя ... вести войну для захвата ... людей, ибо люди не скот и не могут поэтому быть собственностью других людей"². Выдвигая тезис о суверенности разных народов, мыслитель осуждал захватническую политику Речи Посполитой в отношении Украины. С принципиально других позиций, чем магнаты и шляхта, передовые польские политические деятели

относились к украинскому народу, его борьбе за свои права против социального гнета и национально-религиозной дискриминации. В политическом трактате "Предостережение Польше" С.Сташиц с горечью говорил о вине магнатов в разжигании вражды между славянскими народами - украинским и польским. Он считал, что "неразумный эгоизм" "оттолкнул от Польши воинственных казаков и заставил стать врагами"³. В своем политическом трактате публицист, обращаясь к представителям господствующего класса, предостерегал от новых ошибок в политике в отношении украинского народа.

В своих взглядах на положение Правобережной Украины в составе Речи Посполитой С.Сташиц был не одиноким. Идея равенства народов рельефно проходит также в творчестве другого польского буржуазного просветителя - Г.Коллонтая, который стал активным деятелем Эдукационной комиссии /первого в мире министерства просвещения/⁴. В публицистических произведениях "Письмо анонима", "Последнее предостережение Польше" Г.Коллонтай выдвинул тезис о том, что основой каждого государственного устройства должны выступать свобода и уважение прав человека. Как результат попрания этих прав, ориентации шляхетского правительства на жесткую политику национального и религиозного угнетения, публицист приводил примеры из событий освободительной войны украинского народа в 1648-1654 гг. под предводительством Богдана Хмельницкого и Кошиевщину 1768 г. - великого народно-освободительного восстания, которое охватило Правобережную Украину. Причину народных волнений на Украине он видел в "диких законах" Речи Посполитой, где не признавались свобода и гражданские права украинского народа. "... Если человек, - писал Коллонтай, - в самом себе найдет ту истину /т.е. свободу/, которую не находит в государственном строе, то он неминуемо должен стать врагом этого строя. Разве не чувствовал этого человек во времена Хмельниччины? Во время последней резни на Украине"⁵. Мотивы обращения С.Сташица, Г.Коллонтая и других общественно-политических деятелей к событиям предыдущих восстаний на Украине можно понять, учи-

тывая ситуацию, которая сложилась на Правобережье в 80-е гг. ХУШ в. В 1789 году тут произошел ряд локальных крестьянских выступлений. Опасаясь новой Колиивщины польско-шляхетские власти ввели на Правобережную Украину дополнительное количество войск, установили режим террора и репрессий⁶. Вопрос о крестьянских выступлениях обсуждался на Четырехлетнем сейме. Часть депутатов высказывалась за усиление репрессий на Правобережье, другие, идеологами которых выступали Г. Коллонтай, Ф. Езерский, Ф. Макульский, стремились погасить пламя восстаний с помощью реформ и отдельных уступок крестьянству⁷. Ф. Езерский в своих публицистических статьях подчеркивал, что именно крестьянство является "первым сословием нации", создает богатство и силу государству⁸. Коллонтай и Езерский ратовали за освобождение от крепостного рабства, за предоставление ^{крестьянству} гражданских прав. Однако необходимо отметить, что преобразования, предлагаемые передовыми польскими деятелями, имели компромиссный характер. Изменения социально-экономического строя в стране они стремились, в основном, направить в русло установления буржуазных отношений, сохраняя при этом привилегии шляхетского сословия.

Украинский вопрос был в центре внимания и Франциска Гожковского, руководителя тайной повстанческой организации 90-е гг. Жизнь и деятельность его были тесно связаны с Правобережной Украиной. Польский патриот благосклонно отнесся к событиям на Волыни 1789 г., пытался непосредственно принять участие в волнениях крестьян. Эти события привели его к мысли о необходимости совместных действий украинского и польского народов в освободительном движении⁹. Призывая украинских и польских крестьян к единству Ф. Гожковский с пониманием говорил о народно-освободительном восстании 1768 г. — Колиивщине, о причинах, вызвавших столь сильное негодование народа против помещиков-поляков. Современники отмечали, что Ф. Гожковский вынашивал план совместного восстания крестьян Польши, Украины, Белоруссии, Литвы. "Пусть только крестьяне договорятся между собой", —

говорил он, — и скажут панам: мы желаем быть свободными... Но этого мало; необходимо договориться с теми, которые живут за Бугом и Вислой, на Руси и Литве. Если в одну ночь восстанут все одновременно, то настанет такая воля для простого народа, какой никогда не знали". Но намерения Ф. Гожковского поднять крестьян на восстание потерпели неудачу: в 1796 г. его арестовали и отправили в Мукачевскую крепость.

Идеи прогрессивных польских публицистов последней четверти XVIII в. не были претворены в жизнь, однако оказали значительное влияние на общественно-политическую мысль Польши и Украины, ибо создали теоретическую основу для объединения освободительных сил в будущей борьбе против самодержавно-крепостнического строя, за социальное и политическое освобождение, которая с новой силой развернулась в следующем столетии. Определенное влияние они имели на создателей программы общества "Объединенных славян", которые ставили своей задачей объединить все славянские народы и освободить их от гнета самодержавия, уничтожить существующую между некоторыми из них национальную рознь и объединить все населенные ими земли в федеративный союз; эти идеи легли в основу идеологии польских эмигрантских группировок, таких, как "Умань" и др., повлияли на деятельность участников "Союза польского народа", в частности Ш. Конарского на Волыни, И. Лелевеля и др.

Поражение польского восстания 1830—1831 гг. заставило передовую часть польского общества переосмыслить опыт борьбы. Польские теоретики патриотического движения XVIII и первой трети XIX вв. отрицали самобытность украинского народа, украинского крестьянства, считая его ответвлением польской национальности, выдвигали требование о восстановлении своего государства "от моря до моря" т.е. претендовали на земли литовские, белорусские, украинские, захваченные польскими королями в XV—XVI вв. Прогрессивные польские деятели пришли к выводу, что непризнание ими других народов, им подвластных ранее, на земли которых Польша пре-

тендовала и теперь, было одной из причин неудач в освободительной борьбе поляков.

В 1832 г. впервые в польской политической публицистике Тадеуш Кремповецкий уважительно назвал казацко-крестьянских вождей народных восстаний на Украине: П. Бута /Павлюка/ и С. Наливайко "новыми спартаками" и признал, что украинский народ заявил о своем стремлении к освобождению от польских панов такими выдающимися именами народных предводителей, как имена Гонты и Зализняка¹⁰. Это было весьма знаменательно, ибо до сих пор восставших называли только "разбойниками" и "злодеями".

Более того, одно из польских эмигрантских обществ в Англии приняло название "Умань" в память о постигшей польскую шляхту трагедии, когда украинские повстанцы - гайдамаки - вырезали всех панов во время Колиивщины 1768 г. Это название, по мысли руководителей этой гмины /общины/, должно было напомнить полякам о необходимости союза с украинским народом в будущем. Инициаторы этого название заявили, что исторические обиды украинцев со стороны поляков теперь обязывают последних работать в направлении установления содружества между двумя этими народами, чтобы сполна смыть ненависть украинцев к полякам и чтобы уничтожить кровавое воспоминание¹¹.

Характерными в этом направлении были усилия польских демократических деятелей 30-х гг., Союза польского народа. Данная организация развернула широкую деятельность на Украине, в Литве и Белоруссии, распространяя идеи республиканизма, "народолюбства и равноправия народов": "... все люди и все народы, составляя одну великую родную семью, обязаны подавать один другому помощь в достижении и защите общей свободы", - отмечалось в Уставе "Союза"¹². Деятели этой организации призывали готовиться к восстанию за возрождение польского государства и установлению, по взглядам буржуазных демократов, справедливого общества; призывали отбросить национальную ограниченность, работать среди украинского, белорусского, литовского народов¹³.

Однако отстаивая национальное равноправие народов, буржуазные польские демократы считали возможным существование подобного рода равноправия лишь в польском государстве и, конечно, не допускали мысли об отдельном государственно-национальном существовании народов, входивших ранее в состав Речи Посполитой. Но развивая новый взгляд на роль непольских народов, деятели польского освободительного движения 30-40-х гг. впервые в истории польской общественной мысли связывают освободительные устремления своего народа с борьбой русского, украинского и других народов.

Сравнительный анализ программ и выступлений польских демократов данного времени дает все основания считать, что этот уклон в развитии освободительных идей появился под влиянием идеологии и организационной деятельности дворянских революционных обществ в России¹⁴.

Большая роль в развитии идеи содружества между народами принадлежит выдающемуся деятелю польского освободительного движения этого времени И. Лелевелю. Именно он выдвинул впервые мысль во времена восстания 1830-1831 гг. расставить на аванпостах русских и польских войск флажки с надписью на русском и польском языках: "За нашу и вашу свободу!" Этот лозунг стал девизом совместной борьбы народов России на протяжении всего XIX и начала XX вв.

Широко известной в эти годы стала на Украине деятельность ученика И. Лелевеля - Шимона Конарского. Его прокламация "Голос вопиющего в пустыне" - яркое свидетельство нового отношения к русскому народу и его освободительному движению: "Разве вы думаете, что мученическая кровь Рыле-евых, Муравьевых и Пестелей упала на камень? Воистину нет! Вскоре внятая Русь пробудится, заиграет гимн свободы! Вскоре в сердцах внятых россиян откликнется новая внятная жизнь! А "Русская правда" поднимает древнее вечевое чело и узнают лучшие вноши России, что их народ, который был нашим палачом, есть лишь нашим братом"¹⁵.

Среди образованных людей пробуждается значительный интерес к украинскому народу, к его истории, быту, культу-

ре. Некоторые прогрессивные деятели этого времени начинают писать о несправедливости исторической судьбы по отношению к местному, украинскому народу, об угнетенности его. Хотя подобное осознание положения вещей вовсе не мешало польским публицистам отстаивать традиционную точку зрения, что Украина, или как они писали тогда - Русь - должна непременно соединить свою судьбу в будущем именно с Польшей, а не с Россией. Игнорирование давних исторических симпатий украинского народа к великому русскому народу в данный исторический момент приобрело яркую политическую, шляхетско-националистическую окраску в связи с подготовкой нового польского восстания.

В 30-40-е гг. тяготение части польского общества на Правобережье Украины к украинскому народу вылилось в своеобразные формы общественной и литературной жизни польской шляхты, которое на многие годы утвердило традицию обращения ее к местному населению, создало так называемую польское украинофильство, оставившее заметный след в культурной жизни края. После разгрома восстания декабристов и польского движения 30-х гг., как пишет в своих воспоминаниях Т. Бобровский, когда погибли отважные представители освободительной борьбы, скептицизм и неверие охватило оставшихся. Разочарование и инертность проникли в среду польской шляхты. Она отошла от активной борьбы, предпочитала оставаться в стороне от политической деятельности. Эти люди составляли "серый, тусклый и эгоистический тон", и заявляли о своем протесте существующему способу жизни лишь "шумными, чаще всего неподобающими выходками этой недоваренной молодежи", которая получила название балагулов. Балагульщина - разгульная жизнь, пьянство, подделывание под народные манеры, употребление в разговоре украинской речи, прибауток, песен, а также одежды - все это охватило значительные круги польской шляхты на Правобережье. Центром балагульщины стал Бардичев и его ярмарки¹⁶.

Эта своеобразная мимикрия - приспособление польского

панства к украинскому окружению и стилю жизни – приводит некоторую часть польской шляхты к казакофильству – воспеванию казацкой удали, идеализации казацкой жизни и пр.¹⁷ Более того, некоторые польские магнаты, например М.Чайковский, увлеченные идеей украинской казацкой вольности, стали мечтать о создании особой казацкой нации, включив в нее и русских казаков с Дона и Урала. Во время польского восстания 30-х гг. отец будущего руководителя восстания на Волыни 1863 г. Э.Ружицкого – Кароль Ружицкий – создал отряд повстанцев и всех одел в одежду украинских казаков. Другой польский пан М.Чайковский – после разгрома восстания 30-х гг. – создал в эмиграции в Турции – из остатков разгромленных отрядов – подобие казацкой Сечи. Балагульство и казакофильство приводит к появлению среди образованных людей из польской шляхты на Правобережье группы польских писателей и публицистов, которые стали отображать в своих произведениях жизнь украинского крестьянства, его прошлое, быт, культуру¹⁸. Из этих польских литераторов вырастает представительная плеяда деятелей культуры, оставившая заметный след в польской литературе XIX ст. К ней относятся имена Б.Залесского, С.Гощинского, А.Мальчевского, Ю.Крашевского, А.Кожаневского, М.Грабовского, М.Чайковского, Т.Падурры, Т.Ежа и др. Причем некоторые из этих писателей начинают писать свои произведения на украинском языке /Падура, Осташевский, Бонкович и др./. Появляются композиторы, фольклористы, филологи, археологи, историки, посвятившие свою деятельность изучению украинского народа¹⁹.

Небезинтересно отметить, что обращение польских писателей к украинской старине вызвало среди них идеализацию прошлого, в частности, украинского казачества. В нем они видели проявление силы польского государства и поэтому воспевали тех магнатов, которые стояли во главе казаков. Польские украинофилы не любили вспоминать и не разрабатывали сюжетов борьбы тех же казаков с польско-шляхетским владычеством на Украине, его освободительной борьбы, его

многочисленных войн против Речи Посполитой и против социального и национального гнета польской шляхты.

Однако в политической жизни названные тенденции в польском обществе привели к образованию ряда тайных обществ и течений, которые по-иному начали вести подготовку к новому польскому освободительному восстанию 1863 г., а именно, с учетом участия в нем украинского населения. Об этом свидетельствует деятельность И. Розенталя на Киевщине, многочисленные прокламации польских революционеров, обращенные к украинскому крестьянству, с призывом к совместному восстанию, создание наиболее радикальной и демократической платформы в воззвании "Золотая грамота" в период восстания 1863 г. и др. Все эти явления положили основу для выработки теоретических и практических принципов содружества освободительных сил народов России в борьбе за социальное и политическое освобождение во второй половине XIX - начале XX вв.

1. Ленин В. И. О "культурно-национальной" автономии. Полн. собр. соч., Т. 24, С. 175.

2. Сташиц С. Предостережение Польше, вытекающее из современных политических отношений в Европе и из законов природы. Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. М., 1956, Т. I, С. 142-143.

3. Там же, С. 147-148.

4. Korta A. Hugo Kollataj // Przegląd historyczny. Warszawa, 1951. S. 15-18.

5. Колонтай Г. Последнее предупреждение Польше. В кн.: Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. Т. I, С. 337.

6. Архив Юго-Западной России, Киев, 1902, Ч. 3, Т. 5, С. 23, 42, 46-47, 151-154, 268-269.

7. Materiały do dziejów Sejmu Czteroletniego - Wrocław, 1960. T. 1. S. 80-87, 96. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1961, T. 4. S. 51, 66; T. 5. S. 63, 424-425.

8. Езерский Ф. Некоторые слова в алфавитном порядке. Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. Т. I, С. 491.

9. Шурат В. Вибрані праці з історії літератури. Київ, 1963, С. 234.

10. Kieniewicz S. Stosunki polsko - ukraińskie w latach 1820-1870. Materiały. Warszawa, 1965. S. 138.

11. Ibidem.

12. Сергієнко Г. Я., Суспільно-політичний рух на Україні після повстання декабристів. Київ, 1971, С. 133.

13. Там же, С. 136.
 14. Там же, С. 173.
 15. Русский архив, 1905, кн. 4, С. 542.
 16. Франко І.Я. Нові причинки до історії польської суспільності на Україні в XIX ст. Твори в 20 томах. Т. 19, С. 677-689.
 17. Kieniewicz S. Stosunki polsko-ukraińskie w latach 1820-1870. S. 141.
 18. Франко І.Я. Нові причинки до історії польської суспільності на Україні в XIX ст. С. 671.
 19. Драгоманов М.П. Восточная политика Германии и обрусение. Политические сочинения. М., 1908, Т. I, С. 75; Kieniewicz S. Stosunki polsko-ukraińskie w latach 1820-1870. S. 141.

Т.Ф.Федосова

Крестьянство Польши и национальное самосознание
 /1850-1900 гг./

Капиталистические отношения на польских землях получили новый импульс развития в результате наделения крестьян землей, начатого в 1850-1864 гг. Это был длительный процесс ликвидации феодальных экономических отношений в деревне, длившийся более полувека. Его своеобразие было в том, что реформы были осуществлены "сверху". Их проводили монархи, и проводили лишь настолько, насколько они были необходимы государству, и соответствовали интересам имущих классов,

"Прусский путь" для основной массы сельского населения, крестьянства, был мучительным путем постепенного освобождения от земельной собственности при одновременном выделении горстки богатого крестьянства, вследствие действия капиталистического закона расслоения.

Помещичье хозяйство постепенно перерастает в буржуазное, становится основой капиталистического производства в сельском хозяйстве, но оно нуждается в рабочих крестьянских руках; крестьянин, страдая от малоземелья, не стал полностью независимым, он привязан во многом к помещику, почти сохраняя свое старое зависимое положение. При такой ситуации тормозилось развитие капитализма.

Процесс наделения крестьян землей на польских землях шел различно как по времени проведения реформы, так и по путям их реализации. Создалось три польских варианта, т.н. "прусского пути" развития капитализма в сельском хозяйстве. Ранее всего, в начале XIX в. наделение землей было начато в прусской части и не проходило под таким сильным давлением масс, как позже в Австрии и России.

Наделение крестьян землей и дальнейшее развитие капитализма на польских землях способствовало становлению классового, политического и национального самосознания крестьян, основной массы населения, веками бывшей бесправной. Выход свободного крестьянина, земельного собственника, на складывающийся капиталистический рынок ознаменовал конец вековой изоляции крестьянства. Это был серьезный шаг восприятию крестьянством идей национального единства и патриотизма, складывались экономические связи, необходимые для образования нации и формирования национального самосознания.

Наделение крестьян землей было самым важным явлением в тысячелетней истории польского крестьянства. Оно вызвало коренной перелом в образе жизни, изменив радикально, хотя и не сразу, психику, образ мышления, духовный облик крестьян, их мирозерцание. Вся фольворочно-барщинная система опиралась на принуждение, страх, попирала достоинство крестьян, вызывая в ответ злобу, ненависть и жажду мести. Страх наказания тормозил мысль, порождал покорность, апатию и недобросовестность, разрушая саму личность крестьянина. Подневольная работа на помещика исключала заинтересованность в работе, ее хорошем исполнении и отучила хорошо работать и в собственном хозяйстве. Эти качества не сразу исчезли и после наделения землей. Получив свободу и землю, крестьянин уже в какой-то мере мог делать, что хотел и со временем, и свободой. Мечта о воле исполнилась, но как прежде крестьянин работал минимально. Крайняя нужда при крепостной зависимости приучила к жизни в нищете. Прimitивные потребности не стимулировали напряженной ра-

боты, и даже на своей земле он не проявлял предприимчивости, не вводил улучшений. Слабо развитый капиталистический рынок не создавал стимула к труду. Неграмотность была почти полная. Все это, вместе с унижением, непризнанием помещиками за крестьянами человеческого достоинства, делало из них забытых и крайне неразвитых людей. Крестьянин стоял на самой низкой ступени общества.

Поместье и деревня были противопоставлены друг другу и разобщены, образуя два полюса не только противоположных, но и враждебных.

Причины овладевшей крестьянами во всех трех частях Польских земель общественной и экономической апатии после наделения землей лежали в их неразвитости и рабской психологии, толкали их к восстаниям, бунтам — для этого хватало примитивной ненависти. К другого рода выступлениям, к систематической и организованной борьбе крестьяне не были готовы. Наделение землей в значительной степени сгладило острые противоречия между деревней и поместьем, предмет спора был как бы уже разрешен, а осознание необходимости борьбы за дальнейшие цели еще не созрело.

В наиболее трудных условиях в 50–70-е гг. XIX в. вследствие неурожая, голода, эпидемии оказались крестьяне Галиции. Улучшение ситуации намечалось лишь к 80-м годам. Лучше складывалась ситуация в Королевстве Польском, где значительно повысился жизненный уровень у крестьян, хотя он и был далек от зажиточности.

Улучшение положения крестьянства наблюдалось и в прусской части. Крестьян здесь начали наделять землей ранее, и они быстрее освобождались от бесхозяйственности и апатии. Трудности создавала правительственная фискальная политика /большие налоги на землю, гминные, костельные и школьные оплаты превышали возможности крестьянского хозяйства/. Но к началу 80-х гг. XIX в. и здесь заметны признаки прогресса: в отношении к труду происходят изменения, крестьяне начинают лучше вести свои хозяйства, голод отступает, растет потребление. Наделение землей вызвало рост

производства и потребления для большинства населения, а отсюда ускорение темпов экономического развития страны в целом. Осознание себя землевладельцем изменяло психологию крестьянина, существенно влияло на его образ жизни, отношение к труду, формировало новый социальный статус крестьянства. Можно сказать, что в 80-х гг. XIX вв. в сельском хозяйстве закончился процесс приспособления к новым общественно-экономическим условиям. Перелом в жизненных позициях, в навыках, в мировоззрении крестьян произошел вместе со сменой поколения. Барщинное по своей психоло^{гии} крестьянство начинает исчезать, уступая место поколению, не знавшему принуждения и имевшему уже новый взгляд на мир. Поколение, которое своим сопротивлением завоевало землю, не чувствовало необходимости дальнейшего расширения своих прав, оно как бы исчерпало свои силы и остановилось в движении.

В 80-90-е гг. XIX в. польское крестьянство в основном беднело, теряло землю, численность его уменьшалась.

В прусской части наблюдалась более сильная дифференциация, где верхний слой сельской буржуазии подтягивался к помещичьим кругам — шел процесс концентрации земель в фольварках — многие крестьянские земли были ими поглощены, рос сельскохозяйственный пролетариат. Парцеллярность, малоземелье крестьянских хозяйств было характерно для Королевства Польского и особенно для Галиции. Как в Галиции, так и в Королевстве Польском шляхетский фольварк — несмотря на ряд привилегий уменьшается в пользу крестьянской деревни, а также в пользу "экономий" буржуазного типа.

Крестьянская общность имела определенные элементы формально-правовой организации в виде гминного собрания, выборов войта, солтиса, и совместных мероприятий. Но главнейшими для крестьянства были элементы неформальной организации, определяющиеся традицией, обычаем, моралью, религией, общественным мнением и жизненной необходимостью, заставлявшей подчиняться неписанным нормам общины. Условия жизни, слабость отдельной сельской семьи, общие гминные

работы /ремонт дорог, строительство мостов, костелов и др./ требовали совместных усилий, стимулируя крестьянскую солидарность. Общий ход социально-экономического развития су- жал, но не ликвидировал эту тенденцию.

Экономическая и классовая дифференциация деревни не становились основанием политической дифференциации, дух эгалитаризма не исчезал, не вставал вопрос о богатом и бед- ном, везде выдвигался лозунг "единства".

Костел в жизни крестьян играл не только религиозную, но и общественно-политическую роль. Он давал какие-то знания о мире, природе, разнообразил церковными обрядами жизнь крестьян. Вера формировала их взгляды и мораль, семейные, соседские отношения и др. Большое число крестьян было по- слушно костелу. Передовые крестьяне часто критиковали ксендзов за высокие оплаты религиозных отправлений. Это была критика отдельных священнослужителей, а не костела. Она не влияла на безграничное господство религии и церкви в польской деревне.

Намного больше, чем в экономике, феодализм оставил пе- режитков в нравственно-культурной области. Шляхетская эти- ка и психология придавала своеобразный колорит стереоти- пам социальных отношений. Нравственный консерватизм обще- ства проявлялся в сознании имущих классов, чиновников, ксендзов, служащих, интеллигенции, мещанства. В их пред- ставлениях даже богатый крестьянин не перестал быть "ха- мом", чем-то второстепенным, неприемлемым в "обществе". Причины отсталости, неразвитости крестьяне, особенно пере- довые, видели в отсутствии просвещения. На землях под властью Пруссии с середины XIX в. было введено семилетнее образование, ликвидирована неграмотность. В Галиции было 60% неграмотных крестьян и перелом в лучшую сторону насту- пил только в начале XX века, в Королевстве 70% неграмотных было еще и в XX веке. Появляются требования демократизации просвещения, бесплатных школ, помощи сельской молодежи в образовании. Молодое поколение крестьян требует пересмотра всей системы обучения, ликвидации "панской" школы и орга-

низации народной крестьянской, где воспитание бы шло в духе утверждения общекультурных ценностей, дорогих для всего крестьянства, а не подтягивали крестьян до "панского" образования. Молодое поколение крестьян развивало чувство гордости за свое крестьянское положение. Начинается борьба за освобождение от барщинной психоло^{гии}, борьба за психологию свободного человека.

Развитие социально-политического сознания крестьян делает шаг вперед, особенно у молодого поколения, ускоряется темп духовных перемен в деревне. Это, в частности, нашло выражение в быстрой организации сельскохозяйственных кружков и отказе в них от помещичьего руководства. Молодое поколение требует parcelляции фольварков, конфискации помещичьей земли без оплаты, требует "истинно крестьянского" самоуправления, порывая окончательно со взглядами и старого крестьянства, с традицией покорности пану и уряднику.

В крестьянском движении элементы патриотические, общенациональные преобладали над классовыми. Однако крестьянское стремление к Польше Плебейской началось от элитарного национализма имущих классов Польши во главе с панями. Единство крестьян — это почти догмат мировоззрения деревни. Стремление к единству невзирая на имущественное расхождение — основной лозунг совместной борьбы.

В конце XIX века главнейшим явлением в общественной жизни крестьян со времен их наделения землей стала массовая эмиграция в Западную Европу и Северную Америку /составившая до 20% населения/. Но еще более значительной была постоянная сезонная эмиграция. Ранее всего в ней приняли участие крестьяне из прусской части, но более всего выехало из Королевства Польского и Галиции. Эмиграция оказала всестороннее влияние на личность крестьянина, преобразуя его взгляды на мир, жизнь, людей, отношение к труду и др. Наиболее ощутимым результатом эмиграции был приток в страну денег, что удвоило доходы деревни, повлияло на ее социально-экономическое развитие, на расширение внутреннего рынка в целом.

Развитие промышленности и рост цен на рабочие руки, особенно в эмиграции, с другой стороны, кризис 1875-1895 гг., захвативший сельское хозяйство в последней четверти XIX в., привели к тому, что малоземельные крестьяне, и даже безземельные, получили возможность заработка, что значительно улучшило их материальный быт и иногда ставило в лучшее положение, чем среднего землевладельца. В результате заработков на стороне в деревне экономически укрепляются и выдвигаются вперед малоземельные элементы. Свои сбережения, накопленные на заработках в городе или за границей, крестьяне направляют на покупку земли, причем это объясняется не только интересами укрепления экономики собственного хозяйства или социального и сословного статуса как крестьянина-землевладельца, но и потому, что земля это-особый, единственный неуничтожаемый товар, он вечен - это национальная ценность, без нее нет отечества, нет государства; борьба за землю, ее сохранение, приобретение - это борьба за родину, за возрождение Польши - крестьяне начинают это четко понимать.

Политическое сознание крестьян в период их наделения землей было ничтожно. Они не разбирались ни в общественных отношениях, ни в проблемах права, не имели понятия и об общественно-политических организациях. Польское крестьянство 50-60-х гг. XIX в. не смогло использовать даже ограниченных прав, предоставленных реформой. Только их сыновья и внуки постепенно знакомятся с политической борьбой.

Различия в государственно-правовом устройстве трех разделявших Польшу государств вызвали неравномерное созревание политического сознания крестьян.

Ранее всего на политическую арену вышли галицийские крестьяне, хотя они находились в наихудших экономических условиях. В рамках автономии Галиции крестьяне получили право избирать депутатов в краевой - галицийский - сейм, и в имперский парламент в Вене. Их первые депутаты в Галицийском сейме выступали активно, но с очень скромными требованиями и говорили не о политических правах, а толь-

ко о справедливом урегулировании вопроса о сервитутах.

Политическое сознание в Королевстве формировалось в менее благоприятных условиях, чем в Галиции, в первую очередь из-за отсутствия у населения политических прав. Но зато имелась лучшая аграрная структура, более крупное крестьянское землевладение, что должно было способствовать выделению крестьянских профессиональных кадров. Но несмотря на это, крестьяне не смогли организовать и выдвинуть из своей среды политических лидеров.

Как и в Галиции, общественное сознание крестьян Королевства Польского вырастало на основе антагонизма села и поместья, а после наделения землей проявилось в бесчисленных спорах о сервитутах. Но оно было достаточно примитивным. Политическая деятельность требовала более развитого и углубленного сознания, больше знаний, понимания общественных явлений. До этого еще было далеко. До революции 1905 г. крестьяне не участвовали в политической жизни, но и позже не сыграли значительной роли. Ограниченное гминное самоуправление, подчиненное администрации тормозило пробуждение активности, вынуждало крестьян искать помощи у шляхты и духовенства.

Только на рубеже XIX и XX вв. активизировались крестьяне на гминных собраниях. Но огромное их большинство оставалось пассивным. Общественно-политическое сознание находилось на очень низком уровне. Слабое политическое движение не могло стать самостоятельным. Низкий уровень образования бедноты, дифференцированная аграрная структура крестьянской собственности привели к тому, что политическая активизация охватила прежде всего имущие слои деревни.

Общественная деятельность крестьян направлялась на организацию сельскохозяйственных кружков и кооперативов, которыми руководили помещики,

В Галиции, где у руководства кружками стояли крестьяне, в Королевстве Польском этого не было, что свидетельствовало о политической отсталости крестьянства.

Специфически формировалось политическое самосознание крестьян в Прусской части. Как и все общество, крестьяне получили известные политические права и более демократическое самоуправление. Германизация вызвала национальную солидарность поляков, что приглушало классовые противоречия и антагонизм между деревней и поместьем. Это облегчало господствующим классам Польши утверждение своей гегемонии в обществе, что обусловило отсутствие до 1918 г. собственной политической организации крестьянства.

Для становления общественно-политического сознания крестьянства огромнейшую роль играло формирование национального самосознания, выражавшееся в чувстве общности — языка, культуры, религии, общей территории и экономики. Формирование нации, в частности, состоит в развитии и созревании сознания этой общности.

Но большинство крестьян, т.е. большинство народа, не чувствовало духовной связи с просвещенными слоями общества и испытывало к ним большое недоверие, а часто и просто ненависть. Поколение крестьян, которое получило в собственность землю из рук правительства Пруссии, Австрии и России, не чувствовало общности с польской шляхтой. Национальное самосознание крестьян было слабым, но и шляхта в целом не выражала национальных интересов. Носителями национальной идеи были узкие группы интеллигенции, в основном шляхетского происхождения.

Самая глубокая пропасть разделила крестьян и шляхту в Галиции. Поколение 1848 г. не перестало отождествлять шляхту и всяких панов со всем польским. "Поляк", или шляхтич, или пан — остался в сознании врагом крестьянина. Обратной стороной недоверия к "полякам"—панам была вера в доброго императора. Это явление в XIX в. проявилось почти повсеместно. Крестьяне были убеждены, что император не только дал им землю, но и защищал и защищает их перед "поляками" —

панами. Вера в австрийского императора не затихает десятилетиями.

В развитии национального самосознания польских крестьян перелом наступил на рубеже веков /лишь в Силезии раньше/. Созревание национального самосознания галицийских крестьян происходило под влиянием их политического движения, которое с самого начала было окрашено национально. В Королевстве Польском власти стремились противопоставить деревню помещикам. Оглашение царских указов в 1864 г. привлекло крестьян на сторону властей. В сознании крестьянина утвердилось убеждение, что землю он получил от царя. Основная масса крестьянского населения приняла наделение как акт царской милости. Никогда крестьянин не чувствовал столько симпатии к царю, как в 1864 г. Процесс становления национального самосознания остановился. Поколение крестьян 1864 г. никогда не стало национальным.

Таким образом, с одной стороны, наделение землей ликвидируя феодальные отношения, ускоряло формирование нации, с другой — затормозило развитие национального самосознания крестьян и, в конечном итоге, всего народа.

Общая тенденция развития шла, однако, в противоположном направлении. Противоречия между деревней и фольварком смягчались, барщины уже не было, а споры о сервитутах постепенно ликвидировались. Зато сильнее стало ощущаться извечное противоречие правящих и подчиненных. Правительство взимало подати, навязывало свои порядки, ограничивая свободу, вызывая неудовольство. Теперь уже в нем стали крестьяне видеть источник своих бед. Это длительный процесс, постепенно охватывающий широкие круги сельского населения. Множатся конфликты и споры с властями. Вызывают недоверие русифицированные гминные суды, содержащиеся на деньги крестьян. И особенно сильным источником враждебности была русификация школы, затронувшая и занятия по религии. Исчезал миф о добром царе. Польская крестьянская молодежь избегает мобилизации в армию. Крестьянин вступает на арену национальной политической жизни. В 1905 г. в Варшаву на

сходку-вече явилось 1,5 тысячи крестьян. Сходка-веча приняла решение бороться за автономию Королевства.

Национальное самосознание ранее всего проявилось на землях под властью Пруссии, особенно в Великопольше. Крестьяне здесь в результате грубой германизации быстро почувствовали религиозное и национальное угнетение и раньше освободились от веры в императора. Борьба крестьян за свою национальность развернулась в разных сферах. Самой напряженной областью была борьба за землю. Относительно легко в период 1848-1886гг. немцы скупили у поляков много фольварочной земли. Но крестьяне не выпустили земли из своих рук. Сопротивление германизации, стремление удерживать, сохранить собственную родимую землю соединялось в сознании крестьян с борьбой за сохранение национальной самобытности.

Вторая область борьбы за национально-польское, это борьба за польский язык. Немецкая администрация систематически изгоняла польский язык из школ. В 1886 г. перевели на немецкий язык уроки религии. Борьба за польскую землю, польский язык - углубляла национальное самосознание, оказывая влияние и на Гданьское Поморье, задерживая денационализацию кашубов и коцевяков. Национальное возрождение Верхней Силезии затормозило, но не ликвидировало германизаторские процессы. Самый низкий уровень национального самосознания был в Вармии и, особенно, на Мазурах. Это были бедные, экономически отсталые земли с неграмотным населением. В Вармии католическая церковь стала фактором этнической обособленности поляков-католиков от немцев-протестантов. К концу века здесь наметилось слабое движение национального возрождения. Сельское население Вармии, в своем большинстве, осталось польским, но без сознания своей связи с польской нацией. Наиболее германизован был народ на Мазурах, чему способствовало их евангелическое вероисповедание. Но и здесь началось, хотя и слабое, возрождение, т.к. мазуры не знали немецкого языка и пользовались польским диалектом.

Можно сказать, что национальное самосознание развивалось под влиянием разных факторов и общего хода истории. В период наделения землей крестьянство, как правило, не чувствовало себя поляками по национальности. Определя^{ЮЩИМ} был сословный признак — поляками были господа, они же были только крестьянами. В период восстания были условия для национального пробуждения крестьян. Но антикрестьянская политика шляхты, чуждая, кастовая, барская позиция большинства деятелей и руководителей отталкивали крестьян, мешали становлению национальной идеи в их среде.

Наделение землей властями, как правило, вопреки польской шляхте, снискало им расположение освобожденных крестьян. Этот факт углублял водораздел между крестьянином и помещиком и задерживал национальное объединение поляков. Наделение, однако, ослабило сословные противоречия между крестьянами и шляхтой и создало основы для национального формирования. Постепенная ликвидация сервитутов, эмиграция, парцелляция фольварков, увеличивающаяся независимость крестьян от поместья смягчали этот антагонизм и сближали их.

Значительным препятствием здесь был сохранившийся панский, барский стереотип в поведении и сознании не только помещиков, но и интеллигенции и мещанских слоев, отталкивавший крестьян, особенно на этнически смешанных землях, либо землях, испытывавших влияние немецкой культуры, менее панской и чванливо-аристократичной.

Национальное угнетение крестьяне почувствовали только после наделения землей, т.к. ранее не сталкивались с властями. Конфликт между правящими и управляемыми приобрел в сознании крестьян национальный характер. Наименее он был чувствителен в Галиции, получившей автономию и находившийся под властью императора католика. Здесь миф о добром императоре держался дольше чем в других районах.

В Королевстве Польском возможности конфликта расширяла правительственная политика русификации страны. Ранее всего почувствовали национальное угнетение униаты-крестья-

не, которых старались перевести в православную веру, позднее русификация всего образования вызвала сопротивление, и, таким образом, углубление национального самосознания; политическое угнетение, отсутствие элементарных свобод, усилили ощущение чувства чуждого государства — и исчезает благодарность царю.

В Галиции самосознание формировали позитивные факторы: польская школа, польская литература, политические свободы, активизировавшие крестьян и расширявшие их умственные горизонты, эмиграция, общее просвещение. В остальных частях большую роль играли негативные факторы: национальное угнетение, религия, отсутствие гражданских свобод.

Многие крестьяне к сознанию сопричастности к польской нации шли через религию. Так было в Королевстве и в прусской части, где крестьяне были католики, а господствующая религия православная или протестантская. Религия играла роль катализатора, разделяя на своих и чужих. В Галиции, за исключением смешанных восточных областей, религия не играла этой роли, наоборот, скорее затрудняла разделение польского и немецкого, так как австрийцы и император были католиками.

Функция школы также была различной. В Галиции — позитивное влияние на национальное самосознание, несмотря на вносившийся культ императора оказывало обучение на польском языке; в Королевстве — школа денационализировала; в деревне, однако, большого ущерба не принесла; в Пруссии школа была очень мощным фактором германизации, изъев из польского этноса много образованных людей, лучшие силы, отсюда — отсутствие крестьянского политического движения и слабость польского рабочего движения.

Военная служба часто играла денационализирующую роль. Эмиграция ускоряла становление национальных процессов, будила национальные чувства. Крестьяне Галиции и Королевства, владевшие только польским языком на чужбине, осознавали себя поляками. Но среди знавших немецкий язык, лучше, чем польский, германизация шла интенсивнее. Так было с

мазурами, вармяками, поморянами, силезцами. Везде крестьяне составляли основу для формирования нации. Польское начало сохранялось везде, где был крестьянин, говорящий польски, оно проявляло себя в языке, культуре, часто в религии. Благодаря специфике жизни и профессии они были менее подвержены денационализации, чем какой-нибудь другой общественный слой.

Национальное пробуждение стимулировало политическую сознательность крестьянства. "Людовское" движение опиралось прежде всего на крестьян, а руководящей силой в нем была интеллигенция, светская и духовная. Процесс формирования нации был ^{тем} интенсивнее, чем больше было демократических свобод, правового равенства между поляками. Наделение земель, ликвидируя многие привилегии помещиков, уменьшая дистанции между сословиями, способствовали объединению в нацию.

Крестьянин всегда составлял основу польского этноса, но не понимал своей роли в становлении нации. Наделение земель способствовало осознанию им своего места в этом процессе. Последующие поколения быстрее или медленнее осознавало свою национальность. Перелом произошел около 1880 г., ранее всего в Великопольше и на Поморье, Галиции и Силезии; в Королевстве Польском в революцию 1905-1907 гг. В это время передовые крестьяне ощутили себя поляками, позднее углубился этот процесс и в других слоях крестьянства. Но нигде до 1914 г. он не стал всеохватывающим. В крестьянстве сильны были различия в степени зрелости национального самосознания. Защищая религию, язык, культуру, обычаи, крестьяне зачастую еще не считали ^{необходимым} свое участие в борьбе за независимость Польши. Лишь наиболее передовые, просвещенные его слои понимали, что мало защищать все польское, что нужно независимое польское государство. Это сознание появилось в крестьянском политическом движении на рубеже XIX и XX вв.

А. И. Миллер

Взаимоотношения польского и украинского населения
в Галиции в 1860-е годы

Начиная с 1848 г. Галиция на долгое время превратилась в арену польско-украинского конфликта, который с течением времени становился все острее и в итоге в 1918-1920 гг. привел к массовому кровопролитию. Вторая половина 60-х и начало 70-х годов стали в определенном смысле решающими для развития польско-украинских отношений, причем не только в Галиции. После отмены военного положения, введенного в связи с восстанием 1863 г. в Королевстве Польском, начался процесс автономизации Галиции. Преобразования эти были частью процесса политического и национально-административного переустройства Монархии Габсбургов. В этих условиях польско-украинский конфликт впервые стал предметом диалога, организованного в формы, характерные для политической жизни нового времени. Он получил выражение в парламенте /сейме/ и в относительно свободной прессе. Происходил весьма динамичный процесс кристаллизации программ по национальному вопросу. В это время была предпринята единственная серьезная попытка установления компромисса и сотрудничества. Провал этих усилий и общий характер польско-украинского диалога в рассматриваемый период во многом предопределили непримиримость конфликта в последующие годы.

События этого времени в Галиции можно рассмотреть и как пример межнациональных отношений в этнически разнородной провинции империи на начальной стадии процесса ослабления централизации и бюрократического пресса.

Национальная проблема в Галиции имела четыре аспекта: этнический, религиозный, социальный и политический. С этнической точки зрения Галиция распадалась на две существенно различавшиеся части. Западная Галиция /если не принимать во внимание евреев, что в данном случае допустимо/ имела однородное польское население. В Восточной Галиции сель-

ское население было в подавляющем большинстве украинским. В городах преобладали поляки и евреи. Точные данные получить невозможно, поскольку австрийская статистика велась по религиозному признаку. В Галиции, взятой как целое, число поляков и украинцев было примерно равным.

Восточной Галиция вполне соответствовала понятию переходного пограничья, введенному Ю.Хлебовчиком^I, поскольку населявшие ее родственные этнические группы были тесно связаны в культурном, религиозном, историческом и языковом плане. При этом поляки представляли собой социально доминирующую группу с полной социальной структурой, традицией государственности, более развитую в культурном отношении, со сформированным литературным языком. Однако свое положение как нации в целом и в Галиции в частности поляки осознавали, что вполне естественно, как угрожаемое.

Галицийские украинцы имели неполную социальную структуру. Подавляющее большинство группы составляли крестьяне с неразвитым национальным самосознанием. Основная часть просвещенных слоев была полонизирована. У немногочисленной неполонизированной группы, состоявшей из греко-католического духовенства, учителей, чиновников и студентов, формирование национального самосознания также не было вполне завершено. Весьма остро шла борьба между сторонниками трех главных ориентаций. Первая - русины /самоназвание галицийских украинцев/ представляют собой самостоятельный трехмиллионный народ; вторая - русины являются частью великорусской нации, включающей всех восточных славян; третья - русины являются частью двадцатимиллионного украинского народа. /Такая ситуация делает резонным употребление самоназвания "русины" вместо "украинцы", являющегося для 60-х годов определенным забеганием вперед. Так я и стану поступать впредь в данной статье/.

В соответствии с перечисленными ориентациями выступали и различные подходы к проблеме формирования литературного языка. Предпринимались попытки положить в его

основу церковнославянский язык, русский, а также язык Шевченко и других писателей Надднепрянской Украины.

Принадлежность большинства русинов к грекокатолической церкви также открывала возможность альтернативы. Наряду с лояльностью Риму часть духовенства демонстрировала ориентацию на московскую православную церковь. Отношения католической и грекокатолической иерархий были весьма напряженными.

Эта неопределенность этнической ориентации создавала весьма нервную обстановку в просвещенных слоях русинов и делала особенно острым их ощущение угрозы русинскому этносу как таковому.

Для русинского крестьянства осознание оппозиции полякам основывалось на привычной социальной оппозиции помещикам. Именно помещик воплощал поляка "ляха" в сознании крестьян Восточной Галиции. На национальный конфликт они переносили вековую ненависть и недоверие к помещикам, иррациональную боязнь восстановления барщины. Значительная часть просвещенных русинов имела крестьянские корни, для них эта мотивация также была актуальна. Она часто сознательно использовалась для пропаганды среди русинских крестьян².

Все эти обстоятельства имели непосредственное влияние на политический аспект национальных отношений в Галиции. Развитие польско-русинского политического диалога будет нас интересовать прежде всего под углом следующего вопроса. Обе стороны имели, наряду с противоречиями, объективные общие интересы, наряду с непримиримыми политическими ориентациями программы компромисса. Является ли неудача попыток достижения компромисса результатом прежде всего особенностей Галиции, или же, по преимуществу, следствием действия некоторых общих механизмов, которые закономерно приводятся в действие в ситуациях, подобных галицийской?

Первые же признаки возможной автономизации Галиции на рубеже 50 - 60-х годов были восприняты русинами как угроза, поскольку автономизация была чревата превращением

поляков в группу, доминирующую не только социально, но и политически. Сразу после Октябрьского диплома 1859 г. русины обращаются к Вене с призывами гарантировать их права. В 1865 г., когда первые элементы автономии были введены, а поддержки от Вены русины не получили, их политические представители в сейме пытаются начать диалог с польским большинством. Из уст русинских послов звучат обращения к "братьям-полякам"³. Но последние предпочитали делать вид, будто русинской проблемы не существует. В этих условиях русинские депутаты, в подавляющем большинстве грекокатолические священники, делают в 1866 г. русинский вопрос центральной проблемой сессии. Они выдвигают требования равноправия русинского языка в образовании, администрации и сейме.

С польской стороны эти выступления вызвали три типа реакции. Весьма немногочисленная часть польских депутатов заявила, что русины являются лишь особой частью польской нации. Это, в свою очередь, вызвало длительную и бесплодную историческую дискуссию, в которой эскалация взаимных обвинений быстро поставила на повестку дня самый опасный в подобных ситуациях вопрос о правах русинов и поляков на территорию Восточной Галиции. С русинской стороны прозвучало требование административного раздела провинции. Особую ожесточенность придавало полемике то обстоятельство, что среди депутатов, отрицавших самостоятельность русинского народа, было несколько ассимилированных русинов, вызвавших, как "перебежчики", особую недоброжелательность оппонентов. Эта полемика, спровоцированная лишь небольшой частью польских депутатов, предопределяла, тем не менее, судьбу других, не экстремистских подходов польской стороны к русинской проблеме.

Большинство польских политиков готово было признать русинский народ как самостоятельный. Но их подход к эмансипации русинов был статичным. Иными словами, они готовы были предоставить русинам те или иные права после того, как русины докажут, что готовы ими пользоваться. Такая позиция, хотя и порочная, открывала в принципе возможность диалога,

но никак не на фоне экзальтации, вызванной дискуссией экстремистов. В таких обстоятельствах попытки поляков участвовать в обсуждении проблем развития украинского языка не воспринималось русинами иначе, как святотатство, тем более, что на том этапе формирования нации, который проходили украинцы, язык играл сакральную роль³. Полякам же было трудно отказаться от таких попыток, поскольку действительно имевшие место тенденции к архаизации и русификации формировавшегося литературного украинского языка рассматривались ими с точки зрения укрепления русского влияния⁴.

Польские консерваторы из Западной Галиции уже в это время формулируют программу соглашения и сотрудничества с русинами. Базу для этого соглашения они видят в объективных общих интересах поляков и русинов. В рамках Галиции общие интересы заключаются в борьбе против все еще сильного венского централизма, в совместной работе по преодолению цивилизационного отставания провинции и сглаживанию острых социальных проблем. Польско-русинское соглашение в Галиции рассматривалось ими как часть более широкой проблемы отношений поляков с народами, населявшими "кресы" бывшей Речи Посполитой. Западногалицийские консерваторы поддерживали "украинскую" ориентацию среди русинов и видели в перспективе польско-украинский союз для защиты против политики русификации, от которой страдали в Российской империи и поляки, и украинцы. /В этом отношении западногалицийских консерваторов можно рассматривать как предшественников Пилсудского в его федералистских планах/. Путь к соглашению лежал, по их мнению, через признание всех прав, которых русины требовали, хотя бы даже и "на вырост", чтобы снять ситуацию постоянной конфронтации. Ясно, однако, что в условиях, когда доминировала ориентация на "победу над противником", концепция компромисса не могла найти должного отклика ни у русинов, ни у большинства политиков "своей", польской стороны.

Это разделение на "мы" и "они" по национальному признаку стало абсолютно доминирующим на последующие два года.

1867 и 1868. Оно затормозило процесс политической дифференциации внутри каждого из этих лагерей, резко деформировало ход дискуссий в сейме по любому вопросу. В конечном итоге это противоборство блокировало развитие политической культуры, которой настолько не хватало во всех проявлениях политической жизни Галиции, что рассуждения на эту тему стали дежурной темой галицийской публицистики.

Вена, между тем, формально не вмешиваясь в конфликт, и объявляя его внутренним делом Галиции, в действительности старалась его поддержать. С этой целью правительство, например, внесло в сейм проект административного разделения провинции, провоцируя тем самым новое обострение дискуссии о правах поляков и русинов на Восточную Галицию.

Еще одним активным участником этого конфликта был Петербург, старавшийся разными путями поддерживать пророссийские симпатии у русинов и воспринимавший перспективу польско-русинского соглашения как прямую угрозу своей политике на бывших землях Речи Посполитой⁴.

В 1867 и 1868 гг. польская сторона ведет борьбу за вытеснение русинских представителей из сейма, то есть ее политике чужда сама идея диалога. Русины же уstraиваются в сейме от дискуссий и голосований. Они лишь выступают по каждому вопросу с декларацией от имени всех русинских послов, после чего покидают зал заседаний.

Только за кулисами, внутри русинской и польской группировок, предпринимаются попытки найти выход из этого тупика, блокировавшего любые попытки преобразований. Главными противниками политиков, стремившихся с обеих сторон к соглашению, были радикалы из их собственных "партий". Любое резкое выступление могло разрушить хрупкую конструкцию компромисса, поскольку другая сторона конфликта неизменно воспринимала, благодаря накопившемуся заряду вражды и недоверия, примирительные заявления как тактические, а враждебные как выражающие подлинные настроения.

Однако к 1869 г. каждая сторона имела так много оснований для стремления к компромиссу, что его сторонники су-

мели установить зыбкий контроль над экстремистскими крыльями своих группировок. /Важно, в то же время отметить, что в этой ситуации умеренные политики становились до некоторой степени заложниками радикалов, поскольку последние в любой момент могли лишить их возможности выступать от имени всех русинов или поляков. А это было очень важно в условиях, когда политическая дифференциация внутри каждого из лагерей не проявлялась ясно/. С инициативой компромисса выступил Юлиан Лавровский, член Административного совета Галиции, вице-маршал сейма, сторонник идеи единства галицийских русинов с Надднепрянской Украиной⁵. Его программа, оформленная как особый проект, была внесена в сейм на сессии 1869 г. Она действительно была взвешенной, и потому ее подписали все русинские депутаты сейма, а польские встретили аплодисментами. Непосредственная реакция подавляющего большинства сейма показывала, что компромисс на ее основе вполне возможен.

И все же судьба этого проекта оказалась плачевной. Он так и не был возвращен из комиссии сейма на пленарное заседание. Подготовка конкретных законодательных актов, которые должны были претворить соглашение в жизнь, требовала от польской стороны серьезных уступок. Не имея прочного доверия к партнеру и не чувствуя себя полными хозяевами в провинции, польские политики оказались на это неспособны. У большинства из них страх, что уступки могут быть использованы во враждебных полякам целях, был сильнее приверженности перспективному политическому мышлению. Соглашение не могло сразу снять накопившийся заряд враждебности, а определенной открытости перед "противником" — именно в таких категориях мыслилась оппозирующая сторона — требовала сразу. Несколько резких выступлений с обеих сторон на сессии 1870-го года довершили дело.

Проследив в самых общих чертах развитие событий, можно сделать вывод об их закономерности. Начальный этап ослабления жесткого политического контроля центра застает все группы периферии врасплох. Они вступают в него поли-

тически неорганизованными, их элиты не имеют конструктивного политического опыта. В этих условиях политики используют для консолидации и мобилизации своей массовой базы мотив угрозы. Политическое поведение как элит, так и массы характеризуется повышенной эмоциональностью. Все это создает неблагоприятную обстановку для налаживания диалога, способствует накоплению такого багажа недоверия и обид, который затрудняет последующие попытки рационализации конфликта.

Политическая конфигурация конфликта доминирующей группы и меньшинства в провинции империи также затрудняет достижение соглашения. Дело в том, что субъектов этого конфликта всегда больше, чем два. Третье действующее лицо — центр. Он может служить фактором, который приглушает конфликт, если степень контроля над провинцией остается высокой. Но в этом приглушенном состоянии конфликт набирает энергию и выплескивает ее, как только центр слабеет. Слабый центр продолжает восприниматься доминирующей группой как угроза постольку, поскольку не отказывается от своей роли центра. Борющаяся с центром доминирующая группа воспринимает меньшинство, особенно если последнее апеллирует к центру, как пятую колонну. Требования национальных прав и автономии со стороны меньшинства доминирующая группа рассматривает как потенциальную угрозу территориальной целостности провинции, чей политико-правовой статус подвергается изменению с неопределенным исходом.

Конфигурация конфликта нередко, как это имело место и в Галиции, осложняется наличием центров влияния вне рамок империи. И доминирующая группа, и меньшинства могут иметь за границей основную часть этноса, нередко с другим статусом, или же сильную родственную группу, претендующую на роль опекуна. В Галиции таким постоянным участником конфликта была Россия, претендовавшая на роль защитницы русинов и воспринимаемая поляками как главный враг. Другим таким внеимперским элементом была Надднепрянская Украина, третьим — поляки вне Австро-Венгрии, причем ни один из

этих элементов активной примирительной роли сыграть не мог уже в силу того, что был лишен возможности проводить самостоятельную политику.

Отметим еще один фактор, который часто выступал и выступает в ситуациях рассматриваемого типа. Речь идет о слабости тех общественных слоев, которые в силу самой специфики своей деятельности имеют конкретные рациональные экономические интересы, страдающие от эскалации конфликта. /Это прежде всего предприниматели/. В результате политики, стремящиеся к рационализации конфликта, не могут изначально опереться на прочную социальную базу.

В свете сказанного представляется весьма закономерным, что эскалация национальных конфликтов на ранней стадии процесса децентрализации империи локализуется прежде всего на ее этнически неоднородных окраинах.

1. Chlebowski J. On Small and Young Nations in Europe. Warszawa, etc. 1980. P. 26.

2. Примеры см. в: A. Miller. Galicja Wschodnia w latach 1872-1873. In: Przegląd Polski. N 1. 1988.

3. Знание механизма таких реакций полезно не только историку. Тогда можно было бы избегать таких ошибок, как посланка комиссии ученых из Москвы в Молдавию в 1988 г. для обсуждения целесообразности перехода на латинскую графику.

4. Свидетельства деятельности российской агентуры в Галиции см. в: A. Miller. Op. cit.

5. Весьма характерно, что Ю. Лавровский, один из виднейших галицийских политиков второй половины XIX в., практически не замечается по сей пору ни польской, ни украинской историографией, в том числе и украинскими историками в США и Канаде. Это ярко свидетельствует о господствовавшем до сих пор подходе к истории польско-украинских отношений исключительно как истории борьбы, что блокирует интерес к пусть и неудачным попыткам диалога. /Исключение составляет, конечно, история революционных связей, но это специфический и узкий аспект проблемы/.

О. В. Лебедева

Проблема панславизма в Чехии и в России
в первой половине XIX века

В современной исторической литературе выработалось

Несколько основных значений понятия "панславизм": 1/ представления о всеславянской империи под эгидой России, 2/ различные концепции, обосновывавшие варианты региональных союзов отдельных славянских движений, 3/ идеологические построения, содержавшие принцип всеславяинства, т.е. общности судеб и интересов всех славян. Интерес к панславизму имел не только академический характер. Еще в 30-е годы прошлого столетия в западноевропейской и австро-немецкой публицистике сложился негативный стереотип, согласно которому Россия под лозунгами панславизма стремилась к гегемонии в Европе¹. После второй мировой войны, когда советское правительство обратилось вновь к идее о "славянском братстве", на Западе вновь заговорили о панславизме. Развертывание революционного процесса в Восточной Европе в послевоенное десятилетие трактовалось как реализация данных "панславистских устремлений"². Идеологизация в современных условиях проблем панславизма сильно повлияла на характер научных исследований. Если в дореволюционной историографии преобладало широкое толкование панславизма /как правило, выделяли несколько форм: лингвистическую - идея общеславянского языка, культурно-этническую и политическую/, то в советских исследованиях его связывали, в основном, с великодержавными планами царского правительства.

В настоящее время наметилась тенденция к переоценке этого понятия. В ряде обобщающих славистических трудов проводится мысль о том, что гегемонистские всеславянские планы, равно как и лозунги "демократического панславизма" были чужды русской дипломатии. В докладе В.А.Дьякова на X международном съезде славистов указывается на неоднозначность этого понятия и особо отмечается, что панславизм мог быть составной частью различных, подчас прямо противоположных доктрин³.

Действительно, стремление выделить в панславизме конкретное политическое содержание приводит к схематичному разделению идеологии "славянского единства" на "реакцион-

ный" панславизм и "позитивную" идею славянской взаимности. Речь идет об особом социально-историческом феномене, присутствующем общественной мысли всех славянских народов, при всем различии его национальных и региональных компонентов.

Принцип всеславянства, обуславливавшийся установкой "мы - они" /славяне - неславяне/, был характерной чертой процесса самопознания, стремления уяснить себе и донести до других суть развивающегося общества. Угроза ассимиляции вызвала у славянской интеллигенции обостренное чувство самобытности, неповторимости своего народа. Появление панславистских теорий было одной из первых попыток выработать идеологию национальной самозащиты у славян, не имевших полноправного положения в австрийской империи. Иными словами, это была рефлексия на целенаправленную политику германизации и распространение предвзятых суждений о "врожденной неполноценности" славянских народов, которые часто встречались в немецкой литературе первой трети XIX века.

Несмотря на многообразные варианты, панславистские теории включали такие главные элементы:

- утверждение, что существующий миропорядок несправедлив по отношению к славянским народам;
- идея славянского мессианизма; славяне предопределены к "обновлению" европейской цивилизации;
- представление об особом культурно-историческом типе, который образуют славянские народы и констатация его преимущества над остальными европейскими общностями.

Совокупность этих компонентов является, на наш взгляд, главным критерием для выделения панславизма из широкого круга теорий и идей, составлявших "славянскую идеологию".

В Чехии всеславянские концепции оформляются к 20-30-ым годам XIX века. В них "славянство" рассматривалось в качестве особой духовной общности, существовавшей независимо от времени и государственных границ. Идея о вечной смене исчерпавших себя народов, заимствованная из немецкой философии, использовалась как доказательство преимущества от-

сталого развития славян. Общечеловеческие гуманистические идеалы противоречиво переплетались с националистическими мессианскими идеями. Однако национализм, лежавший в основе любой идеологии пандвижения, не имел в этот период элементов выраженной ксенофобии. В этом проявилось своеобразное соотношение между общественной мыслью и общественным сознанием развивающегося общества. Акцент делался не на противопоставление славян Европе, а на идею их равноценности: "малые" народы, лишенные государственности, и "большие" народы должны иметь равные права. Чешские идеологи осознавали себя европейцами, а историю своего народа — звеном в цепи общеевропейского процесса. Поэтому идея "преимущества", как и все элементы возвеличивания, иллюзии о наступлении "славянского века" были неизбежными издержками национального самосознания, являясь своего рода, выражением "самолюбия" развивающегося общества. На данном этапе, когда чешское движение не приобрело еще массовый характер, всеславянские представления идейно стимулировали национальное развитие.

Эволюция панславизма зависела от уровня национального сознания, этатистских традиций, историко-культурного наследия, конкретных политических условий. Чешская политическая мысль за сравнительно короткий период прошла путь от всеславянской концепции к национально-политической программе. В Чехии имелись более благоприятные условия для национального развития, нежели у большинства "малых" европейских народов. Именно в чешских землях во второй половине 40-ых годов на первый план выступает австрославизм. Создатели этой программы видели гарантию самобытного развития в ориентации на Австрию, реорганизованную в духе буржуазной конституционности. Политическая связь "Чехия — Вена" была более осознанной, отвечала традициям общеевропейского сознания, нежели расплывчатая идея всеславяинства. Однако в австрославизме еще сохранялись элементы общеславянской идеологии /идея регионального славянского союза, мысль о возможном "ославянивании" Австрии/. Чешские поли-

тики стремились сами возглавить блок австрийских славян, создав тем самым "третью силу" в Центральной Европе, противостоящую России и Германии. Если панславистские теории основывались на некритическом русофильстве /надежда на внешнюю помощь со стороны славянского государства/, то австрославизм уже провозглашал принцип опоры на собственные силы австрийских славян.

В 60-е годы в программе австрофедерализма чешские идеологи отказались от идеи союза этнически родственных народов. Хотя панславистские представления сохранялись в общественном сознании, но они уже не являлись принципом национальной политики и не использовались в качестве средств идеологической аргументации действий чешской оппозиции.

Иное развитие получил панславизм в условиях России. Свообразие "славянского вопроса" для России заключалось в том, что он был не только комбинацией конкретных политических проблем, представлявших интерес для русской дипломатии, но и являлся одной из важнейших характеристик в процессе самопознания русского общества. Идея всеславянства, акцентировавшая славянское происхождение России сочетала в себе как элементы философско-исторического обоснования ее "особого" пути, так и богатый материал для создания разных политических теорий, направленных на решение внутри- и внешнеполитических проблем как в консервативно-охранительном и либеральном, так и революционном духе. Благодаря этой универсальности, панславизм рассматривался различными течениями русской общественной мысли от "ультранационалистических" /так называли адептов великодержавной идеологии/ до демократических кругов⁵. Несмотря на идеологическую разнородность, общественное сознание того времени было сосредоточено на поиске формулы отношений России с внешним миром и на определении механизмов саморазвития. Импульсами в этом процессе были те исторические события, во время которых Россия наиболее тесно соприкасалась с Западной и Центральной Европой - наполеоновские войны, революция 1848-1849 гг., Крымская война. Это резко

усиливало ощущение контрастности между Россией и ведущими европейскими державами. В дискуссиях выделились два противоположных мировосприятия: одно рассматривало "мир" как неделимое целое, подчеркивая тесную взаимосвязь между отдельными его частями, другое основывалось на мысли о контрастности России и Запада. Особое место в этих двух направлениях занимала славянская проблематика.

В славянофильском учении дихотомия "Россия - Запад" приобрела наиболее законченное обоснование.

Славянофильство хронологически совпадало с первыми панславистскими проявлениями в среде словацкой и чешской интеллигенции. Оба эти явления имели общий теоретический источник - немецкую философию эпохи романтизма. Однако, перед чешскими и словацкими идеологами стояла задача ее национально-практического переосмысления, создания такой концепции, которая бы доказывала полноправность "славянского элемента" в Европе. В славянофильстве, напротив, обосновывалось отчуждение России от Запада, ее особое мессианское предназначение. Обращение к принципу всеславяинства у славянофилов в России не имело определяющего характера, а призвано было доказать славянский характер русской истории, кардинально отличающейся, по их мнению, от европейской.

В целом, в первой половине XIX в. в русском обществе, за редким исключением, не наблюдался интерес к судьбам славянского мира и идеи славянской взаимности не получили широкий резонанс.

Только после Крымской войны панславизм становится существенной частью общественного сознания. Обсуждение "славянского вопроса" в 60-е годы захватило различные слои русского общества привело к формированию широкого спектра всеславянских теорий. Славист А.И. Пипин выделял две основные формы современного ему панславизма: как плод "крайней национальной гордости", содержащий идею русского величия, стремления решать "политическую судьбу Европы при помощи славянства, а также как форму "национально-образова-

тельной солидарности" славянских племен.⁶ В русском общественном мнении получила признание мысль о том, что славянские народы только тогда оценят авторитет России, когда она достигнет высокого экономического и культурного уровня, реализовав лучшие европейские достижения⁷.

Демократические формы всеславянских представлений подробно исследуются советскими славистами. Мы остановимся на характеристике тех течений, которые противостояли демократическим концепциям славянского единства. Здесь также было много различных форм: от констатации нравственного противостояния/идея В. И. Ламанского о противоположности греко-славянского и латино-германского миров/ до обоснования их политической несовместимости/ концепция славяно-европейской войны Н. Я. Данилевского, Леонтьева, Фадеева/. Представление о "славянстве" как безусловном проводнике интересов России основывалось на устаревших концепциях панславизма 20-30-х годов, в то время как в 60-е гг. оно фактически исчерпало себя у многих развитых движений. Потому, что основным принципом связи России со славянством, по мысли российских панславистов, должна была стать абсолютизация "исконных начал", самоизоляция "славянского мира". Согласно подобным представлениям все славяне должны были принять русский язык как средство межславянского общения и православие как единую славянскую религию. Такая организация межславянских отношений была заведомо неприемлема для чешского национального движения. Это вело к обострению отношений чешских деятелей со "славянолюбивыми" кругами русского общества. Характерно, что в чешской прессе 60-ных годов прослеживается тенденция отделить содержание термина "панславизм" от великодержавных идей. Для этой цели был найден термин "панрусизм", который противопоставлялся всеславянским идеям.

Таким образом, "панславизм" был, по существу, идеологическим отражением процесса развития национального сознания у славянских народов в XIX в.

1. Волков В.К. К вопросу о происхождении терминов "пангерманизм" и "панславизм". Славяно-германские культурные связи. М., 1969, С. 36.
2. Panlawismus // Das Bertelsmann Lexikon. - Germany. - 1977, bd 7. S. 556. H.Kohn. Pan-Slavism // Encyclopedia Britannica. 1968. Vol. 17. S. 231-232. Pan-Slavism // Encyclopedia Americana. 1986. Vol. 21. S. 362.
3. Освободительные движения народов Австрийской империи. М., 1981, С. 2, 258. Польша на путях развития и утверждения капитализма. М., 1984, С. 235-238. В.А.Дьяков. Славянский вопрос в общественной мысли дореволюционной России. История, культура, этнография и фольклор славянских народов: X международный съезд славистов. М., 1988, С. 41.
4. Hroch M. Evropská národní hnutí v 19. století. Praha, 1986. S. 246-248.
5. В.А.Дьяков выделяет три основные разновидности политической интерпретации славянской идеи: прогрессивно-демократическая, славянофильская и реакционно-охранительская. Дьяков В.А. Ук. соч., С. 33.
6. Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. Спб., 1913, С. 89, 92, 98.
7. Основная мысль заключалась в том, что "нельзя быть другом славянства и ретроградом у себя дома". Пыпин А.Н. Будущность славянства. Вестник Европы, 1877, декабрь. С.828.

Л.А.Кирилина

Австрославистские идеи у словенцев в 1848-1849 гг.

В 1848 г. словенское национальное движение, ограниченное до тех пор культурно-просветительскими рамками, вступило в новый - политический - этап развития. Словенский национальный /патриотический/ лагерь состоял в 1848 г. из представителей консервативного и либерального направлений. Основную роль в политическом оформлении словенского движения сыграли либералы. В первые месяцы революции ими были созданы словенские политические общества в Вене, Граце, Любляне. Словенские либералы сформулировали программу Объединенной Словении, в которой предусматривалось объединение словенцев Штирии, Крайны, Каринтии и Приморья в одну провинцию, введение словенского языка в школах и канцеляриях. Словения мыслилась национальными деятелями как сос-

тая часть Австрийской монархии, преобразованной на конституционных началах. Их приверженность империи экономически обуславливалась слабостью словенской буржуазии, ее заинтересованностью в сохранении торгово-экономических связей с другими землями монархии. Однако характерно, что в 1848 г. словенские деятели не выдвигали в своей программе никаких экономических требований, в отличие от чехов, хорватов и сербов, более четко осознававших взаимосвязь экономического и национального развития своих народов. Решения своих национальных проблем они ожидали от императора и правительства, сохраняя полную лояльность по отношению к ним на всем протяжении революции.

Чувствуя свою слабость вследствие немногочисленности словенцев и отсутствия словенского самосознания у широких народных масс, словенские национальные деятели стремились найти себе союзников в национальных движениях других славянских народов Габсбургской монархии. Идея единства славян империи содержалась во всех программных документах словенских либералов, однако она претерпела существенные изменения в ходе революции.

Весной 1848 г. призывы к дружбе и взаимопомощи славян Австрия в словенской прессе были расплывчаты и встречались попеременно с такими же призывами по отношению к другим народам монархии. Следует отметить, что сотрудничество австрийских народов мыслилось словенскими либералами лишь на основе сохранения целостности империи. К объединительным и освободительным движениям немцев, венгров и итальянцев они относились негативно, боясь распада империи. Особенно обеспокоили их планы созыва Франкфуртского национального собрания с целью объединения Германии /в состав Германии предлагалось включить чешские и словенские земли/. Словенские либералы, вслед за чешскими, развернули антифранкфуртскую агитацию, правда, не достигшую того размаха, который она имела у чехов.

Идея созыва Славянского съезда в Праге /в противовес Франкфуртскому собранию/ для выработки совместных полити-

ческих требований славян империи не встретила большой поддержки у словенских национальных деятелей. О приглашении словенцев на съезд единственная тогда словенская газета "Кметийске ин рокодельске новице" сообщила с большим опозданием — всего за две недели до начала его работы¹. В Прагу приехали три словенца². Всего на съезде присутствовало 40 югославян. Такое малое представительство словенцев, конечно, нельзя объяснить только наличием организационных и финансовых трудностей /на которые осылались в переписке сами словенские национальные деятели³/. Оно отражает прежде всего незначительный интерес к нему большинства словенских патриотов, обусловленный их недостаточной политической развитостью, а подчас и неосведомленностью. Весной 1848 г., когда австрославистская программа чехов еще находилась в стадии разработки, она не была популярна у словенских либералов. Некоторые из них /М.Маяр, С.Кочевар и др./ больше тяготели к созданию югославянского союза на федеративных началах.

Подавление правительственными войсками Пражского восстания в июне 1848 г. и развернутая немцами Австрийской империи в этой связи антиславянская кампания привели к краху надежд национальных словенских деятелей на то, что немцы поддержат национальные требования австрийских славян. Вместе с тем деятельность Славянского съезда способствовала процессу их политического созревания. В первом же номере политического органа словенских либералов — газеты "Словения" /выпускавшейся с июля 1848 г./ были приведены сообщения чешских газет о восстании в Праге, где победа князя Виндишгреца была охарактеризована как победа физической силы над моральной⁴. Затем в "Словении" были опубликованы принятый съездом "Манифест европейским народам"⁵ и перевод статьи "Историческое описание Славянского съезда" из либеральной чешской газеты "Пражке повине"⁶. О значении съезда в статье было сказано: "Славянские народы Австрии, до сих пор раздробленные, впервые сами поняли, что у них одинаковые нужды и цели". Словенские ли-

бералы выразили надежду, что дело, начатое Пражским съездом, будет продолжено. Рассказывая о событиях в Праге, видный теоретик словенских либералов, каринтийский священник М.Маяр писал, что после первого потрясения словенские патриоты поняли — "мысль об объединении славян нельзя расстрелять ни ружьями, ни пушками"⁷.

Идея славянского единства была созвучна прежде всего либеральной группировке. Консерваторы-реформисты не поддерживали ее. Характерно, что их газета "Ювице" практически ничего не сообщила о работе Славянского съезда. О разгроме Пражского восстания в ней писалось осторожно: что это "печальные новости", и причина сражений не ясна — то ли произошло столкновение чехов с немцами, то ли с князем Виндизгрецем, нужно ждать сообщения министерства по этому поводу⁸. В момент поражения братского чешского народа словенские консерваторы по существу заявили о своем нейтралитете и лояльности правительству.

Летом 1848 г. словенские либеральные идеологи внесли ряд изменений в свою национальную программу. В ней усилилась тенденция к сплочению австрийских славян в противовес немцам, венграм и итальянцам, возникла мысль о создании Славянской Австрии. Впервые в печати ее высказал молодой юрист из Штирии Й.Крайнд в статье "Славяно-немецкие отношения". Подчеркнув, что "будущее славян — в Австрии", он предложил, чтобы немцы вступили в Германский союз, отделившись от австрийских славян границей, установленной по национальному принципу. То же самое пусть сделают и венгры⁹. Через два месяца эту идею подробно разработал в статье "Славянское согласие" М.Маяр¹⁰. По его проекту Австрия должна была стать конституционной монархией, в которую входили бы исключительно славянские земли. Венграм и немцам славяне не будут препятствовать в отделении.

О союзе всех славян Маяр в это время писал еще расплывчато, полагая, что "все славянские племена должны объединиться и действовать сообща", и тогда "... мы будем хозяевами у себя дома, и над нами будет только Бог, пресветлый

император и конституционное, ответственное перед нами правительство". Более определенно высказался он в отношении союза словенцев с сербами и хорватами: "Наши соседи и братья хорваты и сербы объединились, и мы, словенцы, тоже желаем с ними объединиться". Объединение с южными братьями, как и словенцы, находившимися в составе Австрийской монархии, по мнению Маяра, было бы выгодно и в духовном, и в материальном отношении. О форме югославянского союза Маяр не писал, но, как считает И.В.Чуркина, его проект Объединенной Словении, вплетенный в эту статью, указывает, что союз южных славян Австрии он мыслил как федерацию¹¹. Многие словенские либералы поддерживали летом 1848 г. планы создания югославянской федерации в рамках империи, однако раздавались голоса и против нее. Некоторые патриоты справедливо опасались подавления словенской народности более сильной хорватской¹².

Баряду с обозначенными планами у словенцев летом 1848 г. возникла также мысль о создании широкого союза, в который входили бы также и турецкие славяне. Эту идею выдвинул Й.Крайнец в упомянутой статье. По мнению Крайнца, австрийские славяне должны помочь своим южным братьям освободиться из-под турецкого ига и присоединиться к Австрии — конституционному славянскому государству. С планами Крайнца перекликается статья, напечатанная в "Словении" в начале августа. В ней писалось о том, что в Австрии и Турции живет много народов, различных по обычаям, крови и языку и слишком маленьких, чтобы создать свои государства. Они должны объединиться в рамках Австрии¹³. Летом — осенью 1848 г. эти планы в Словении популярны не были.

В результате резкого обострения противоречий между ведущими национальными силами славян с одной стороны — и венгров, немцев и итальянцев с другой — произошел раскол империи на два враждующих лагеря. С особой силой этот славяно-немецкий антагонизм проявился в период октябрьского восстания в Вене. Большинство словенских национальных деятелей, вслед за чешскими и хорватскими либералами, воспри-

няли венское восстание как "бунт против славян", угрожающий распадом империи и крахом их национальных чаяний. Разгром венцев они сочли победой австрийского славянства, ошибочно полагая, что теперь австрийские власти пойдут на удовлетворение их требований.

В первые месяцы после подавления октябрьского восстания в Вене словенское национальное движение еще переживало период подъема. Были основаны словенские общества в Целовце, Триесте и Горице, увидели свет новые издания на словенском языке. Словенское движение распространялось ширь, вовлекая в свои ряды все новых членов.

Именно в этот период — в ноябре — декабре 1848 г. — М.Маяр подробно разработал свою программу образования славянской федерации в рамках Австрийской империи; явившуюся вершиной развития национально-политической мысли словенцев в 1848 г. Изменение политической ситуации с лета 1848 г. побудило его отказаться от плана создания Славянской Австрии. Теперь Маяр исходил из того, что империя будет состоять из пяти народов, объединенных в провинции: славян, немцев, венгров, румын и итальянцев. Предложив вновь включить венгров в состав империи, Маяр проявил большую лояльность по отношению к Габсбургскому дому, чем, например, депутаты рейхстага чех Палацкий и немец Ленер — в их проектах, разработанных примерно в то же время, Венгрия в состав империи не включалась.

Административно-территориальную структуру монархии Маяр полагал необходимым реорганизовать согласно этническому принципу: "Устанавливая границы между этими народами, нельзя смотреть ни на холмы, горы, потоки и реки, ни на канцелярии, училища, чиновников и офицеров, которые по большей части немецкие или онемечены, а смотреть здесь нужно на то, какой народ живет тут и там в деревнях". Маяр предложил разграничение функций центрального правительства /внешняя политика, финансы, армия и торговля/ и внутреннего управления каждой национальной единицы. Важнейшие вопросы внутренней и внешней политики по его проекту должны

били решаться рейхстагом¹⁴. Сходный план государственного устройства империи был опубликован несколько ранее /в сентябре/ в "Новицах" под псевдонимом "д-р Б."¹⁵ Близок программе Маяра и проект конституции, предложенный хорватским либералом сербского происхождения О.Острожинским, где также предусматривалось административное деление Австрии по национальностям. Проект Острожинского был перепечатан газетой "Словения" из хорватской либеральной газеты "Славенски Юг"¹⁶. В планах Маяра и Острожинского этнический принцип был проведен более последовательно, чем в проекте, разработанном словенским депутатом рейхстага М.Кавчицем. — В нем Каринтия провозглашалась неделимой¹⁷.

Октябрьское восстание в Вене сплотило австрийских славян. Идеи славянской взаимности все глубже проникали в среду словенских национальных деятелей. Почти в каждом номере "Словении" помещались статьи о братьях чехах и хорватах, о важнейших событиях их жизни и о солидарности с ними словенцев. Полякам словенцы /вслед за чехами/ также предлагали укреплять империю в союзе с остальными австрийскими славянами¹⁸. Чувство национального и культурного родства всех славянских народов Австрии, общности их судьбы, усилившееся стремление славянских деятелей к установлению контактов нашли отражение и в новом проекте Маяра, который утверждал, что все славянские народы должны выступить как единый народ по отношению к остальным народам империи. Объединение всех австрийских славян он считал необходимым и неотложным: "Мы никогда не должны выступать, раздробленные по народам, это была бы наша гибель"¹⁹. "Сейчас счастливое время для объединения, сейчас над нами засияло светлое солнце свободы, не упустим хорошей погоды, бог знает, будет ли опять в ближайшую тысячу лет дана такая возможность нашему народу", — писал он в декабре на страницах "Словении"²⁰.

Первым шагом на пути к образованию всеславянской федерации Маяр считал создание широкой сети национальных обществ и их объединение. В статье "Союз словенских обще-

ств²¹ он обратился с призывом к словенским патриотам — образовать словенские общества в каждом окружном центре Словении. Все эти общества должны были войти "в единое великое словенское общество, которое подаст одну руку славному обществу "Славянская липа" в Праге, а другую — своим братьям хорватам и сербам".

Предложенный Маяром проект реорганизации империи по национальному принципу, разделения функций центрального правительства и провинций был поддержан многими словенскими либералами. Позиция Маяра была близка взглядам наиболее передовых идеологов австро-славизма. Менее понимания встретила его идея создания всеславянской федерации в рамках Австрийской империи. Большинство словенских /и славянских/ либералов, говоря о единстве славян Австрийской монархии, подразумевали тесное политическое и культурное взаимодействие, но не создание общеславянской политической единицы. Каждая национальность должна была быть представлена в империи отдельно, либо же предполагалось образование более узких политических союзов. Так, общество "Славянская Липа" в Праге в октябре 1848 г. призвало к объединению чехов, словаков и моравян²², хорватские либералы, группировавшиеся вокруг газеты "Славенски Юг", обратились с предложением к словенцам и сербам собраться в Загребе для обсуждения основ югославянского союза²³.

Отношение словенских национальных деятелей к вопросу о югославянском союзе, как и на предыдущих этапах революции, не было идентичным. Временно отказался от этой идеи Маяр, считавший, что гармоничных отношений между народами легче достичь в широком всеславянском союзе²⁴. Наиболее характерной для того времени была, пожалуй, позиция тех словенских деятелей, которые мыслили союз с сербами и хорватами как укрепление взаимопомощи, но не как полное слияние. Словенское общество в Любляне, высказавшись в принципе за создание югославянского союза, оговорило, что словенцы должны сохранить свой язык и обычаи²⁵. Менее популярна была идея полного объединения словенцев с другими югославянами

империи. Наиболее четко ее высказал штирийский либерал О. Паф в январе 1849 г.: "Мы останемся уродами и испорченными людьми, пока не объединимся полностью с крайцами и хорватами"²⁶. В готовности ряда национальных деятелей пожертвовать индивидуальностью словенского народа во имя достижения австрийскими славянами хотя бы некоторых национальных прав проявились первые признаки начинавшегося кризиса словенского национального движения. Эта тенденция усиливалась по мере наступления реакции, особенно после опубликования октроированной конституции в марте 1849 г.

Примечательно, что все декларации словенских либералов об их стремлении вступить в союз с сербо-хорватскими братьями не подкреплялись никакими практическими шагами. Большинство словенских национальных деятелей на деле осталось равнодушно к идее такого объединения.

Осенью — зимой 1848—1849 гг. на качественно новый уровень поднялись чешско-словенские связи. Обеими сторонами были предприняты попытки скоординировать политику своих национальных обществ. Инициатива исходила от чешского общества "Славянская Липа" в Праге. Деятельность этого общества вызвала живой интерес и поддержку со стороны словенских национальных обществ. В октябре — ноябре 1848 г. в "Новицах" и "Словении" была опубликована переписка "Славянской Липы" с хорватским баном Елачичем, ее воззвание к славянам о необходимости славянского единства в борьбе против восставшей Вены и ряд других материалов чешских либеральных газет²⁷. Наиболее активные словенские либералы предлагали соотечественникам по примеру "Славянской Липы" в Праге послать в министерство петицию с требованием ввести словенский язык в школах и канцеляриях²⁸. В ноябре 1848 г. по всей Словении был организован сбор подписей под соответствующей петицией²⁹.

К сотрудничеству с политически и национально более зрелой организацией чешской Славянской Липы стремились как либеральные, так и консервативно-реформистские словенские национальные деятели. К нему призывал в своих

статьях М.Маяр. О единстве целей "Славянской Липы" и словенских национальных обществ говорил на Великом собрании словенского общества в Любляне /22 ноября/ его председатель Я.Блейвейс; придерживавшийся консервативно-реформистских взглядов; "И если мы будем мирно, но упорно, объединившись, выступать за права своего народа, "Липа Славянская" с гордостью покажет на словенские липки в Любляне, Горице, Граце, Целовце и Триесте!"³⁰. В конце декабря 1848 г. редактор газеты "Словения" М.Цигале поехал в Прагу на объединительный съезд чешских "славянских лип". Он получил полномочия депутата от всех словенских обществ, и оказался единственным представителем югославян на этом съезде³¹.

В ходе революции 1848 г. словенские либералы познакомились с австрославистской программой чехов и приняли ее. Творчески разработал эту программу словенский теоретик М.Маяр, выдвинувший план создания славянской федерации в рамках Австрийской империи. Претерпели некоторую эволюцию и взгляды консерваторов-реформистов. Хотя либеральных идей создания югославянского и всеславянского союзов они не приняли, однако проявили заинтересованность в развитии связей с чехами, хорватами и другими славянскими народами империи. Идеи славянской взаимности к концу 1848 г. укрепились в среде словенской интеллигенции, и в этом заключалось одно из крупнейших достижений словенского народа в период революции.

Опубликование октроированной конституции разбило надежды словенских патриотов на достижение национального равноправия. Консервативно-реформистские деятели фактически сразу отказались от политической борьбы. Идти лучших времен - такова была их тактика. У либералов новая конституция вызвала взрыв возмущения и разочарования, поставила их в оппозицию к правительству. Словенское национальное движение резко пошло на спад. Одно за другим прекратили свою деятельность словенские общества, закрылись словенские политические газеты. Однако, несмотря на наступление реакции, наиболее энергичные словенские либералы

продолжали искать пути осуществления своих национальных чаяний. Необходимым условием этого они считали сплочение славянских народов империи.

Некоторые — Майр, Муршич и др. — направляли свои усилия прежде всего на развитие национально-культурных связей, создание единого литературного югославянского языка³². Для Майра и его сторонников иллирийский язык был ступенькой к языку всеславянскому, созданию которого Майр в дальнейшем посвятил свои силы³³. Другие патриоты Словении стремились главным образом к увеличению политического веса славян в империи. Эти новые политические мысли были высказаны еще в феврале 1849 г., и на протяжении нескольких месяцев /фактически — до окончательного поражения венгров/ в разных интерпретациях появились на страницах "Словении". Очевидно, они пользовались популярностью в среде чешских и хорватских либералов — многие публикации "Словении" на эту тему были перепечатаны из пражских и загребских газет.

В статье "Австрия и славяне"³⁴ Й. Драгони-Крженовский, председатель грацкого общества "Словения" /по происхождению чех/ выдвинул новые доводы в пользу австрийского славянства: если правительство удовлетворит национальные требования славян империи, то с их помощью ей удастся привлечь на свою сторону симпатии турецких славян, отданные России. Тогда Австрия станет величайшей державой Европы. Если же правительство будет продолжать политику ущемления славян, то империи грозит участь второстепенного государства, Россия же укрепит свою мощь. Драгони-Крженовский с одной стороны, призывал Австрию к политическому соперничеству с Россией за влияние на Балканах, с другой — сочувственно писал о поработанных русских, жаждущих свободного правления. Австрийские славяне, по его мнению, должны были выполнить цивилизаторскую миссию по отношению к славянским народам Турции и России: "Как европейский Запад принес просвещение в Америку, так и Восток имеет естественную задачу зажечь свет в Азии, и славяне призваны к этому из-за своего географического положения". В случае

войны Австрии с Россией, по мнению Драгони-Крженовского, союзниками Австрии стали бы поляки и образованные слои русского населения, недовольные неограниченным правлением императора. Возможно, эти представления о России и русских были почерпнуты их автором статьи из опубликованного в ноябре 1848 г. в газете "Словения" выступления М.Бакунина на польском съезде в Париже /29 октября 1847 г./³⁵.

Те же мысли были высказаны в статье, перепечатанной "Словенией" из "Пражских новин"³⁶. М.Кавчич на одном из последних заседаний Конституционной комиссии рейхстага внес предложение в подобном духе: Австрия должна уделить первостепенное внимание району Дуная, постараться присоединить к себе Молдавию и Валахию³⁷. За присоединение турецких славян к империи высказался в августе 1849 г. словенский священник из Каринтии А.Эйшпицер. В отличие от Драгони-Крженовского, он считал, что Австрия в союзе с Россией должна противостоять гегемонистским планам англичан и французов на Балканах, где Австрия найдет драгоценные камни для своей короны³⁸.

Эти планы свидетельствуют о том, что при сохранении австро-славистской основы, взгляды некоторых словенских либералов претерпели в 1849 г. определенную эволюцию. Ослабла их ориентация на австрийское правительство. В поисках политических союзников они все чаще стали обращать свои взгляды к славянским народам вне империи, в том числе к русскому. Проекты эти были иллюзорными. Уводила в сторону от насущных проблем развития словенского народа и идея Маяра о создании всеславянского языка.

Лишь несколько позже, в конце 1849 – начале 1850 гг., оправившись от первого шока, вызванного крушением своих надежд, словенские либеральные идеологи разработали новые планы того, как в условиях реакции и печатной цензуры способствовать национальному развитию своего народа. В наступивший долгий период реакции лозунгом словенских национальных деятелей стали слова М.Маяра: "Никто не может приказать, чтобы Драва текла в Рейн; никто не может окт-

роировать, чтобы с этих пор все "славянские липы" превратились в "немецкие дубы"; враги нас сразу не съедят, слишком нас много. Будем трудиться по-умному, заметно, постоянно и крепко: "кто хорошо работает, дождетя лучших времен"³⁹.

1. Novice, 1848, N 20 (17.V).
2. Gestrin F., Melik V. Slovenska zgodovina od konca XVIII stoletja do 1918. Ljubljana, 1966. S. 111.
3. Slesie P. Korespondenca dz. Jos. Muršca. Ljubljana, 1905. S. 72-73, 93-94.
4. Slovenija, 1848, N 1 (4.VII).
5. Ibid., 1848, N 4 (14.VII), N 5 (18.VII).
6. Ibid., 1848, N 6 (21.VII), N 7 (25.VII).
7. Ibid., 1848, N 16 (25.VIII).
8. Novice, 1848, N 25 (21.VI).
9. Slovenija, 1848, N 3 (11.VII).
10. Ibid., 1848, NN 13-16 (15-25.VIII).
11. Čurkina I.V. Matija Majar-Ziljski. Razprave VIII/2. Ljubljana, 1974. S. 28.
12. Novice, 1848, N 40 (4.X); Slovenija, 1848, N 3 (11.VII); Slovenija, 1848, N 13 (15.VIII).
13. Ibid., 1848, N 10 (4.VIII).
14. Ibid., 1848, N 51 (26.XII).
15. Novice, 1848, N 39 (27.IX).
16. Slovenija, 1848, NN 39, 40, 43 (14,17,28.XI).
17. Springer A. Protokolle des Verfassungs-Ausschusses im Oesterreichischen Reichstage 1848-1849. Leipzig, 1885, S. 23-24.
18. Slovenija, 1848, N 37 (7.XI), N 43 (28.XI), N 45 (5.XII).
19. Majar Vrazu (22.XI.1848). - S.Vraz. Korespondencija. Nacionalna i sveucilisna biblioteka u Zagrebu (NSBZg), R. 3981.
20. Slovenija, 1848, N 51 (26.XII).
21. Ibid., 1848, N 47 (12.XII), N 48 (15.XII).
22. Ibid., 1848, N 37 (7.XI).
23. Korunić P. Jugoslavenska ideja v hrvatskoj i slovenskoj političiza revolucije 1848-1849 g. Radovi, Vol.14(I), Zagreb, 1981, S. 176-177.
24. Slovenija, N 51 (26.XII.1848).
25. Ibid., 1848, N 43 (28.XI); N 44 (1.XII).
26. Caf Muršcu (13.I.1849) - Korespondenca... S.102.
27. Novice, 1848, N 45 (8.XI), Slovenija, 1848, N 35 (31.X), N 36 (3.XI), N 38 (10.XI).
28. Slovenija, 1848, N 39 (14.XI); Caf Muršcu (13.I.1849) - Korespondenca... S. 102.
29. Kočevar Vrazu (13.XI.1848) - NSBZg, R. 3981.
30. Zacek V. České a jihoslovanské Slovanské lípy v roce 1848. - Literární archiv VI, 1971, Praha. S. 220.
31. Ibid. S. 223.
32. Slovenija, 1849, N 36 (4.V), N 84 (19.X); 1850, N 10 (1.II), N 14 (15.II).
33. Čurkina I.V. Op. cit. S. 113; Slovenija, 1849,

NN 97-98 (4-7.XII).

34. Slovenija, 1849, N 11 (6.II).

35. Ibid., 1848, NN 35-38 (31.X-10.XI).

36. Ibid., 1849, N 20 (9.III).

37. Springer A. Op.cit. S. 349.

38. Slovenija, 1849, N 68 (24.VIII).

39. Majar Murscu (7.XII.1849) - Korespondenca...

. 113.

Национальный вопрос в демократической печати
России в 60–70-е гг. XIX в.

В общественной мысли России второй половины XIX в. национальный вопрос занимал далеко не последнее место. Он являлся неотъемлемой частью исторических и социологических воззрений русской революционной демократии. В конце 50-х – первой половине 60-х годов подцензурные демократические издания были немногочисленны; они являлись в то время единственной легальной трибуной передовой мысли. Среди них особым авторитетом пользовались журналы "Современник" и "Русское слово". На страницах этих журналов большое место занимала славянская и балканская проблематика. Теоретическая постановка ими национального вопроса была связана, наряду с другими обстоятельствами, в значительной степени с развернувшейся борьбой народов Центральной и Юго-Восточной Европы за национальное освобождение¹.

Революционно-демократическая печать исходила из признания общих закономерностей исторического развития народов, с учетом, разумеется, национальных особенностей. Н. В. Шелгунов подчеркивал в "Русском слове", что "нет особых законов для каждой отдельной национальности"²; "Современник" отмечал, что "явления развития или упадка национальности" подчиняются "общему естественному закону истории" и "не зависят от воли отдельных людей"³.

Передовые журналы четко представили свои позиции в отношении национальной независимости, равноправия и государственного суверенитета всех народов, резко осудив национальное угнетение. "Русское слово" признавало за каждым народом право на уважение его "индивидуальной жизни"⁴. Н. Г. Чернышевский писал в "Современнике": "Удерживать в своей зависимости чужое племя... не давать независимости народу только потому, что это кажется полезным для военного могущества и политического влияния на другие страны, — это гнусно"⁵.

Определяя стремление к независимости как закономерный процесс, Чернышевский отмечал, что "чувства национальности нельзя... заглушить ничем"⁶. Это чувство вызвало подъем национального самосознания и национально-освободительной борьбой, на которую, по наблюдению "Русского слова", оказывала влияние политика правительства, направленная на угнетение подвластных национальностей и задержку их самостоятельного развития "посредством военного деспотизма и необузданного произвола" /Османская империя/ или "посредством искусственно придуманной административной системы" /Австрийская империя/⁷.

Искренне сочувствуя национально-освободительной борьбе, понимая историческую прогрессивность развития независимой нации, демократическая периодика ясно видела наличие двух тенденций в развитии нации - с одной стороны, по определению Чернышевского, это "исключительное развитие племенных особенностей", с другой - "общечеловечность", которые, как предполагалось, в будущем должны привести к соразмерному сочетанию общего и особенного, национальных и интернациональных начал⁸.

Подробно рассматривая на страницах "Современника" процесс национального возрождения славянских народов, А.Н.Пыпин отмечал желание зависимых народов не только свободно развивать свою культуру, но и "вместить отдельную национальность в отдельное государство", т.е. добиться полной политической самостоятельности. Вместе с тем он считал, что параллельно развивается потребность в сближении наций, при котором усиливается культурное и политическое общение. Этому, однако, препятствуют, по его мнению, теории национальной исключительности /типа славянофильской/⁹.

Чуть в иной плоскости говорилось о двух тенденциях в "Русском слове". С пониманием и уважением относясь к стремлению разрозненных частей нации к воссоединению /Дунайские княжества, Ионические острова/, редактор журнала Г.Е. Благовосветлов в то же время высказывал распространенное в демократических кругах мнение, что достижение национальной

независимости не может быть принято "за идеал желаний современной эпохи" и не может означать конец борьбы, так как кроме национальных интересов должны учитываться, по его словам, "принципы общие и более важные - всемирная солидарность людей, разделенных на отдельные группы", т.е. межнациональное объединение по социальному признаку¹⁰.

В "Современнике" был затронут очень важный вопрос об объективной, конкретно-исторической оценке националистической идеологии и политики. Справедливо отмечалось, что национализм может иметь прогрессивное значение, если служит освобождению народа от чужеземного гнета /Сербия, Дунайские княжества/, или реакционное, если оправдывает угнетение других народов /Политика Венгрии по отношению к словакам/¹¹.

Революционная демократия стремилась уяснить взаимосвязь национального и социального вопросов. Чернышевский на страницах "Современника" утверждал, что коренную причину зарождения и распространения национальных стремлений нужно искать в экономическом строе общества. Он неоднократно подчеркивал, что нации социально неоднородны и борьба между "сословными отделами" /т.е. классами/ сильнее и глубже борьбы между национальностями, поэтому возможно объединение эксплуатируемых "людей разного племени" против эксплуататоров разных национальностей¹².

Другие авторы также отмечали несоответствие интересов правящих классов и чаяний простого народа. Поэтому публицисты "Современника" и "Русского слова" связывали обретение национальной самостоятельности с успешной социальной борьбой, с решением социально-экономических задач в интересах народа¹³. К середине 60-х гг. они стали рассматривать национально-освободительные движения в первую очередь с точки зрения их значения для осуществления прогрессивных социальных преобразований.

70-е годы в демократической общественной мысли и де-

мократическом движении окрашены идеологией революционных народников. Их воззрения находили отражение в передовых органах легальной печати того времени — журналах "Отечественные записки" и "Дело". В этот период происходило мощное национально-освободительное движение на Балканах. Демократическая периодика поддерживала его и вносила свой вклад в формирование общественного мнения в пользу южных славян. Каковы же были принципиальные положения, на которые опиралась демократическая печать этих лет в подходе к национальному вопросу?

"Отечественные записки", продолжая традиции "Современника", четко определяли свои позиции в отношении того, что каждая национальность имеет право на свободное, самостоятельное развитие. В том, что касается национального объединения, национальной культуры, недопустимо никакое насилие¹⁴. Отмечалось, что национальные стремления совпадают с желаниями масс, ими проникнуто большинство политических движений XIX в. и они "составляют вполне законную фазу в прогрессе цивилизации". Подчеркивалось, что у угнетенных народов национальная идея выражается сильнее и "национальное движение проявляется с наибольшей яркостью" /что видно на примере австрийских и турецких славян/¹⁵.

Как и их предшественники, передовые публицисты семидесятники видели в "национальном принципе", т.е. в идеологии и политике национализма, две фазы развития. На первой фазе они считали этот принцип неизбежным, прогрессивным, революционным, "одним из главных двигателей современной истории". Признавалась благотворность "принципа национальности", который поднимал национальное самосознание, способствовал развитию национальной культуры, а также экономики. Когда пройдет его время и будут удовлетворены национальные стремления, он превратится "из двигателя прогресса в тормоз его" и должен будет уступить свое место социальному вопросу¹⁶.

Начало национального движения журналы связывали с периодом национального возрождения, которое проявилось не

только в области культуры, но и в политической сфере /в это время стали возникать различные интерпретации идеи славянской взаимности/. Вместе с тем первая фаза отнюдь не представлялась идеальной, а определялась как "условно-прогрессивная", ибо процессу формирования наций сопутствовали такие негативные явления, как распространение теорий национального превосходства, эгоистических интересов, закрепление "вредных" национальных предрассудков, приводящих к непримиримой национальной розни и помогавших в осуществлении политики "разделяй и властвуй", к использованию свободолюбивых устремлений одного народа против борьбы за свободу другого народа¹⁷.

И все же, несмотря на то, что подчеркивалось объективное значение национального вопроса в историческом развитии народов, передовые журналисты 70-х годов все громче говорят о второстепенности этого вопроса, хотя его время еще не прошло и многие национальные стремления не были удовлетворены о подчиненности его другим, более важным, с их точки зрения, общественным задачам. Недооценка важности национального вопроса, живучести национальных интересов, традиций и стереотипов порождала иногда утопические представления о слиянии со временем в одну нацию народов Австро-Венгрии — немцев, мадьяр и славян — на основе полного равноправия, мира и дружбы, а в далеком будущем — о возникновении "одной большой человеческой семьи"¹⁸. Однако историческая реальность свидетельствовала о другом. Через год после создания Австро-Венгрии "Дело" писало: "Работа пяти или шести столетий была недостаточна для сплочения в одно политическое тело разнородных частей, составляющих Австрийскую империю, и рано или поздно это искусственное тело разложится на свои составные части". То же писал журнал и о южных славянах, из которых завоеватель-турки в течение нескольких веков "не сумели создать одной общей национальности"¹⁹.

Демократические журналы 70-х годов, как и их предшественники, отмечали две тенденции в развитии наций. Пер-

ную - формирование и обособление нации - они правомерно связывали с экономическим прогрессом и развитием просвещения²⁰. На страницах передовой печати постоянно подчеркивалось стремление славян Австро-Венгрии и Османской империи к разъединению с поработителями, к объединению разрозненных частей нации, к национальной самостоятельности, для достижения которой не должно быть никаких помех. Подчеркивалось, что залог успеха в деле завоевания национальной свободы заключается в прочном союзе и совместных действиях угнетенных народов. При этом "Отечественные записки" отмечали желание каждого народа "составить свое самостоятельное государство", а журнал "Дело" не считал обязательным существование независимых славянских государств, а полагал, что их национальные права могут быть обеспечены в форме широкой автономии в рамках существующих многонациональных государственных объединений /что соответствовало в то время и устремлениям самих славянских народов/²¹. Однако отмечалось, что такая федерация не может быть прочной и долговечной из-за разногласий между различными нациями. Признавалось, что федерация может быть прочной и гарантировать самостоятельное развитие каждой нации, только если будет основана на принципах добровольности и демократизма²².

Кроме "мирных" форм решения национального вопроса в демократической печати немало говорилось и о более радикальных методах борьбы - например, вооруженном восстании против турецкого деспотизма. Но при этом неизменно подчеркивалось, что каково бы ни было решение национального вопроса, оно "должно иметь гуманную подкладку - этого не должны никогда забывать враждующие стороны"²³.

Стремление славянских и балканских народов к национальному "обособлению" передовые журналы считали проявлением "узкого национализма" и называли "приготовительным классом политической зрелости". Недооценивая значение национального фактора в историческом развитии народов, демократические публицисты прежде всего обращали внимание на

то, что борьба за национальные права не принесла простому народу ничего, кроме крови и слез²⁴.

Сознавая вред национальной исключительности, передовая печать 70-х годов отмечала зачатки другой тенденции в развитии наций – понимания необходимости "умственного и материального обмена с другими народами", что приведет, по ее мнению, к "новой ступени прогресса: братству между народами". Сближение наций, при котором "национальные особенности постепенно стираются перед общим уровнем европейской цивилизации", представлялось делом далекого будущего²⁵. Однако именно к достижению этого идеала и призывала демократическая периодика. Формула "Человечество выше нации" – была очень популярна на ее страницах и лежала в основе всех рассуждений о национальных отношениях²⁶. Так, в "Деле" высказывалось мнение о том, что с развитием науки необходимо унифицировать способы обмена знаниями между людьми, следовательно, чем меньше останется языков общения, тем лучше; в связи с этим мало распространенные языки /например, венгерский/, "выйдут из обращения"²⁷.

Переход от национальных форм общественной жизни к всечеловечеству виделся публицистам-демократам в отказе народов от "узкого национального себялюбия" и обращении их к "общим интересам". Эту общность интересов они связывали с социальной сферой. Они прекрасно понимали, что в основе всех национально-освободительных движений лежат причины не национального, не религиозного, а исключительно социального порядка, сердцевиной которых являются отношения крестьян и землевладельцев, бедных и богатых, голодных и сытых²⁸. Именно в демократическом социальном переустройстве общества, в достижении социальной справедливости видели представители передовых кругов решение и национальных проблем. Поэтому в славянских национальных движениях они хотели прежде всего видеть программу социальной революции. Такое непонимание самостоятельного значения борьбы за национальную независимость зачастую приводило их к разочарованию в результатах этой борьбы и к признанию на-

циональных движений тормозом на пути социальных перемен. Объяснение такой позиции демократических журналов, видимо, следует искать в аполитизме народников, а также в том, что Россия не испытывала национального угнетения, и для деятелей российского освободительного движения самым насущным был не до конца решенный крестьянский вопрос. Поэтому они были глубоко разочарованы характером социальных преобразований в освободившихся балканских странах, ранее входивших в Османскую империю. Вместе с тем в период второй революционной ситуации они стали более внимательно относиться к политическим вопросам и понимать, что национальный вопрос является делом не только внутренней, но и внешней политики; неурегулированные национальные отношения будут порождать новые конфликты. Учитывая не полностью удовлетворенные национальные стремления балканских народов и в особенности национальную ситуацию в южнославянских провинциях Австро-Венгрии, журнал "Дело" в 1883 г. высказал предположение, что Балканский полуостров в будущем "сделается сценой, на которой будет сыграно первое действие большой европейской драмы"²⁹. Через три десятилетия это предвидение полностью оправдалось.

Тем не менее, несмотря на явную недооценку роли национального фактора в исторических судьбах славянских и балканских народов, передовая печать на протяжении четверти века уделяла довольно большое внимание проблемам национальных прав и межнациональных отношений, и национальный вопрос на ее страницах решался самым демократичным путем.

I. Следует иметь в виду терминологическую неустойчивость в обозначении этнических общностей, в результате чего одни и те же объекты определялись понятиями "нация", "национальность", "народ", "народность", "раса", "племя" и т.п.

2. Шелгунов Н.В. Три народности. Русское слово, 1864, № 6, С. 146.

3. Пыпин А.Н. Вопрос о национальности и панславизм. Современник, 1864, № I, С. 200.

4. Г.Б. /Благосветлов Г.Е./ . Обзор современных событий. Русское слово, 1861, № 4, С. I.

5. Чернышевский Н.Г./ Политика. Современник, 1859, № 2, С. 350.
6. Там же, С. 346.
7. Г.Б. /Благосветлов Г.Е./ . Обзор современных событий. Русское слово, 1861, № 4, С. 2.
8. /Чернышевский Н.Г./ Рец. на кн.: "Песни разных народов". М., 1854. Современник, 1854, С. 2-3.
9. /Пыпин А.Н./ . Вопрос о национальности и панславизм. Современник, 1864, № 1. С. 185, 188-189.
10. Г.Б. /Благосветлов Г.Е./ . Обзор современных событий. Русское слово, 1861, № 4, С. 1, 2.
11. /Пыпин А.Н./ . Вопрос о национальности и панславизм. Современник, 1864, № 1, С. 199-200, 211.
12. /Чернышевский Н.Г./ . Предисловие к нынешним австрийским делам. Современник, 1861, № 2, С. 586-589; Он же. Национальная бестактность. Современник, 1861, № 7, С. 5-6.
13. Жуковский Ю.Г. О народности в политике. Современник, 1863, № 1/2, С. 233, 234; Пыпин А.Н. Вопрос о национальности и панславизм. Современник, 1864, № 1, С. 191; Ватсон Э.К. Австрия после 1859 года. Современник, 1866, № 5, с. 8; Г.Б. /Благосветлов Г.Е./ . Обзор современных событий. Русское слово, 1861, № 4, С. 3.
14. Скабичевский А. Наши грядущие бисмарки. Отечественные записки, 1873, № 11, С. 221-224.
15. Вопрос о национальностях в Австрии и политика Бейста. Отечественные записки, 1871, № 6, С. 365.
16. Там же, С. 364, 366; Скабичевский А. Наши грядущие бисмарки. Отечественные записки, 1873, № 11, С. 213.
17. Вопрос о национальностях в Австрии и политика Бейста. Отечественные записки, 1871, № 6, С. 395; Письма о войне. Отечественные записки, 1877, № 9, С. 147; Боборыкин П. На славянском распутье. Отечественные записки, 1878, № 7, С. 20-21; Новые книги. Отечественные записки, 1879, № 5, С. 97; Как Лефрень. Политическая и общественная хроника. Дело, 1868, № 5, С. 162, 179; Триго М. Политическая и общественная хроника. Дело, 1876, № 8; С. 138-139; Жика. Хорваты и Австро-Венгрия. Дело, 1883, № 10, С. 93.
18. Как Лефрень. Политическая и общественная хроника. Дело, 1868, № 7, С. 82; Триго М. Политическая и общественная хроника. Дело, 1876, № 8, С. 146.
19. Как Лефрень. Политическая и общественная хроника. Дело, 1868, № 4, С. 195; Триго М. Политическая и общественная хроника. Дело, 1875, № 12, С. 480.
20. Ис/полат/ов В.Н. Борьба рас в империи Габсбургов. Слово, 1878, № 8, С. 72.
21. Австрия. Отечественные записки, 1871, № 4, С. 347, 349; Вопрос о национальностях в Австрии и политика Бейста. Отечественные записки, 1871, № 6, С. 364; Скабичевский А. Наши грядущие бисмарки. Отечественные записки, 1873, № 12, С. 530; Жан Лефрень. Политическая и общественная хроника. Дело, 1868, № 5, С. 176, 179; Он же. Политическая и общест-

- венная хроника. Дело, 1868, № 5, С. 176, 179; Он же. Политическая и общественная хроника. Дело, 1868, № 8, С. 86; /Б.в./ Политическая и общественная хроника. Дело, 1871, № 10, С. 59; Триго М. Политическая и общественная хроника. Дело, 1875, № 12, С. 479-480; Он же. Политическая и общественная хроника. Дело, 1877, № 4, С. 205.
22. /Б.в./ Политическая и общественная хроника. Дело, 1871, № 10, С. 54-55; Вопрос о национальностях в Австрии и политика Бейста. Отечественные записки, 1871, № 6, С. 395, 406.
23. Триго М. Политическая и общественная хроника. Дело, 1875, № 12, С. 479-480.
24. Н.Ш. Внутреннее обозрение. Дело, 1876, № 10, С. 419; С.К-о /Кривенко С.Н./ Г-н Костомаров об исторической задаче. Отечественные записки, 1878, № 4, С. 250.
25. Вопрос о национальностях в Австрии и политика Бейста. Отечественные записки, 1871, № 6, С. 366.
26. Турист. Литературно-общественные партии в Галиции. Дело, 1881, № 9, С. 114.
27. Триго М. Политическая и общественная хроника. Дело, 1876, № 8, С. 134.
28. П.Т. /Ткачев П.Н./ Новые книги. Дело, 1868, № 7, С. 26; /Б.в./ Новые книги. Дело, 1875, № 12, С. 420; Мизантропов Н. Калейдоскоп. Дело, 1878, № 1, С. 112; Протопопов М.А. Скобелев. - Дело, 1882, № 10, С. 30.
29. Янка. Хорваты и Австро-Венгрия. Дело, 1883, № 10, С. 82.

П.Г.Усенко

К вопросу об интернационализме революционных демократов 60-х годов XIX в.

Для изучения истории революционно-демократического движения середина XIX века методологически важным является вопрос об интернационализме его участников. Такой интернационализм типологически и хронологически близок пролетарскому. Речь идет об интернациональной солидарности в революционной борьбе, что проявлялось в идеологии и политике на основе общих представлений революционеров-демократов и пролетарских революционеров о единых причинах угнетенного положения трудящихся масс разных народов и о необходимости их сплочения в борьбе за достижение социальной справедливости для каждой нации и каждой личности, за обеспечение свободного развития всех.

Отправной точкой интернационалистического сознания революционных демократов был патриотизм, осознание классовых и национальных интересов в контексте общечеловеческих ценностей. Революционно-демократические деятели /среди них и молодые Карл Маркс и Фридрих Энгельс/ обратили внимание на международное значение тех или иных освободительных движений, на взаимозависимость решения социальных и национальных вопросов в сложившихся к тому времени условиях.

Капитализм, шедший тогда на смену феодализму, по своей природе являлся как "национализирующим", имеющим тенденцию создания национальных государств, так и "интернационализирующим", определяющим общность судьбы человечества. Интернациональной силе капитала противостояла не только международная пролетарская солидарность. Закономерно также, что буржуазное развитие встречало противодействие со стороны реакционных сил - и в национальных рамках, и в международном масштабе со стороны союза абсолютистских монархий, против которого, в свою очередь, были направлены усилия революционеров разных стран. К тому же целый ряд государственных образований той эпохи - Российская, Австрийская, Британская, Османская империи, Прусское и Шведское королевства - имели многонациональный состав. Узел противоречий в Европе настолько интернационализировался, что ни одно национальное движение не могло не играть международной роли: его значение во многом зависело от того, какое интернациональное звено - прогрессивное или реакционное - укреплялось или ослаблялось в результате его развития.

Показательно, что хотя в целом интернационализм революционеров-демократов противоположен национализму, в частности, шляхетскому, но в конкретных условиях противостояние общему врагу, например, в условиях национального гнета со стороны самодержавно-крепостнического строя, происходило союзническое сближение позиций, если это был национализм угнетенной нации. Как представляется, такой аспект имел в виду и В. И. Ленин, указывая на "позицию польского

шляхтича-повстанца 1863-го года - позицию всероссийского демократа-революционера Чернышевского, который тоже /подобно Марксу/ умел оценить значение польского движения/1.

Хотя в статье анализируется преимущественно позиция российских революционеров-демократов, само явление революционно-демократического интернационализма, естественно, не ограничивается рамками одного государственного образования. Идейное единство и сотрудничество русских, украинских и польских революционеров-демократов в середине XIX в. - яркое проявление интернационалистской тенденции в освободительном движении России. Ее рассмотрение позволяет проследить общие закономерности сближения передовых представителей трех крупнейших славянских народов, показать на конкретных примерах интернационализм Н.Г.Чернышевского, Т.Г.Шевченко, Зигмунта Сераковского и их соратников.

Социально-экономические процессы, происходившие в эпоху перехода от феодализма к капитализму на русских, украинских и польских землях Российской империи в целом характеризовались общей тенденцией разложения старого и зарождения нового способа производства. Перед тремя крупнейшими славянскими народами встала единая историческая задача уничтожения тормозившего общественное развитие самодержавно-крепостнического строя, что явилось важнейшей предпосылкой русско-украинско-польских революционных связей.

До начала XIX в. совместные антиправительственные выступления русских, украинцев и поляков оставались стихийными, однако в них уже тогда наметился социальный мотив, который в дальнейшем определил магистральную линию сотрудничества прогрессивных сил России, Украины и Польши: пленные солдаты царской армии, переходя в 1794 г. на сторону Тадеуша Костюшко, объясняли свое решение тем, что на родине их жестоко угнетали господа².

Попытку выработать общую платформу объединения усилий предприняли дворянские революционеры - декабристы из широкого общества и члены польского Патриотического общества. Их переговоры, приведшие к предварительному соглаше-

ний о совместном вооруженном выступлении, также, как и создание декабристского Общества соединенных славян с участием в нем русских, украинцев и поляков, дают основание считать, что уже в 20-х гг. XIX в. происходило сближение представителей разных народов в борьбе против самодержавия, хотя потребность межнационального сотрудничества не была осознана дворянскими /шляхетскими/ революционерами даже в таких близких по типу организациях как Южное и Патриотическое общества: уславливаясь о совместных действиях против одного врага — царизма, они видели друг в друге лишь временных союзников, поскольку, в конечном счете, ставили перед собой различные цели.

В дальнейшем, несмотря на трудности, связанные с политической незрелостью масс и разжиганием господствующими классами межнациональной вражды, установление русско-украинско-польских революционных связей стало необратимым процессом, получившим качественно новое содержание, когда в освободительном движении более отчетливо проявилась антифеодалная, демократическая направленность, когда те, кто шел от дворянской революционности к революционной демократии, выступили не только против самодержавия, но и в целом против господства русских, украинских и польских помещиков. Так, Петр Сцеженный — руководитель возникшей в начале 1840-х гг. в Польше тайной организации "Всевластие славян", призывая трудящихся из разных стран к объединению, обратил внимание на их одинаково угнетенное положение. "Крестьянин из Жмуди, крестьянин из Литвы, украинский, польский, русский, немецкий крестьянин и крестьянин из Франции, — говорил он, — это все тот же крестьянин: он везде несчастен, везде крестьянина гнетут одни и те же беды... Пускай крестьяне, мещане, солдаты одной страны держатся вместе с крестьянами других стран... Не будем слушаться царей, королей, господ, тогда наша беда кончится"3.

Всемирный крестьянский союз являлся утопией, но представление о нем отвечало реальной борьбе за освобождение

от самодержавно-крепостнических пут. Такое понимание общности социального положения и коренных интересов трудящихся разных национальностей, соединенное с призывом к их международной солидарности, было альтернативой шляхетскому /дворянскому/ национализму.

На Украине глашатаем революционно-демократического интернационализма являлся Т.Г.Шевченко, утверждавший, что национальные отношения не должны определяться какими бы то ни было проявлениями вражды в прошлом. "Пусть видят сыновья и внуки, что отцы их ошибались, пускай братаются снова со своими врагами. Пусть житом, пшеницей, как золотом, покрыта, неразмежованой останется навеки от моря и до моря - славянская земля"⁴, - такой представлял он тогда перспективу грядущего революционного сотрудничества. "Симпатия к мужикам, к обиженным и ободренным обязывала его поставить дело просто на общечеловеческое положение, поднимать протест не с положения исключительного украинства, а с положения оскорбленного человечества", - заметил И.Я.Франко⁵. Сильное влияние революционных идей Шевченко испытало в середине 40-х гг. XIX в. созданное в Киеве Кирилло-Мефодиевское общество. Подготовленное здесь обращение к русскому и польскому народам выражало готовность украинцев пролить свою кровь за их свободу, за "славянский союз, всеобщее равенство, братство и мир"⁶.

В аспекте решающего значения социальных противоречий обосновывал необходимость межнационального сотрудничества И.Г.Чернишевский. Рассматривая в 1857 г. исторический труд Н.И.Костомарова о Богдане Хмельницком, он видел в национальных и религиозных узлах украинско-польских отношений XVII в. причины, которые "действительно существовали, действительно способствовали усилению распрей", но при этом доказывал, что имелась и "другая причина, еще более сильная, единственная коренная причина всех казацких войн: это стремление польских панов к ниспровержению гражданского устройства Малороссии, стремление их отнять гражданские права у населения Южной Руси". Именно в связи

с этим была им отмечена закономерность интернациональной солидарности угнетенных классов: "Имея в виду это обстоятельство, легко понять, почему казаки, с одной стороны, часто рассчитывали на сочувствие польского населения к своему делу, с другой стороны, встречали себе многих врагов между своими единоплеменниками и единоверцами"⁷.

Еще в 1848 г. в басне "На рожь нескатуу в ноци..." Шевченко подводил читателей к выводу, что без главного героя - мужика, не удовлетворяя крестьянские интересы, нельзя добиться успеха в освободительной борьбе. Чернышевским этот вывод дан в развернутой форме: "Итальянские люди, желающие реформ и свободы, знайте, что достигнуть ваших целей, победить реакцию и обскурантизм вы можете только усвоив себе стремления массы ваших бедных темных соотечественников поселян и городских простолюдинов. Или примите в ваши программы аграрные перевороты, или вперед знайте, что вы обречены на гибель от реакции".

Мысль о близости интересов крестьян разных национальностей и их противоположности интересам как "чужих", так и "своих" помещиков прослеживается во многих работах Чернышевского, а наиболее четко - в его статье "Национальная бестактность", написанной с прямыми ссылками на мнение Т.Г.Шевченко как своего единомышленника: "Малорусский пан и польский пан стоят на одной стороне, имеют одни и те же интересы; малорусский поселянин и польский поселянин имеют совершенно одинаковую судьбу; если была она дурна прежде, она была для обоих одинаково дурна; на сколько становится или станет она лучше для одного из них, ровно на столько же и для другого"⁸. Идею сближения русских, украинских и польских революционеров-демократов соответствовало тождеству выражавшихся ими коренных интересов трудящихся масс России, Украины и Польши.

По мере назревания на рубеже 50-60-х гг. XIX в. революционной ситуации, ознаменовавшей острый кризис феодализма в Российской империи, главным очагом единения передовых представителей разных народов становился петербургский ре-

волюционно-пропагандистский центр, сложившийся под руководством Чернышевского как интернациональный и по составу, и по стремлению решать социальные вопросы в интересах крестьян, независимо от их национальной принадлежности. Здесь не только теоретически, но и практически было доказано, что "связь по принадлежности к одной и той же партии гораздо крепче, нежели связь по национальности". Политическая программа "партии Чернышевского", отраженная в ее легальном печатном органе - журнале "Современник", заключалась, прежде всего в свержении власти помещиков и в уничтожении их землевладения. Н.Г.Чернышевский прямо указывал на крепостничество как на основную причину народных бед: "Много говорили мы о наших недостатках и множество всевозможных недостатков находили в себе, но общий главнейший источник всех их - крепостное право..."⁹

В.И.Ленин называл Н.Г.Чернышевского "всероссийским демократом-революционером" и в целом петербургский центр был общероссийским. В частности, проявлением русско-украинско-польских революционных связей стало в нем сотрудничество Н.Г.Чернышевского, Т.Г.Шевченко и их польского соратника Зыгмунта Сераковского. Поняв взаимообусловленность решения первоочередных социальных и национальных проблем, они объединились против самодержавия на единых идейных позициях. Речь идет не об абсолютной идентичности мировоззрений, но сфера совпадения общественно-политических взглядов оказалась достаточной для дальнейшего сближения, взаимодействия, взаимовлияния.

Знакомство Т.Г.Шевченко и Зыгмунта Сераковского, восходящее к длительному периоду их оренбургской ссылки с конца 1840-х до второй половины 1850-х годов, оказала решающее влияние на формирование мировоззрения молодого польского революционера. В самом факте репрессий, которым тогда подвергались одновременно и русские и украинцы, проявлялась общность судеб угнетенных царизмом народов. Во многом благодаря восприятию революционно-демократических идей великого украинского поэта Сераковский утвердился в

своем решении посвятить жизнь борьбе за интересы народных масс, что после освобождения из ссылки летом 1856 г. привело его в Петербург, в лагерь общероссийской революционной демократии, в редакцию ее органа-журнала "Современник".

Быть в северной столице означало для З.Сераковского возможность не только непосредственного сотрудничества с петербургскими революционерами-демократами, но и активного налаживания революционных связей с различными регионами Российской империи, молодежь которых была представлена в столичных учебных заведениях: вообще в Петербурге проживало немало поляков и украинцев. С мыслью о сплочении революционеров России, Украины и Польши один из "соизгнанников оренбургских" входил в круг сотрудников "Современника". Такой факт его биографии как 8-летнее пребывание в политической ссылке являлся вполне убедительной рекомендацией для редакции, и с осени того же 1856 года он начал вести в журнале раздел "Заграничные известия".

Материалы, опубликованные Зыгмунтом Сераковским в "Современнике", ставили актуальные вопросы не только /а часто - и не столько/ международной жизни. Уже в первых его "Заграничных известиях" шла речь о самой насущной потребности, удовлетворение которой, по мнению автора, соответствовало бы "стремлениям и духу народа"¹⁰. Описание зарубежных событий использовалось как форма для подцензурного рассмотрения внутривосточных проблем.

В частности, Сераковский неоднократно обращался к фактам американской истории, называя великими и славными основателей Соединенных Штатов, являвшихся для него символами революции и демократических свобод. Его мысли оставались созвучны освободительным идеям Т.Г.Шевченко, написавшего: "Когда и мы дождемся Вашингтона...", однако внимание к заокеанской республике отнюдь не означало апологию рабства в южных штатах, обличая которое революционеры-демократы обличали крепостничество в России.

В бесцензурных стихотворениях Т.Г.Шевченко крепостное право прямо называлось неволей, а крепостные крестьяне -

рабами. Это же имели ввиду авторы подцензурного "Современника", говоря о крепостном праве как о рабстве, созданным ими своеобразным эзоповским языком. Их характеристика Америки имела непосредственное отношение к Российской империи: "Коренное зло в Соединенных Штатах — невольничество" ¹¹ /Н.Г.Чернышевский/, "В настоящее время вопрос о невольничестве в Северной Америке — самый важный и не терпящий отлагательства. Если бы даже удалось отбросить его на время, он возродился бы с новой силой, угрожая непрерывными волнениями и смутами, доколе не будет решен окончательно" ¹² /З.Сераковский/. Революционеров-демократов одушевляла вера в то, что падение рабства в России приведет к раскрепощению творческой энергии народных масс, к общему благосостоянию.

Сотрудничая в "Современнике", Зигмунт Сераковский одновременно большое внимание уделял борьбе за свободу ссыльного Т.Г.Шевченко, что не могло не отразиться на страницах журнала. В мае 1857 г., после того как Александр II наконец решил освободить украинского поэта от солдатчины, в "Заграничных известиях" Сераковского появились следующие строки: "Преследования, темницы, эшафоты, костры не могли подавить человеческого духа. Бывали времена, когда палач брал верх /например, в Испании, в Италии/, но победа всегда оставалась неполной и бесплодной. Был всегда уголок в мире, где угнетенная совесть восставала, где она провозглашала права свои у подножья эшафота. Преследования никогда не поддержат отжившего порядка. Римские императоры и проконсулы свирепствовали, — христианство торжествовало. И потому не парадокс, не пустая фраза, но исторический вывод: в сущности... преследования остаются бессильными и способствуют даже торжеству гонимых идей" ¹³.

Интересно, что такой прием аллюзии, намек на известные обстоятельства характерен не только для "Современника" Шевченко. Возвращаясь из ссылки, он создал поэму "Неофиты", где за Римской империей виделась Российская: поэт-революционер давал в такой форме художественное освеще-

ние и осмысление современной ему действительности.

По пути в Петербург 27 августа 1857 г. Т.Г.Шевченко сделал в своем "Дневнике" ныне широко известную запись о великом значении развития паровой техники: "Великий Фултон! И великий Ватт! Ваше молодое, не по дням, а по часам растущее дитя в скором времени пожрет кнуты, престолы и короны, а дипломатами и помещиками только закусит, побалует, как школьник леденцом. То, что начали во Франции энциклопедисты, то довершит на всей нашей планете ваше колоссальное гениальное дитя. Мое пророчество несомненно"¹⁴. Знаменательно, насколько эти строки близки суждениям, высказанным в майском номере "Современника" за тот же год Чернышевским: "...Развитие экономического движения, заметным образом начинающееся у нас пробуждением духа торговой и промышленной предприимчивости, построением железных дорог, учреждением кампаний пароходства и т.д., необходимо изменит наш экономический быт, до сих пор довольствовавшийся простыми формами и средствами старины. Волею или неволею мы должны будем в материальном быте жить, как живут другие цивилизованные народы"¹⁵. Аналогичную мысль высказал Сераковский: "Петр Великий прорубил окно в Европу. Через десять лет железные дороги соединят нас более с Европою, тогда будут открыты и двери настезь"¹⁶. Эти идеи были созвучны точке зрения Ф.Энгельса, отраженной в статье "Начало конца Австрии", где речь идет о том, "как Меттерниха и всю династию Габсбургов сокрушают колеса паровой машины, как австрийская монархия разрезается на куски ее собственными локомотивами"¹⁷. Революционеры-демократы не имели целостной системы материалистических взглядов, но высказанные ими мысли свидетельствуют об их подходе к материальным условиям жизни как к определяющим общественное развитие.

В 1857-1858 годах Э.Сераковский вместе с русскими друзьями Великого Кобзаря, с влиятельным в правительственных кругах вице-президентом Академии художеств Ф.П.Толстым и его женой А.И.Толстой, добивался, чтобы Т.Г.Шевченко было

разрешено жить в Петербурге. В это же время прапорщик Сераковский с теплым пожеланием "самого блестящего успеха", выраженным украинским поэтом-революционером¹⁸, поступил в Академию генерального штаба, где перед ним, а через него и перед всей "партией Чернышевского", открывались новые перспективы революционно-демократической пропаганды. Царская армия, хоть и использовалась правительством как орудие насилия, занимала особое положение в общественно-политической борьбе середины XIX в. Несмотря на то, что войско, выполняя охранительные функции, являлось силой, враждебной русскому, украинскому, польскому и другим народам, солдаты — те же русские, украинцы, поляки — сами страдали от жестокости и притеснения начальства. Внутреннее положение в армии, построенной, как и весь государственный механизм, на самодержавно-крепостнических основаниях, соответствовало экономическому и политическому положению в стране. Военная служба освобождала крестьян от крепостной зависимости, однако, надев солдатскую форму, они попадали в новую кабалу — полную зависимость от царских офицеров, считавших "нижние чины" низшими существами.

Размышлению о горькой судьбе солдата уделено заметное место в "Дневнике" Т.Г.Шевченко. Здесь военная муштра была разоблачена как "средство убивать одновременно тысячу себе подобных". Дневниковая запись от 14 июля 1857 г. почти целиком посвящена армейскому быту: речь идет о солдатах как о "самом бедном, самом жалком сословии", у которого "отнято все, чем только жизнь красна: семейство, родина, свобода, одним словом все", и об офицерах, "которым отдано все, все человеческие права и привилегии"¹⁹.

Как раз в это время в Петербурге поднимался вопрос об издании нового журнала "Военный сборник", на страницах которого революционные демократы предполагали освещать вопросы, подобные затронутым Шевченко. Одним из инициаторов издания "Военного сборника" был З.Сераковский. Обучаясь в Военной академии, он стал доверенным лицом петербургского революционно-пропагандистского центра по работе в армии

и не без его участия Н.Г.Чернышевский в 1858 г. решил редактировать "Военный сборник" /то что Сераковский стремился привлечь тогда его внимание к армейским проблемам свидетельствовал своим романом "Пролог" сам Чернышевский./

Как единомышленник Чернышевского и Шевченко, Зыгмунт Сераковский использовал свою военную службу для дальнейшего укрепления сотрудничества русских, украинцев и поляков в освободительном движении. Под его руководством в Военной академии и Генштабе возникла крупная революционная организация, впоследствии получившая название "Кружок Сераковского-Домбровского". Она была тесно связана как с польскими, так и с русскими и украинскими революционерами: с варшавским Центральным Национальным Комитетом, куда вошел ряд ее членов, с петербургским комитетом "Земля и воля", основателем которого также был Сераковский²⁰, с Комитетом русских офицеров в Польше, где одним из руководителей был украинец А.А.Потебня, испытывавший влияние петербургского революционно-пропагандистского центра в 1858-1859 гг. во время обучения в Царскосельской офицерской стрелковой школе и введенный в "Землю и волю" самим Чернышевским²¹. В 1863 г. Потебня, как и целый ряд русских офицеров, принял участие в польском восстании, не скрывая того, что он "был патриотом малорусским, а с польским движением объединился, потому что в программе его Центрального Комитета видел гарантию свободы и для всей родины"²².

Палочная дисциплина с применением шпицрутенов и розг, существовавшая в царской армии, заставляла солдат, недавних крепостных, подавлять крестьянские бунты, любые антиправительственные выступления. В этих условиях важное значение приобретало уничтожение крепостнической системы наказания и устрашения в армии, в борьбе за которую выдающуюся роль сыграл Зыгмунт Сераковский, поддержанный своими русскими и украинскими соратниками. Ему, а не князю Н.А.Орлову и не Александру П, как утверждалось в буржуазной историографии, принадлежит инициатива официальной по-

становки вопроса о ликвидации крепостнической системы наказаний в Российской империи и Царстве Польском"²³. Несомненно единодушные в этом вопросе русских, украинских и польских революционеров-демократов Н.Г.Чернышевский называл телесное наказание "противным здравому смыслу", а у Т.Г.Шевченко в серии рисунков "Притча о блудном сыне", клеймящей социальный строй царской России, есть на эту тему работа "Наказание шпицрутенами".

28 марта 1858 г., уже на второй день после возвращения в Петербург, Т.Г.Шевченко встретился с З.Сераковским, который затем способствовал его дальнейшему сближению с петербургским революционно-пропагандистским центром, с Н.Г.Чернышевским. Публикация произведений украинского поэта в "Современнике" началась с октябрьского номера за 1858 г. стихотворением "Проходят дни, проходят ночи..." в переводе А.И.Плещеева. Позже, в 1860-1861 гг. были напечатаны поэмы "Работница" и "Тайдамаки". Популяризовалось не только поэтическое творчество Шевченко, но и его автобиография, полностью приведенная в рецензии Н.А.Добролюбова на издание "Кобзаря" 1860 г.

Эта пропагандистская деятельность способствовала сближению прогрессивных сил России, Украины и Польши на рубеже 50-60-х гг. XIX в. Творчество Великого Кобзаря, пронизанное жгучей ненавистью к крепостничеству и угнетению, ярко выражавшее чаяния закрепощенных крестьянских масс, производило огромное впечатление на революционеров-демократов разных национальностей. В Шевченко они видели не просто единомышленника, а того самого крестьянского революционера, на которого возлагали свои надежды, считая коренные интересы крестьян-подлинно национальными.

Если социальные отношения признавались революционерами-демократами главными, то это вовсе не означало недооценки ими национального фактора: национального гнета и межнациональных связей, национально-освободительной борьбы и интернациональной революционной солидарности.

"Дальнейшее необходимое развитие мысли о братстве

между людьми есть мысль о братстве между народами", — считал З.Сераковский, уверенный в том, что воплотить в жизнь эту идею можно будет на основе социальной справедливости. В относительно недалеком будущем ожидал он осуществления своих надежд: "союз народов германских, славянских и, наконец, общий европейский союз"²⁴.

Глубоко анализируя национальные движения и определяя их социальную значимость, революционные демократы близко подошли к раскрытию диалектики национального, классового и общечеловеческого. Им стала очевидной необходимость все-русского объединения революционных сил. Понимание того, что только мощный поток, вобравший различные прогрессивные социальные и национальные течения, способен смести феодально-самодержавные устои Российской империи, было одним из показателей политической зрелости революционеров-демократов.

Русско-украинско-польское революционное сближение получало развитие по мере того как русские и украинцы все больше осознавали значение польского национально-освободительного движения, а в последнем все заметнее проявлялась его социальная направленность, все сильнее становилось его левое, революционное крыло, представители которого впервые встали плечом к плечу с лучшими сыновьями России и Украины, разделив их взгляды. Идейнными связями, сотрудничеством и дружбой Н.Г.Чернышевского, Т.Г.Шевченко и Зигмунта Сераковского в середине XIX века обозначена ведущая, ключевая тенденция этого процесса: интернациональное единение революционеров в борьбе не только против общего врага, но и за общие идеалы.

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 297.

2. Очерки революционных связей народов России и Польши. М., 1976, с. 22.

3. Цит. по: Дьяков В.А. Идея межнационального сотрудничества в программах польских, русских и украинских революционеров 1840-х годов. Советское славяноведение, 1971, № 5, с. 49.

4. Шевченко Т.Г. Повне зібр. творів: В 6-ти т. Киев,

- 1963, т. I, с. 142.
5. Франко І.Я. Зібрання творів: В 50-ти т. Киев, 1980, т. 26, с. 140.
6. Былое, 1906, № 2, с. 68.
7. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. В 16-ти т. М., 1948, т. 4, с. 821-822.
8. Там же. Т. 6, с. 370; Т. 7, с. 792.
9. Там же, т. 7, с. 339, т. 5, с. 69.
10. Современник, 1856, № II, с. 149.
11. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч., т. 7, с. 920.
12. Современник, 1857, № 4, с. 67.
13. Там же, № 5, с. III.
14. Шевченко Т.Г. Повне зібр. творів: В 6-ти т., 1964, т. 5, с. 109. Киев.
15. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч., т. 4, с. 745.
16. Современник, 1857, № 5, с. 95.
17. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 4, с. 476.
18. Шевченко Т.Г. Повне зібр. творів. Т. 6, с. 152.
19. Там же, т. 5, с. 16, 21.
20. Wydawnictwo materiałow do historii powstania 1863-1864. Tom IV. Zeszyty I, II. Lwow, 1894 / Objasnij Bronisław Szwarce. Lwow, 1894. s. 49.
21. Слепцова М. Штурманн грядущей бури. Звенья. М.-Л., 1933, т. 2, с. 433-434.
22. Отдел рукописей Национального музея ПР /Краков/, д. № 6940, л. I об.
23. Центральный государственный военно-исторический архив СССР, ф. 801, оп. 99, д. 180, л. 120.
24. Современник, 1857, № 4, с. 324-326.

В.И.Косик

Судьба России и славянства в трудах Константина Леонтьева

Константину Леонтьеву при жизни не удалось обрести признания общества, стремительно продвигавшегося по пути того всеуравнивающего прогресса, который он ненавидел и боялся. Его поиск средств "спасения" России, славянства, а в конечном итоге и человечества от надвигавшейся революции с ее лозунгами свободы, равенства, братства был окружен молчанием общества, все больше проникавшегося идеями либерализма. В наше время взгляды Леонтьева представляют интерес в свете той полемики о прошлом и будущем России, национальном своеобразии и европейском влиянии, свободе и деспотизме.

Историография, посвященная Леонтьеву, в основном охватывает труды, вышедшие за рубежом. В дореволюционное время о Нем писали немногие, но среди них были известные всей России имена В.В.Розанова, П.Н.Милюкова, В.С.Соловьева, С.Булгакова¹. После революции интерес к историко-философским взглядам Леонтьева сохраняется в среде русской эмиграции. В Пекине, Харбине, Париже публикуется ряд исследований, среди которых выделяется монография Н.А.Бердьева². С конца 40-х гг. к трудам К.Леонтьева обратились исследователи на западе³.

У нас первое упоминание о Леонтьеве связано с публикацией в 1935 г. его автобиографии "Моя литературная судьба" с вступительной статьей Н.Мещерякова и комментариями С.Дурьлина. Взгляды Леонтьева отождествлялись Мещеряковым с философией и социологией фашизма⁴.

С конца 60-х гг. исследователи вновь обратились к идеям К.Леонтьева в связи с полемикой о славянофилах. В частности, в журнале "Вопросы философии" появляется статья А.Л.Янова "Славянофилы и Константин Леонтьев"⁵. Концепция К.Леонтьева после 60-летнего с лишним перерыва начинает освещаться и анализироваться в диссертационных работах⁶. Исследователи стараются разобрать его исторические, эτικο-философские, социологические, богословские воззрения. Однако пестрота, полнота оценок одного и того же явления, кажущаяся действительная категоричность его радикальных и оригинальных суждений затрудняет оценку. Сама судьба Леонтьева также полна неожиданными поворотами и резкими изменениями.

Так кто же был Леонтьев? Ответ на вопрос надо начать с его биографии. Он родился 13 января 1831 г. в отцовском имени селе Кудинове, Мещовского уезда, Калужской губернии. Свою учебу начал в кадетском корпусе, а завершил на медицинском факультете Московского университета, откуда досрочно /в 1854 г./ был выпущен для участия в Крымской войне. Врачебную деятельность после завершения кампании он меняет в 1863 г. на дипломатическую работу секретаря

консульства на Крите. Начало своей службы он "отметил" ударом хлыста французскому консулу, позволившему себе дурно отозваться о России, а закончил ее через десять лет вследствие разногласий с посланником в Константинополе И.И.Игнатьевым по греко-болгарскому церковному вопросу.

Во внесении политики в вопросы внутренней жизни церкви, в усилении национальных и демократических настроений в славянстве Леонтьев видел угрозу самобытности славянских народов.

Свой взгляд, свою теорию спасения славянства он излагает в основной работе "Византизм и славянство", обдуманной им во время тяжелой болезни. По выздоровлении и последующего ухода в отставку он возвращается в Россию, надеясь обеспечить себя литературным творчеством. Однако выбиться в "литературные генералы" ему не удалось. Он помещик в своем селе, послушник Николо-Угрешского монастыря близ Москвы, помощник редактора газеты "Варшавский дневник", с 1881 года по 1887 — цензор Московского цензурного комитета. По выходе в отставку селится в Оптиной пустыни "полу-помещиком, полу-монахом". 1891 г. принимает тайный постриг под именем Климента. В августе того же года переезжает в Сергиев Посад, где 12 ноября умирает. Слава одного из крупнейших мыслителей России пришла к нему лишь после его кончины.

В.В.Розанов писал о нем: "Западники отталкивают его с отвращением, славянофилы страшатся принять его в свой ряды — положение единственное, оригинальное, указывающее самую необычность свою на крупный самобытный ум; на великую силу, место которой в литературе и истории нашей не определено"⁷.

В определенной степени ответ на этот вопрос надо искать в эстетических взглядах Леонтьева, согласно которым красота мира с его разнообразием уничтожается по мере всеобъемлющего охвата прогрессом как личности, так и самого общества.

Противник демократизации и либерализации общества

а ля Прудон, страстный защитник своеобразия путей развития каждой нации и культуры, Леонтьев вырабатывает свою теорию. Суть ее состояла в следующем: любое общество в своей истории проходит три этапа - эпической простоты и патриархальности, сложного цветения, вторичного смешивания или упрощения с последующим разложением и гибелью⁸. Правомочность этой теории он доказывает на истории цивилизации, обращая особое внимание на Россию и славянские страны перед надвигавшейся угрозой с Запада, вступающего в третий и последний период. Безусловно, здесь можно было бы заметить, что сама эпоха цветущей сложности содержит в себе разложение пластов культуры и начатки будущего упадка, если бы не было брошенной им вскользь мысли о том, что "Страдания сопровождают одинаково и процесс роста и развития, и процесс разложения. Все болит у древа жизни людской... Болят одинаково, эгалитарный быстрый процесс гниения и процесс медленного высыхания, застоя, нередко предшествующий эгалитарному процессу"⁹.

Судьбы России и славянства освещаются во многих работах Леонтьева, где первостепенное значение имеет уже названный труд "Византизм и славянство", опубликованный в 1875 г.

И спасение России - этого оплота славянства - он видел в следовании византизму, который в государстве есть самодержавие, в религии - православное христианство, в нравственном смысле - антитеза идеи всеобщего равенства и всеобъемлющей свободы¹⁰. Именно этот византизм, как подчеркивал Леонтьев, сплотил и укрепил самодержавие и православие, спас Россию от раздробленности. "Под его знаменем, если мы будем ему верны, мы, конечно, - как отмечал он, - будем в силах выдержать натиск и целой интернациональной Европы, если бы она, разрушивши у себя все благородное, осмелилась когда-нибудь и нам предписать гниль и смрад своих новых законов о мелком земном всеблаженстве, о земной радикальной всепошлости!"¹¹.

Абсолютный родовой монархизм, освященный православием-

ем, укрепленный равнодушием народа к политическим, т.е. к конституционным вопросам — вот идеал Леонтьева! Следуя словам Христа "Царство мое не от мира сего"¹², он отказывается верить подобно многим своим современникам, как И.С. Аксаков и Ф.И. Тютчев¹³, в любые теории о всемирном и всеобщем благе, основанным на идее равенства: равенства лиц, сословий, наций, как экономического и умственного, так и равенства полов. В этом он видит все тот же грозный процесс уравнивания всего, разрушения культурного мира с его своеобразием.

В своей публицистике Леонтьев неоднократно называет имена своих оппонентов. Это — Пьер Прудон с его идеалом "среднего европейца" и Этьен Кабе с идеями "икарийского коммунизма". Леонтьев пытался поближе познакомиться с творениями К.Маркса как "последним словом" социализма, но был испуган их "серьезностью", к тому же на немецком языке. И поэтому, по его же выражению "оба тома стоят на полке... не читанные"¹⁴.

Полемизируя со своими оппонентами Леонтьев развивает идею государственности и соотношение прогресса и охранительства. По его мнению, развитие любого государства сопровождается обособлением "свойственной ему политической формы; падение же выражается расстройством этой формы, большей общностью с окружающим"¹⁵. Смена форм, начавшаяся в XVIII-XIX вв. вследствие эгалитарно-либерального процесса, по Леонтьеву, возможно и полезна для вселенной, но только не для длительного сохранения самих отдельно взятых государств. Рассматривая в современной ему ситуации реакцию и прогресс, Леонтьев приходит к знаменательному выводу, построенному на присущей этим явлениям внутренней изменчивости. Так, в начале третьего этапа, когда начинается смешение и большая подвижность в обществе, "в смысле государственного блага, все прогрессисты становятся неправы в теории, хотя и торжествуют на практике... Все охранители и друзья реакции правы, напротив, в теории, когда начнется процесс вторичного упростиельного смешения;

ибо они хотят лечить и укреплять организм... Они все-таки делают свой долг и, сколько могут, замедляют разложение, возвращая нацию, иногда насильственно, к культуре создавшей ее государственности. До дня цветения лучше быть парусом или паровым котлом; после этого невозвратного дня достойнее быть якорем или тормозом для народов, стремящихся вниз под крутую гору, стремящихся нередко наивно, добросовестно, при кликах торжества и с распущенными знаменами надежд"¹⁶. Диалектическая формула Константина Леонтьева придает совершенно иное значение и оттенок трагизма штампованным характеристикам этих явлений. Ни регресс или прогресс являются мерилем жизни, а эстетика с ее гармонией, где есть начало и антагонизма и солидарности - вот точка зрения Леонтьева. Позднее, он все же подчинит свою любимую эстетику требованиям христианства. Незадолго до своей смерти, уже приняв монашество, он писал В.В.Розанову из Оптиной Пустыни: "И христианская проповедь, и прогресс европейский совокупными усилиями стремятся убить эстетику жизни на земле, т.е. самую жизнь... Что же делать? Христианству должны мы помогать даже в ущерб любимой нами эстетики"¹⁷.

В условиях все большего распространения ходячих идей прогресса /гражданские свободы, народное благосостояние, развитие науки и техники и т.п./ с его ограниченностью в духовной сфере Константин Леонтьев видел спасение России только в твердом следовании принципам византизма. Лишь этот путь мог не только спасти Российскую империю от угрожавшей ей унификации, но и дать ей возможность выступить при определенных условиях спасительницей славянского мира, все больше переходившего к конституционализму. Как восклицает Леонтьев: "Не для того же русские орлы перелетали за Дунай и Балканы, чтобы сербы и болгары высидивали бы после на свободе куринные яйца мещанского европейства à la Вирхов, à la Кобден или Жюль Фавр"¹⁸.

В этой знаменательной фразе ясно видно все охранительство Леонтьева, прямо называвшего себя реакционером и

противником той эмансипации общества, где материальное берет верх над духовным, где индивидуум, отказываясь от прошлых идеалов, не обретает духовных ценностей в будущем. Он окончательно отходит от своих прежних воззрений об определенной правоте национальных движений. Леонтьев видит в них лишь скрытое революционное содержание — демократизацию внутри и ассимиляцию вовне, иными словами, гибель национальной культуры. Рассматривая современное ему состояние славянства, Леонтьев приходит к выводу о том, что "есть славянство, но что славизма, как культурного здания, или нет уже, или еще нет, или славизм погуб навсегда, растаял, вследствие первобытной простоты и слабости своей, под союкупными действиями католичества, византизма, германизма, ислама, мадьяров, Италии и т.п., или, напротив того, славизм еще не сказал еще своего слова и таится, как огонь под пеплом" — во всяком случае, как резюмировал Леонтьев, славянам в выработке этого культурного славизма нужна сила, которая имеется только у России¹⁹.

Безусловно, в леонтьевском понимании славизм представит как некая духовная "отвлеченная идея", объединяющая славянство. Причем в своей трактовке он точно подошел к идее славянской близости, отсекая от нее политический панславизм. Силу же России он видел прежде всего в сохранении ее духа византизма. Отсюда — византизм и явится залогом "всеславянской независимости" и "пособием самой Европе, против пожирающей ее медленной анархии. И таким образом для всего человечества"²⁰.

Говоря об историческом призвании России в славянском мире, Леонтьев со свойственной ему резкостью писал: "Не надо льстить славянам... надо..., если удастся, учить их даже, как людей отсталых по уму, несмотря на кажущуюся их прогрессивность и даже ученость некоторых из них. Ученость сама по себе, одна, еще не есть спасение, иногда она залог отупения"²¹. Предлагаемая им формула поведения не требует особых комментариев. В общем виде имелась

в виду политика "старшего брата" со стороны самодержавной Российской империи.

В то же время подобная политика не должна вести к слиянию "ручьев славянских" в "русском море". Пример с Польшей наглядно показывал всю бесполезность и вредность подобной идеи. По Леонтьеву, не соединения и слияния со славянами следует желать, а комбинаций на взаимовыгодной основе, искать "искусного тяготения на почтительном расстоянии"²². Здесь явно напрашивается сравнение высказываний Леонтьева с рассуждениями А.И. Пыпина в его работе "Панславизм в прошлом и настоящем". Если у Леонтьева объединение славянства возможно при сохранении Россией византийского духа и силы, то у Пыпина в слегка замаскированном виде проводится мысль о том, что оно может быть решено в утвердительном смысле "не иначе как после значительной внутренней работы России над самой собой, т.е. над теми условиями своего быта, которые могли бы сделаться чувствительными для славян, вступивших с нею в политическую связь"²³. Здесь ясно наблюдается вся противоречивость византизма Леонтьева и конституционализма Пыпина. Иными словами — полярность охранительства и прогресса.

По Леонтьеву, постоянно указывавшего на важность "отвлеченных начал", панславизм должен строиться не на принципе национальности, а на основе вероисповедания, так как только православная церковь является единственным охранительным началом в славизме /разрядка моя — В.К./ . Его выступления против национализма были продиктованы не враждой к оригинальным национальным началам, а неприятием той национальной политики, которая ведет в пропасть уравнительства. Здесь опять видна эстетика Леонтьева, без которой невозможно рассматривать его взгляды. И именно эстетика во многом объясняет его частую — действительную и мнимую — противоречивость оценок и суждений.

Свои последние надежды в борьбе с прудонизмом, с идеями 1789 г. Леонтьев возлагал на стабильность политического курса России, чье развитие не должно изменять кано-

ческой формуле "православие, самодержавие и народность". В свою очередь сохранение основ византизма связывалось им с завоеванием Константинополя. Именно с этим городом сплетались заветные мечты той части русского общества, которая видела Россию наследницей Византии. Эти мессианские настроения были великолепно отражены Федором Тютчевым в стихотворении с символическим названием "Русская география":

"Москва и град Петров, и Константинов град -
Вот царства русского заветные столицы..."²⁴

Захват Константинополя должен был явиться ключевым моментом для осуществления этой колоссальной гипотезы Леонтьева. Суть ее состояла не только в изгнании турок из Европы, не в эмансипации славян или формировании из них конфедерации, а в развитии своей собственной оригинальной славяно-азиатской цивилизации"²⁵

Таким образом, давняя идея о всемирно-историческом предназначении России обрела бы реальные очертания. Как писал Милюков, она была основана на гегельянском представлении о том, что всемирная история представляет собой развитие и обнаружение всемирного духа. В ряду народов, которые призваны быть выразителями всемирной идеи, "России и славянству принадлежит роль последнего и наиболее полного обнаружения всемирного духа"²⁶.

Поворотом к этой цивилизации, заложению фундамента нового культурно-государственного здания должно было явиться - после взятия Константинополя - формирование Восточно-православной политической, религиозной, культурной, но ни в коем случае не административной, конфедерации славянских стран. Именно эта конфедерация под гегемонией России должна была обеспечить "новое разнообразие в единстве, всеславянское цветение"²⁷, и соответственно стать оплотом против европеизма, его революционных идей. Захват Константинополя должен был спасти Россию от революции.

В разработке конкретных планов будущей войны за Константинополь Леонтьевым ставятся многочисленные проблемы,

связанные так или иначе с отстранением угрозы со стороны "космополитического радикализма" т.е. революционеров, а также с условиями осуществления идеального славизма. Безусловно, его мысли о России, славянстве, Константинополе нельзя воспринимать с узко-утилитарных позиций как определение задач практической политики. Здесь важна сама постановка проблем, позволяющая оценить эстетические, исторические и философские взгляды Леонтьева.

Все большее распространение социалистических и либерально-демократических теорий внушало Леонтьеву и страх и надежду. Страх перед революцией как кровавой бойней, ждущей Россию. И надежду, что грядущая революция превратится в свою противоположность. Предрекая рождение новой культуры, он писал, что она "будет тяжела для многих, и замесят ее люди столь близкого уже XX века никак не на сахаре и розовой воде равномерной свободы и гуманности, а на чем-то ином, даже страшном для непривычных"²⁸. Развивая свою теорию спасения России, отсрочки ее гибели, Леонтьев пророчески указывал, что именно социализм, стоящий на государственно-экономической почве, будет торжествовать, "что теперь - крайняя революция, станет... охранением, орудием строгого принуждения, дисциплиной, отчасти даже и рабством". Подчеркивая, что социализм является феодализмом будущего, Константин Леонтьев стремился доказать, что если либерализм есть разрушение, то социализм может быть созиданием. "Но это, - по словам Леонтьева, - купится ценой долгой приостановки того безумного движения, которое охватило теперь /с XIX века/ разрушаемый эгалитарной свободой старый мир. Иначе /если социализм не будет в силах создать попеременным путем - и крови, и мирных реформ - новое неравенство прав и новую разнородность развития.../, иначе близится конец всему"²⁹. Именно эта приостановка могла задержать приближение апокалипсиса, в неизбежность которого верил Леонтьев.

Подводя итоги, надо сказать, что создавая новый собор Революции на крови, мы действительно осуществили мечту

Леонтьева, сорвав и похоронив идею о постановке России на западный путь развития. В 1917 году была осуществлена колоссальная заморозка страны. И сейчас наше общество стоит перед теми же проблемами, которые пытался разрешить Леонтьев, подчеркивавший, что "Тот народ наилучше служит и всемирной цивилизации, который свое национальное доводит до высших пределов развития; ибо одними и теми же идеями, как бы ни казались они современникам хорошими и спасительными, человечество постоянно жить не может"³⁰. Та духовность, которую проповедывал и защищал Константин Леонтьев, должна помочь нам в этом. И именно в ней — сила России.

1. Розанов В.В. Литературные очерки. СПб., 1899; Милюков П.И. Из истории русской интеллигенции. СПб., 1902; его же. Разложение славянофильства. Данилевский, Леонтьев. В.С. Соловьев. М., 1893; Соловьев В.С. Собрание сочинений. СПб., 1896, т. 10; Булгаков С. Тихие думы /из статей 1911-1915 гг./, М., 1918.

2. Зандер Л. Константин Леонтьев о прогрессе, Пекин, 1921; Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Paris, 1926; Миролюбов А.Н. Религиозное миросозерцание К.Леонтьева, Харбин, 1933.

3. Kologriwof J. Von Hellas zum Mönchtum Leben und Denkenk Leontiew's. Regensburg, 1948; Kurland J. The history and Destiny of Russia according to Konstantin Leont'ew. 1952; Gasparini E. Le previsioni di Constantino Leont'ev. Venezia. 1957; Ivanov A. K.N. Leontev (Il pensiero, l'uomo, il destino). Pisa, Pacini. 1973;

4. Мещеряков Г. У истоков современной реакции. Вступительная статья к публикации автобиографии Константина Леонтьева "Моя литературная судьба", Литературное Наследство. М., 1935, № 22-24, С. 432.

5. Янов А.Л. Славянофилы и Константин Леонтьев. Вопросы философии. М., 1969, № 8.

6. Янов А.Л. Славянофилы и Константин Леонтьев. Буржуазный миф о пророчестве Константина Леонтьева и русская консервативная мысль XIX в. / Автореф. канд. философ. наук. М., 1970; Авдеева Л.Р. Религиозно-консервативная социология К.Н.Леонтьева. — Автореф. канд. философ. наук, М., 1983.

7. Цит. по: Бердяев Н.А. Константин Леонтьев..., С.6.

8. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. Собр. соч., М., 1912, Т. 5, С. 187-209.

9. Там же, С. 202.

10. Там же, С. 113-114.

11. Там же, С. 137.
12. Евангелие от Иоанна. Гл. 18.
13. Аксаков И.С. Собрание сочинений. М., 1886, Т. 4, С. 192-195; Тютчев Ф.И. Россия и Революция. Русский архив М., 1873, Кн. I, С. 913-915.
14. К.Н.Леонтьев - К.А.Губастову, 4 апреля 1889 г., Оптина Пустынь. Русское обозрение, 1897, май, С. 404.
15. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. Собр. соч., Т. 5, С. 197.
16. Там же, С. 208.
17. Памяти Константина Николаевича Леонтьева. Литературный сборник. СПб., 1911, С. 124.
18. Леонтьев К.Н. Письма о восточных делах. Собр.соч., Т.5, С. 388.
19. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. Собр. соч., Т. 5, С. 168, 170.
20. Там же, С. 170.
21. Там же, С. 187.
22. Там же, С. 257.
23. Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. СПб, 1913, С. 55-56.
24. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Л., 1939, С. 81.
25. Леонтьев К.Н. Письма о восточных делах. Собр. соч., Т. 5, С. 420.
26. Милюков П.Н. Разложение славянофильства., С. 6.
27. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. Собр. соч., Т. 5, С. 255.
28. Леонтьев К.Н. Чем и как либерализм наш вреден? Собр. соч. Т. 7, С. 187.
29. Письма К.Н.Леонтьева - К.А.Губастову /за 1889 г./ Оптина пустынь, 15 марта, Русское обозрение, 1897, май. С. 2400-401.
30. Леонтьев К.Н. Грамотность и народность. Собр. соч., Т. 7, С. 45.

И.Г.Буркут

Формирование национального самосознания русинского населения Бачки и Срема /конец XIX - начало XX вв./

Вопросы истории русинского населения Бачки и Срема относятся к числу наименее изученных как в отечественном, так и в зарубежном славяноведении. Пожалуй, самым спорным из них продолжает оставаться вопрос о формировании национального самосознания у бачванско-сремских русин. Отдельные аспекты этого сложного вопроса освещались в работах киевского литературоведа А.В.Мишанича¹, им уделено внимание

югославянские исследователи русинского происхождения Я. Сабадош² и Ф. Лабош³. Введение в научный оборот новых материалов, предпринятое югославскими историками, позволяет углубить изучение вопроса, впервые поставленного еще на рубеже XIX—XX вв. выдающимся украинским этнографом В. Гнатюком⁴, а затем и основателем современной русинской литературы Г. Костельником⁵.

Особые трудности в изучении формирования национального самосознания у бачванско-сремских русин создает то обстоятельство, что этот процесс, начавшийся в XIX в., окончательно не завершён до сих пор. В среде потомков переселенцев из Закарпатья и Галиции, проживающих в Югославии, дискутируется проблема выбора национального имени: русин, украинец или же русин-украинец. Имея статус народности в СФРЮ, они пользуются весьма широкой культурно-национальной автономией, что создает условия для формирования собственной национальной интеллигенции. Однако относительная немногочисленность русинов и украинцев в Югославии /всего их проживает там около 40 тыс./ ограничивает возможности выдвижения из их среды высококвалифицированных исследователей, профессионально занимающихся изучением истории своей народности.

Историки же Советской Украины на протяжении длительного времени не уделяли должного внимания исследованию положения украинцев в зарубежных социалистических странах и вопросам их этнической истории. В настоящее время общественный интерес к этнической истории резко возрос и исследования в этой области приобрели особую актуальность.

Предлагаемая работа не ставит целью детально осветить все вопросы формирования национального самосознания у переселенцев из западноукраинских земель, осевших на территориях, которые затем вошли в состав Югославского государства. Несколько волн переселения, начиная с середины XVIII и до начала XX вв., имели каждая свою специфику, последствия чего ощущаются до сих пор. В настоящем исследовании внимание сконцентрировано в основном на проблеме зарождения и

развития национального самосознания у потомков первой волны переселения русинов из Закарпатья и Прешовщины.

Эта волна была вызвана заселением земель, отошедших империи Габсбургов по условиям Карловицкого мира 1699 г. и Пожаревацкого мира 1718 г. В 1745–1787 гг. на территорию Бачки переселились несколько тысяч русинов из девяти северных комитатов – Унг, Земплен, Абауй, Боршод, Сатмар, Берег, Угоча, Шарош и Марамарош. Они осели в селах Крстур, Куцура, затем в Джорджево, городе Нови Саде и некоторых других населенных пунктах. Из Крстура и Куцуры шло расселение в другие села и города Бачки, Срема и Славонии: Врбас, Уулу, Вуковар, Шид, Петровци, Миклушевци и т.д. В 1857 г. в районе Сомбора проживало около 2 400 русинов, а в Славонии и Военной Границе – от 18 до 20 тыс.

подавляющее большинство русинов-переселенцев составляли безземельные крестьяне, привлеченные в Бачку и Срем перспективами получения земли. Среди них было небольшое количество ремесленников – портных, бондарей и др. Кроме того, вместе с крестьянами переселилось несколько священников и учителей-дьяков.

В первой волне переселенцев численно преобладали греко-католики, но имелось также значительное число православных. Между ними развернулась борьба, победу в которой одержали униаты, на стороне которых выступали венгерские власти. К началу XIX в. практически все русины Бачки и Срема перешли в греко-католичество. Те же, кто сохранил православие, быстро ассимилировались с сербами.

Еще в период массового переселения русины получали от венгерских властей документы, в которых подверглись мадьяризации их фамилии: Балковские, например, были превращены в Макаи, Николаеви – в Миклошеви и т.п. Несмотря на многочисленные протесты русинов, подобная практика продолжалась и позднее. В результате к 90-м гг. XIX в. лишь около 1/5 бачванско-сремских русинов сохранили свои исконные фамилии.

Что касается языка, то переселенцы продолжали пользо-

ваться говорами, принесенными из Закарпатья. Их диалект испытал большое влияние польского, словацкого и венгерского языков, а в Бачке и Среме — еще и сербскохорватского языка. С течением времени он все больше отдалялся от украинского литературного языка.

Сохранению национальной самобытности бачванско-сремских русинов в первую очередь способствовало то, что они проживали компактно. Свообразным их культурным центром стало село Руски Крстур /русины называют его Руським Керестуром/, население которого почти исключительно было русинским. Еще с 1751 г. в селе постоянно действовала школа, преподавание в которой велось на церковнославянском языке с элементами местного говора. Наряду с религиозной литературой и учебниками, напечатанными в культурных центрах Закарпатья, русины принесли с собой и значительное количество рукописей — духовного и светского содержания, написанных староукраинским литературным языком. Духовные стихи, содержащиеся в этих рукописях, послужили образцом для создания новых поэтических произведений, созданных уже в Бачке и Среме. Впервые их научно описал и частично опубликовал В. Гнатюк в своей работе "Угрорусские духовные стихотворения", вышедшей во Львове в 1902 г. Большинство описанных текстов генетически связано с литературными произведениями ХУП—ХУШ вв., распространенными в карпатском регионе.

Материалы рукописных сборников, хранившихся в крестьянских семьях, неоднократно переписывались, часть произведений переводилась на бачванско-сремский диалект. На основе этих материалов составлялись новые сборники, песенники. Однако до конца XIX в. эти тексты не публиковались.

В Руски Крстур и Куцуру поступали печатные издания из культурных центров западноукраинских земель, выходившие как на "язычки", так и на украинском литературном языке. Со Львовом и некоторыми другими западноукраинскими городами существовали спорадические контакты, регулярные связи поддерживались с Прешовом и Ужгородом. В последнем обуча-

лись священники и учителя для русинских сел Бачки и Срема.

Поступление литературы позволило открыть в 1870 г. читальню в Руском Крстуре, а затем, в 1878 г., и в Куцуре. Туда поступали периодические издания — "Заря Галицкая" из Львова, "Буковина" из Черновцов, "Русская правда" из Вены, "Неделя" из Будапешта.

В 1890 г. в Ужгороде была опубликована книга "Русский соловей. Народная лира, или собрание народных песен на разных угрорусских наречиях", составленная учителем из Руского Крстура Михайлом Врабелем. В ней содержались в основном народные песни бачванско-сремских русинов, чем фактически были заложены основы фольклористики и литературы русинов Бачки и Срема. Этот сборник был замечен западноукраинской интеллигенцией, рецензию на него написал Иван Франко.

Именно благодаря публикации Врабеля о бачванско-сремских русинах узнала широкая общественность Галиции и Буковины, интерес к ним послужил побудительным фактором к изучению истории и этнографии русинского населения Бачки и Срема. Летом 1897 г. львовский этнограф В.Гнатюк посетил русинские села Бачки, Срема и Славонии, где собрал значительный фактический материал, не утративший своего научного значения до настоящего времени. Заслугой В.Гнатюка является то, что он впервые аргументированно доказал: бачванско-сремские русины по своему этническому происхождению являются восточными, а не западными славянами. В статьях "Руины Прешовской епархии и их говоры", "Словаки или русины?", "Является ли бачванский говор словацким?" приводились убедительные доказательства в пользу того, что относить русинов Бачки, Срема и Славонии к словакам нет никаких оснований. Идентификация бачванско-сремских русинов со словаками была характерна для словацкой историографии того времени /Ф.Пастернак и др./, а также русского дореволюционного славяноведения /акад. А.И.Соболевский/.

Формирование национального самосознания бачванско-сремских русинов проходило в весьма специфических условиях. Они проживали рядом с сербами, хорватами, венграми,

словаками, немцами, испытывая значительное культурное и языковое влияние со стороны соседей. По свидетельству источников, большинство русинов свободно владело венгерским и немецким языкам, знало сербскохорватский. Справедливости ради необходимо отметить, что в местах компактного проживания русинов их языком владели и живущие там люди других национальностей. Так, куцурский ремесленник И. Югик, русин по происхождению, писал в конце XIX в. в редакцию черновицкой газеты "Буковина": "В Коцуре /русинское название села Куцура - И.В./ живут теперь русины, немцы и венгры, все одинаково говорят по-русински".

Взаимные контакты были тесными и в экономической деятельности. Русины многое переняли у соседей в области агротехники, ремесел. Югославские исследователи отмечают значительное немецкое влияние на способы ведения хозяйства в русинских селах Бачки и Срема. Заимствования проникают и в русинский быт, в одежду, традиционную кухню.

Относительная оторванность от западноукраинских земель привела к тому, что влияние интенсивных культурных и языковых процессов, проходивших в Галиции и Буковине в конце XIX в., на аналогичные процессы у бачванско-сремских русин было ослабленным. Необходимо отметить, что социально-экономические, политические и культурные условия жизни отнюдь не благоприятствовали развитию национального самосознания русинского населения Бачки и Срема. Ассимиляционная политика властей резко ограничивала возможности развития русинской культуры, препятствовала расширению и углублению культурных связей бачванско-сремских русинов с западноукраинскими землями.

Национальное самосознание русинов Бачки и Срема, пробудившееся во время революции 1848 г., в последующие годы было направлено больше на консервацию традиционных национальных ценностей, чем на всестороннее развитие собственной культуры. Бережно сохраняя фольклор, крестьяне-русины до начала XX в. не имели ни достаточных сил, ни возможностей для создания новых духовных ценностей, отражающих

изменившийся уровень развития общества. Социальная структура русинского населения вплоть до начала XX в. по-прежнему характеризовалась подавляющим преобладанием крестьянства, в основном малоземельного и среднего.

Из 817 семей, проживавших в Руском Крстуре в 1895 г., лишь пять семей безусловно можно отнести к богатым — они владели земельными участками размером от 151 до 422 гектаров⁶. На противоположном полюсе социальной шкалы наблюдалась иная картина: безземельными во второй половине XIX в. были 13,72% всех русинов в Бачке⁷. Основную же массу крестьян-русинов составляли малоземельные и середняки.

Малочисленная и экономически слабая русинская буржуазия — сельская и торговая — не могла возглавить борьбу за национальные права. Рабочих, русинов по происхождению, до первой мировой войны было очень мало, особенно индустриальных рабочих, и те проживали в основном в местах, где отсутствовали компактные поселения русинов /за исключением Нови Сада/. Таким образом, носителем национального самосознания бачванско-сремских русинов на рубеже XIX—XX вв. выступало крестьянство и связанная с ним сельская интеллигенция. Для формирующегося национального самосознания русинов Бачки и Срема было характерным стремлением сохранить унаследованные от первых поселенцев живой народный язык, письменность, народную культуру, греко-католическую религию.

В их среде сохранялось старое этническое самоназвание — "русин" или "рунак". В ряде случаев употреблялся в качестве самоназвания и термин "русский" /в русинском написании — руски"/. При этом, как правило, сознавались этнические и тем более религиозные различия с великороссами. В официальных документах бачванско-сремских русинов называли "венгерскими русинами", "угро-россами", рутенами", "венграми греко-католического вероисповедания".

Политика мадьяризации, проводившаяся венгерскими властями, особенно усилилась в связи с празднованием 1000-летия венгерского государства в 1896 г. 6 мая 1896 г. власти запретили распространение в землях венгерской коро-

ны изданий львовской "Просвиты". К тому времени члены "Просвиты" уже были в Руском Крстуре, Куцуре, Старом Врбасе, Джорджеве, Петровцах. Искусственная изоляция бачванско-сремских русинов от национальных процессов в западноукраинских землях преследовала основную цель - ассимиляцию русинов с венграми. Эта же цель преследовалась и мадьяризацией школы. В 1898 г. почти все русинские церковно-приходские школы были превращены в государственные, где преподавание велось исключительно на венгерском языке.

Однако властям не удалось достичь ассимиляторских целей. Русины упорно сопротивлялись денационализаторской политике, сохраняя свои традиционные национальные ценности. Образную характеристику своих земляков дал М.Врабель в статье "Русин на долине бачванской", опубликованной в 1890 г. в редактированной им будапештской "Неделе" - еженедельнике для всех "венгерских русинов", издающемся на "язычии". "Свойственность их ест привязанность к своей религии, к родному языку, - писал М.Врабель, - Песни, которые давно исчезли из сердца и с уст подкарпатско-русских, тут на Долине Бачванской, отзываются; при наименьшем собрании не пропустит Бачванский русин, что бы такую воодушевительную песень не проспевал..." /в приведенной цитате сохранена орфография источника, только заменена "е"/.

Своеобразным русинским гимном оставалась патриотическая песня на слова А.Духновича "Я русин был, есмь и буду".

Сопротивление мадьяризации стимулировало рост национального самосознания русинов. Против ассимиляции с венграми выступали не только крестьяне, но и рядовые греко-католические священники. В Бачке, Среме и Славонии униатская церковь не смогла стать крупным землевладельцем и священники полностью зависели от пожертвований своих прихожан. Тесно связанные с крестьянством, они выступали в защиту национальных чувств русинского населения. О роли греко-католической церкви в сохранении национальной самобытности русинов говорит тот факт, что ассимиляционные процессы успешно проходили в тех селах, где не было униатских хра-

мов и священников. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что одной из основных целей Ужгородской церковной унии, заключенной в середине ХУП в., была мадьяризация русинского населения.

На рубеже XIX–XX вв. для бачванско-сремских русинов особую актуальность приобретает вопрос о родном языке. В 1904 г. в Жолкве /ныне город Нестеров Львовской области/ было опубликовано первое литературное произведение на их диалекте, поэма Гавриила Костельника "Из моего села", написанная говором села Руски Крстур. Этим было положено начало развитию нового литературного микроязыка, который имел большое значение в становлении национального самосознания русин Бачки и Срема.

В статье "Почему я стал украинцем?", написанной в 1935 г., Г.Костельник, в то время уже видный религиозный деятель и писатель, подчеркивал необходимость создания литературы на живом народном языке и резко выступал против попыток возродить "язычие". В борьбе "москвофилов" и "украинофилов" Костельник выступил на стороне последних. Отмечая историческую прогрессивность развития украинского литературного языка, он в то же время отмечал неизбежность для бачванско-сремских русинов создавать литературу на собственном диалекте. Г.Костельник приводил следующую аргументацию: "Украинский и русский языки созданы в большом море и могут жить чистыми только в нем, так же, как морская рыба может жить только в море, а в реке гибнет... Украинский и русский языки напоминают красивую новую одежду. В такой одежде можно пойти в церковь или на бал, но не работу, иначе она сразу же испачкается и изменится.

А наш говор был создан на границе трех славянских народов-украинского, словацкого и польского... Он напоминает рабочую одежду. Поэтому говор может сохранять свою чистоту и в чужом море – ничто ему не повредит. В этих обстоятельствах нашим людям легче всего писать на этом нашем говоре".

Значительная удаленность бачванско-сремского диалек-

та от украинского литературного языка была одной из причин, препятствовавших внедрению этнонима "украинец" в формирующееся национальное самосознание русинов Бачки, Срема и Славонии.

До первой мировой войны термин "украинец" практически не был известен среди бачванско-сремских русинов. Впервые с ним русины-крестьяне познакомились при контактах с новыми переселенцами из Галиции, которые в 1898—1913 гг. переезжали в Боснию. Некоторые из них попадали в Бачку и Срем в период полевых работ и там общались с потомками первых переселенцев из западноукраинских земель. Расширение этих контактов приходится на межвоенный период.

Важной вехой в становлении национального самосознания русинов Бачки и Срема явилось образование югославского государства. Распад Австро-Венгрии положил конец политике мадьяризации и создал предпосылки для ускорения культурного развития русинов. В то же время углубилась изоляция бачванско-сремских русинов от Галиции, Буковины и Закарпатья, оказавшихся в составе Польши, Румынии и Чехословакии. Отсутствовали у них и какие-либо контакты с Советской Украиной.

2 июля 1919 г. в Нови Саде состоялся съезд представителей всех русинских населенных пунктов Бачки, Срема и Славонии, куда прибыло 150 делегатов. На нем было создано Руськое /русинское - И.В./ народное просветительное общество. Съезд утвердил в качестве литературного "южнославянский русинский язык", а в качестве этнонима "южнославянский русинский народ". Выступая на съезде с докладом "О языке югославской русинской литературы", деятель культуры и просвещения бачванско-сремских русинов Михайло Мудры, объяснил такой выбор следующим. Поскольку разговорный русинский язык /"руска бешеда"/ удален от украинского литературного языка, которого русины не знают и которым быстро овладеть не могут, то остается единственный выход: положить в основу русинского литературного языка народный говор. "Если мы хотим иметь свой литературный язык, - го-

ворил М.Мудры, — то это не означает, что мы должны отречься от своих братьев на севере. Нет! Надо и тот язык изучать и знать".

Таким образом, русинское население Бачки, Срема и Славонии, осознавая свою национальную самобытность, признавало наличие общих этнических черт с украинским народом. Сохранение национальной самобытности бачванско-сремских русинов, их успешное противостояние попыткам ассимиляции было обусловлено рядом факторов. Важнейшими среди них, на наш взгляд, являлись следующие:

1/ компактность проживания русинского населения Бачки и Срема, преобладание в его среде крестьянства — хранителя народных традиций;

2/ наличие собственной греко-католической церкви, исполняющей в службе понятный народу язык и отличающейся как от римско-католической церкви у венгров, так и от Сербской православной церкви;

3/ длительное сохранение собственной школы и относительно высокий процент грамотных, знакомых с литературой на восточнославянских языках;

4/ наличие связей с культурными центрами западноукраинских земель.

Эти основные факторы, наряду с некоторыми другими, позволили бачванско-сремским русинам сохранить сознание своей генетической принадлежности к восточному славянству и в значительной мере воспрепятствовали ассимиляционным процессам в их среде.

1. Мишанич О.В. Проблема возникновения новых слов "янских литератур /Про литературу бачванско-сремских русинов/ IX Міжнародний з'їзд славистів. Слов'янські літератури. Київ: Наукова думка, 1983. С. 236-255 и др.

2. Сабашко Ж. Проблеми на линији и определывања Русин-Украинац код ове народности у СФРЈ. Традиційна култура југославјанских Русинов /Прилоги/. Материали зоз Совинованя о традиційној култури войводјанских Русинов и Украјинох, отриманого у Новим Садзе и Руским Керестуре од 30 јунија до 5 јулија 1970 г. Нови Сад: Руске Слово, 1970. — С. 239-287.

3. Дабош Ф. Историја Русинов Бачкеј, Сриму и Славони.

1745-1918. Доселене, газдовски, просвитни, културни и духовни живот. Вуковар, 1979.

4. Гнатюк В. Русини Пряшівсько епархії і їх говори. Записки Наукового товариства ім Шевченка /далее - ЗНТШ/. Львів, 1900. Т. 35/36. С. 1-70; Словаки чи русини? ЗНТШ, т. 42, 1901, С. 1-81. Чи бачванський говір словацький. ЗНТШ. Т. 63, 1905, С. 8-12 и др.

5. Костельник Г. Яка наша народна назва? Проза на бачванско-сримским руским литературним язикау. Нови Сад, Руске Слово, 1975, С. 121-123; Чом сом постап українець? Там же, С. 129-136 и др.

6. Одеяр Я. Монографія Руского Керестура. Їова Думка. Вуковар, 1985, № 47, С. 53.

7. Лебл А. Социална структура Русинох у Югославиї Шветлоц. Нови Сад, 1975, № 2, С. 174.

А.Ф.Овсиенко

Революционная социал-демократия Украины и
национально-освободительное движение
/1895-1904 гг./

Проблема революционной социал-демократии в национально-освободительном движении на Украине, в период с 90-х гг. XIX в. до Первой российской революции почти не исследована.

Развитие производительных сил и культуры на Украине тормозилось тяжелым социально-политическим и национальным гнетом. Самодержавие, русские помещики и буржуазия в тесном союзе с украинскими помещиками и буржуазией эксплуатировали трудящихся, грабили богатства края, душили культуру украинского народа, преследовали его язык, подавляли стремление к национальной государственности. Этим правящие классы стремились расколоть единство трудящихся, предотвратить объективно вызревавшую революцию, сохранить власть.

Украинский народ, как и другие народы царской России, стремился освободиться не только от социального, но и от национального гнета. В.И. Ленин отмечал, что Восточная Европа и прежде всего Россия, - это район, где "...именно XX век особенно развил буржуазно-демократические национальные

движения и обострил национальную борьбу"¹.

После образования социал-демократии национально-освободительная борьба трудящихся приобретала с каждым годом сознательный и организованный характер. В центр общественного развития новой исторической эпохи закономерно выдвинулся рабочий класс и его союзники. Именно его борьба против всех форм социального и национального гнета определила основные закономерности революционно-освободительного движения трудящихся Украины, как и всей страны в целом. Российский пролетариат был действительным выразителем общенародных устремлений к социальному и национальному освобождению и единственной политической силой, способной обеспечить успех национально-освободительного движения. Только завоевание пролетариатом политической власти предоставляло трудящимся возможность освобождения от национального гнета. В этом смысле классовая политическая борьба российского пролетариата объективно служила целям и национально-освободительных движений угнетенных национальностей, ибо без опоры на рабочее движение невозможно было разрешить национальный вопрос.

Что же позволяло пролетариату практически возглавить освободительную борьбу трудящихся, объединить ее в едином русле с борьбой всех народов против самодержавия и социального гнета эксплуататоров? Для этого было необходимо прежде всего сформулировать научную программу разрешения национального вопроса, который требовал "... ясной постановки и решения со стороны сознательных рабочих"². Эту задачу выполнила созданная В.И. Лениным партия революционного пролетариата - партия большевиков. Она строилась и развивалась как интернационалистская организация, как партия пролетариата всех национальностей. "Партия, чтобы уничтожить всякую мысль о ее национальном характере, дела себе наименование не русской, а российской"³, - писал В.И. Ленин. Еще в конце XIX - в начале XX ст. В.А. Ленин в ряде работ обосновал требование равноправия всех наций России и их права на самоопределение. На II съезде РСДРП в Первую

программу пролетарской партии нового типа включены исторические пункты о праве наций на самоопределение, об упразднении сословий, о полном равноправии всех граждан, независимо от их вероисповедания, расы и национальности, о праве населения получать образование на родном языке и др. Ставя перед пролетариатом задачу возглавить национально-освободительное движение, программа исходила из того, что национальный вопрос должен быть подчинен основному вопросу демократической революции — свержению царизма и установлению демократической республики. Совершенно естественно поэтому, что социал-демократы Украины последовательно включились в борьбу за осуществление программы по национальному вопросу, за создание единой интернационалистской РСДРП.

Возглавив на рубеже XIX и XX вв. освободительное движение против царизма революционная социал-демократия повела борьбу на два фронта — против великодержавного шовинизма и местного национализма, идеологами которого были буржуазно-националистические партии. Революционные социал-демократы не только стали достойным наследником интернациональных традиций предыдущих поколений /декабристов, революционеров-демократов, революционных народников/, но и значительно развили их. К первым активным интернационалистским действиям передовых рабочих следует отнести создание широконациональных рабочих союзов уже в 70-х гг. — в частности "Южнорусского союза рабочих", а в 80-х — первой половине 90-х гг. — это пропаганду интернационалистских идей первыми марксистскими группами и кружками. Так, в уставе нелегальной стачечной кассы одесских рабочих, созданной социал-демократами в 1895 г. подчеркивалось, что ее членами могут быть рабочие "всех национальностей, продающие свою рабочую силу за деньги капиталистам"⁴. В Киеве действовала интернациональная по составу "Русская группа социал-демократов". Она сделала немало для интернационального объединения украинских рабочих и всех трудящихся города с борьбой все-русского пролетариата. В частности, 28 ноября 1895 г. ею была издана гектографированная брошюра "Письмо товари-

ца к товарищу", где сообщалось о поддержке работниками Петербургской табачной фабрики Лиферма выступлений киевских рабочих. Заканчивалась она словами: "А поддержку, оказанную петербургскими стачечницами, будем считать первым шагом на этом пути"⁵. Встречный шаг навстречу рабочим столицы был сделан редакцией киевской рабочей газеты "Вперед", которая 2 февраля 1897 г. издала листовку "Письмо ко всем киевским рабочим", где содержался призыв к поддержке забастовки петербургских рабочих, начавшейся 2 января⁶. Так на деле осуществлялось интернациональное единство пролетариата двух братских народов. В Николаеве социал-демократический "Союз николаевских рабочих", где состояло около 200 членов, придавал важное значение и национальному вопросу. Так, в № 3 газеты "Союза" - "Наше дело" от 10 декабря 1897 г. была опубликована передовая статья "О национальной вражде". "Союз" считал своим долгом практиковать издание революционных сочинений и на украинском языке. Так, на гектографе была издана листовка со стихотворением "Діло було за границею", а газета "Наше дело" опубликовала на украинском языке стихотворение рабочего Нестеренко.

Новый, качественный этап распространения среди рабочих интернационалистских идей начался с созданием на Украине "Союзов борьбы за освобождение рабочего класса", социал-демократических комитетов, которые объединили в своих рядах революционеров разных национальностей. Например, из 142 лиц, привлеченных полицией к дознанию по делу Киевского "Союза борьбы" было 69 евреев, свыше 10 поляков, до 10 представителей Прибалтики и т.д. Благодаря их деятельности все чаще в выступлениях рабочих разных национальностей, которые жили в больших городах и промышленных центрах Украины, органически переплетались протесты против национального угнетения и призывы к интернациональному единству с экономическими и политическими требованиями. Большую роль в этом сыграло празднование с конца XIX в. Первого мая - дня международной солидарности, которое сопровождалось политическими стачками, демонстрациями, митингами, маев-

ками, в которых с каждым годом все активнее принимали участие представители всех демократических слоев, независимо от национальной принадлежности. Не случайно, виднейшая представительница украинского национально-освободительного движения поэтесса Леся Украинка в письме к М.Павлику от 7.УІ.1899 г. говоря о социал-демократическом движении, писала: "Это слишком универсальное движение для того, чтобы украинская нация могла обойтись без него". И далее: "Если б я была публицистом... то обратила бы самое серьезное внимание на социал-демократическое движение и на то, какое место должен занять в нем элемент национальный"⁷. Уже в первой первомайской листовке Киевского "Союза борьбы" 1898 г. было четко сформулировано политическое требование равноправия всех национальностей. При обыске в апреле 1899 г. у членов Киевского комитета РСДРП Л.Голдиной и П. Городецкой полиция обнаружила приготовленное для первомайской демонстрации красное знамя с надписью: "Свободы сходок, стачек, печати, равноправия национальностей, восьмичасового рабочего дня"⁸. А над многотысячной колонной демонстрантов 4 мая 1903 г. в Киеве была следующая надпись на красном знамени "Да здравствует социализм! Долой национальная вражда!"⁹.

Национальный вопрос был постоянно в поле зрения социал-демократов. В феврале 1902 г. в Елисаветграде состоялась конференция организаций РСДРП Юга России. Один из пунктов постановления гласил "социал-демократы должны руководить экономической борьбой пролетариата оберегая ее в тоже время от профессионального, национального и т.п. эгоизма"¹⁰.

Доказательством, что большевизм, которому на Западе иногда приписывают "инонациональный" характер был близок и понятен украинскому народу свидетельствует хотя бы то, что в 1903 г. здесь было не менее 32 социал-демократических организаций, это 1/4 часть их общей численности в России. Революционные призывы социал-демократов доходили до умов и сердец большинства украинского населения.

Всеобщая политическая стачка 1903 г. на Юге России

знаменовала укрепление позиций социал-демократии в национально-освободительном движении. В ней приняли участие трудящиеся не менее 27 национальностей. Одесский комитет РСДРП издал листовку на армянском языке, чтобы привлечь к стачке местных рабочих-армян. В ходе стачки пропаганда местных буржуазных националистов не имела успеха. В частности, в Одессе потерпела провал попытка кружка сионистов увести за собой часть тружеников под националистическими лозунгами. Начальник Одесской охранки писал, что после стачки начался массовый переход рабочих от сионистов к революционным социал-демократам¹¹.

В целом, в начале XX в. роль социал-демократии и рабочего класса в национально-освободительном движении постепенно возрастала. Налицо был рост связей социал-демократии с передовой украинской интеллигенцией, совместные выступления рабочих и студенчества. В частности, выступления рабочих в защиту студенчества под руководством социал-демократов имели место 19 февраля, 11 марта, 29-30 ноября, 2 и 15 декабря 1901 г., 2 февраля 1902 г. в Киеве, Харькове, Екатеринославе¹². Таким образом создавались предпосылки для усиления революционно-демократического течения в украинском национальном движении. Множились выступления в защиту прав угнетенных национальностей. Так, 1 июля 1902 г. состоялась демонстрация рабочих Дитомира в знак протеста против наказания розгами демонстрантов в Вильно, а 28 декабря 1902 г. рабочие-евреи Бердичева послали приветственный адрес рабочим Ростова, арестованным за участие в стачке¹³. В мае 1903 г. местные комитеты РСДРП призвали рабочих всех наций встать на защиту евреев против погромщиков и организовать вооруженные дружины. Во время Гомельского погрома в такой пролетарский отряд вошли 200 рабочих. Несколько членов своей организации пригласил Киевский комитет РСДРП.

Одновременно революционные социал-демократы Украины повели борьбу против сионистов, которые стремились отвлечь трудящихся от политической борьбы, создавая здесь отделе-

ния Еврейской Независимой Рабочей Партии /ЕНРП/. Указанная партия, как известно, была создана летом 1901 г. при поддержке департамента полиции. Руководители "партии", по словам одного из ее лидеров Г.Шаевича, поставили своей целью "сионизировать рабочую массу"¹⁴. Отвлечение еврейских рабочих от политики посредством легальных организаций должно было быть использовано, по их плану, для ведения пропаганды сионизма внутри этих организаций. Инициатор политики "полицейского социализма" С.В.Зубатов, усматривая в сионизме хорошее средство для предотвращения политической борьбы еврейского пролетариата. В одном из донесений Департаменту полиции он писал: "Чтобы создать противодействие революционерам, я посоветовал поднять агитацию среди сионистов, чтобы они из филантропии обратили внимание на рабочих и вырвали их из подлых рук агитаторов..."¹⁵.

Одесский, Екатеринославский, Харьковский, Киевский комитеты РСДРП в ряде своих листовок подвергали резкой критике вредную для трудящихся линию сионистов¹⁶. Весной 1903 г. по просьбе Одесского и других комитетов РСДРП "Искра" опубликовала ряд разоблачительных материалов о деятельности еврейских буржуазных националистов, оказав большую помощь социал-демократическим комитетам страны. Показательно, что агентам зубатовской ЕНРП не удалось создать организации этой сионистской "партии" в крупнейших городах Украины — Киеве, Екатеринославе, Харькове и др. центрах.

Сложность борьбы социал-демократов, руководимых рабочим классом Украины, против национального гнета и разжигания национальной вражды объяснялась активизацией накануне 1905 г. буржуазного национализма. Двойственную роль играла в это время мелкобуржуазная Революционная Украинская Партия /РУП/. Ее левая часть включилась в общедемократическую борьбу против царизма. Но в национальном вопросе РУП выступала на деле агентурой украинской буржуазии и способствовала росту среди отсталой части населения националистических тенденций. Правда, благодаря социал-демо-

кратам, это стремление обособить украинских пролетариев от рабочих других национальностей не нашло поддержку среди рабочих. Это заметил и начальник Киевской охранки, который писал, что в Киеве деятельность РУП "благодаря ее национализму, не имеет большого успеха среди простого народа. Рабочие идут в интернациональные организации"¹⁷.

В то же время, осознавая недостаточность разъяснительной работы на селе, социал-демократы Украины умело использовали тактику "левого блока" с РУП, если требовали обстоятельства. В ходе крестьянского восстания 1902 г. на Харьковщине и Полтавщине вместе с ленинской "Искрой" среди крестьян распространялись брошюры РУП "Дядько Дмитро" и др. В докладе Социал-демократического союза горнозаводских рабочих на 2 съезде РСДРП было сказано: "За отсутствием крестьянской литературы, а также в виду незнания малороссами русского языка, приходилось пускать в обращение издания Галицко-украинской социал-демократической партии, доставлявшиеся Союзу группой "Воля"¹⁸.

Таким образом, в 1896-1904 гг. начался переход под руководством социал-демократии национально-освободительной борьбы на стадию политической борьбы. Этот процесс неизмеримо возрос в годн Первой российской революции.

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 9, С. 126-129.
2. Там же, Т. 23, С. 149.
3. Там же, Т. 10, С. 267.
4. ЦГАОР СССР, ф. 124, оп. 5, 1896, д. 20, л. 6.
5. ЦГИА УССР, ф. 274, оп. 1, д. 425, л. 12 об.
6. Там же, д. 435, л. 38.
7. Л.Украинка. Собр. соч., в 12 т. Т. II, С.126-127.
8. ЦГИА УССР, ф. 317, оп. 1, д. 1443, л. 79 об.
9. Госархив Киевской области, ф. 2, оп. 219, д. 120, лл. 3, II.
10. ЦГИА УССР, ф. 386, оп. 1, д. 290, л. 2-3.
11. Там же, ф. 317, д. 1907, л. 9.
12. Хроника революционного рабочего движения на Украине /1900-1917/: Киев, 1987, С. 10, 15, 16.
13. Там же, С. 19, 23.
14. Бухбиндер Н.А. О зубатовщине /по неизданным архивным материалам/. Красная летопись, 1922, № 4. С. 312.
15. Цит. по: Заславский Д. Зубатов и Маня Вильбушевич. М., 1924, С. 52, 55.

16. Листовки революционных социал-демократических организаций Украины /1896-1904/, Киев, 1963, С. 424-428.
17. Цит. по: История Киева, Т. 2, Киев, 1984, С. 339.
18. Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959, С. 552.

Б. В. Носов

"Польский вопрос" в Государственной думе
1907-1914 гг.

Обострение национального вопроса в России в период третьей монархии /1907-1917 гг./ было обусловлено сложным комплексом социально-экономических и политических причин, вызванных в частности, нерешенностью задач буржуазно-демократической революции, а также обострением межнациональных противоречий и конфликтов накануне первой мировой войны. Однако вопрос о национальной судьбе польского народа в этот период приобрел свое особое звучание, определенное исторически условиями разделов Речи Посполитой, когда под властью Российской империи оказались территории с развитой сословной структурой феодального общества. Следует отметить, что польский вопрос не был исключительно внутренним делом Российской империи. Развитие польского общества осуществлялось не только в границах России и Царства польского, но и в составе монархии Габсбургов и на территории Германской империи.

Традиционная политика самодержавия, направленная на военное подавление польского освободительного движения в сочетании с попытками установления союза с частью польского господствующего класса или противопоставления шляхты крестьянского населения, оказалась неэффективной, что стало очевидно в период революции 1905-1907 годов. В условиях третьей монархии в этой политике проявились новые черты, о которых свидетельствуют в частности, прения в Государственной думе по законопроектам в отношении Царства Польского и польского населения Северо-Западного и Западного края.

В период полномочий 3-ей Думы в этой области было представлено для утверждения три законопроекта:

1. О введении выборного Земства в 9 западных губерниях.
2. О введении Городового положения в Царстве польском.
3. О выделении Холмской губернии из состава Царства Польского¹.

В статье мы предполагаем сосредоточить внимание на проблеме введения земства в западных губерниях, так как этот вопрос задал тон дискуссии в целом. А.Я.Аврех рассмотрел преимущественно внутривластные аспекты этой проблемы, противоречия в правительственных кругах, приведших к министерскому кризису 1911 года и политическому поражению П.А.Столыпина. Нашей задачей является на материалах думских обсуждений проследить особенности проявления национальных противоречий. Важнейшим источником в этой области являются стенографические отчеты заседаний Государственной Думы^{2*}.

Толчком к выработке законопроекта о введении земства в западных губерниях послужило стремление 33 правых членов Государственного совета не допустить избрание поляков от губернских съездов землевладельцев в Государственный совет от 9 западных губерний: Виленской, Гродненской, Ковенской, Могилевской, Минской, Витебской, Киевской, Подольской и Волынской. Правительство воспользовалось этой инициативой и внесло законопроект о введении в этих губерниях земских учреждений, которым, как и другим земствам в России, предоставлялось право избрать по одному члену совета от каждой губернии. Чтобы обеспечить преобладание в новых земствах русских помещиков, правительство предлагало для данных губерний заменить сословные курии /дворянскую, городскую и крестьянскую/ двумя национальными куриями: рус-

* Ссылки на Стенографические отчеты даны далее в тексте, например, /2 ; I/, где 2 - номер примечания, I - номер столбца.

ской, в которую включалось все польское население независимо от вероисповедания, и польской, в которую включались поляки. Распределение гласных между куриями зависело от числа избирателей и стоимости их недвижимого имущества, что обеспечивало господство помещиков, а участие в выборах крестьян и мещанства должно было, по замыслу правительства, обеспечить подавляющее преобладание русских помещиков над польскими, "русское" земство и, следовательно, "русских", избранных от этого земства в Государственный совет.

Однако работа над законопроектом, его обсуждение в Государственной думе и Государственном совете показали, что данный вопрос вышел за рамки правительственных интриг. В 1910 году правительственный законопроект поступил на рассмотрение Думы. Докладчиком выступил председатель комиссии по местному самоуправлению, специально созданной для проталкивания законопроекта, член фракции националистов И.С. Чихачев.

Охарактеризовав вариант законопроекта, одобренный комиссией, он отметил, что по Земскому положению 1890 года правительством отстаивалось преобладание дворянства и что "при этом имелись ввиду многовековые заслуги коренного русского дворянства перед Россией" ³ /2 ; 737/. Однако враждебное отношение к России польской шляхты, говорил докладчик, вынуждает отказаться от этого принципа применительно к западным губерниям и проводить формирование земств не по сословному, а по национальному признакам. Неравноправное положение польской курии вытекает, по словам Чихачева, из "необычной сплоченности и единодушия польских избирателей, легко объяснимыми прошлой историей этого народа, преждевременной смертью польского государства" /2 ; 742/. Точку зрения правительства в Думе отстаивал сам Столыпин. Он подчеркнул, что, внося законопроект, правительство руководствовалось идеей ограждения прав экономически слабого русского большинства от польского экономически и культурно сильного меньшинства /2 ; 774-775/. Для этого предполагалось "запечатлеть исторически сложившееся соотношение сил"

между русскими и поляками, установив процентное соотношение числа гласных, учесть в будущем земстве историческую роль и значение православного духовенства /это заявление премьера было встречено правыми депутатами возгласами "браво"/, обеспечить преобладание русских в будущих земских учреждениях и, наконец, не допустить, как выразился Столыпин "стачки русских крестьян с поляками", одновременно защитив интересы русских и польских помещиков /2 ; 777/. Далее председатель Совета министров осветил причины, по которым правительство решило не вводить земства в Литве /в пределах Виленского генерал-губернаторства/. Существующие там земства по назначению это, - говорил Столыпин, - "учреждения, носящие русскую окраску, учреждения, которые запечатлены русской государственностью... и если не исковеркать совершенно земской идеи, не насадить русских в земстве по назначению, то, конечно, оно /земство - Б.Н./ перейдет в руки местных людей и в первую голову самых сильных, т.е. не литовцев, не белоруссов, а поляков" /2 ; 777-778/.

В заключение Столыпин по существу признал русификаторскую цель законопроекта. Он сказал, что закон должен поставить "предел дальнейшей многовековой племенной политической борьбе". Это заявление социал-демократ депутат Н.М. Егоров встретил возгласом: "Которую вы разжигаете" /2 ; 790/.

Так было положено начало дебатам по законопроекту в Государственной думе. В ходе прений по первому чтению было заслушано 52 выступления, не считая выступлений по мотивам голосования. Распределение выступлений по фракциям дано в таблице.

Выступления в прениях по первому чтению законопроекта

Фракция	Число выступлений	Фракция	Число выступлений	Фракция	Число выступлений	Фракция	Число выступлений
Правые	7	Кадеты	8	Польско-литовско-белорус. группа	6	Трудови-ки	2
.		Прогрессисты	2				

Национа- II листы			Социал- демократы	2
Октябри- 6 сты		Коло 4	Прочие	4
Итого: 24	10	10		8

Даже в сравнении с численностью фракций обращают на себя внимание количество выступлений правых депутатов, в особенности националистов, активность Польско-литовско-белорусской группы и Польского кола. Если для двух последних интерес к законопроекту был обусловлен тем, что он непосредственно касался населения Литвы, Белоруссии и Украины, а также поляков, живших в западных губерниях, то для правых партий значение законопроекта заключалось в ином. Их активность была продиктована двумя обстоятельствами. Во-первых, именно западные губернии, как и другие районы страны со смешанным национальным составом населения, а не собственно русские губернии, за исключением Курской, составляли избирательную базу правых в Государственной думе. Во-вторых, разжигание национальной вражды, антипольских настроений, в частности, было одним из решающих средств укрепления социальной базы реакции, ключевым инструментом ее внутренней политики. Поэтому не случайно именно правые партии задали тон обсуждению законопроекта и вышли за рамки, отведенные для дискуссии правительством. В выступлениях правых лейтмотивом звучала мысль, которую С.М.Богданов выразил следующим образом: "В настоящее время нам представляется диким предположение, что нам Западный край может быть другим каким-нибудь, а не русским" /2; 791/. Раздувая антипольскую кампанию, правые стремились сыграть на противоречиях между украинским, белорусским и литовским крестьянством и польскими помещиками. "Целый край, - говорил В.В. Шульгин, - имел низ русский, середину евреев, а верхи польские" /2; 949/. Ему вторил А.П.Сапунов, прочитавший латинский стишок, в котором Королевство Польское было представлено как "небо для шляхты, рай для евреев и ад для крестьян" /2; 1138/. Можно было бы не останавливаться на подобных

примерах "парламентской дискуссии", если бы они не были типичными для правого большинства, стремившегося использовать думские дебаты для раздувания антипольских настроений и великорусского шовинизма /антисемитские выпады в этом случае также весьма показательны/.

Цели этой кампании в определенной мере были раскрыты в выступлении графа В.А.Бобринского, который считал, что только национальные курии, вернее изоляция избирателей-поляков, могут обеспечить интересы русских помещиков. Его риторический вопрос о том, можно ли положиться на всех крестьян, настолько не согласовывался с общей прокрестьянской демагогией правых ораторов, что вызвал смех и рукоплескания слева. Далее Бобринский продолжал: "Вы знаете господа, что русский крестьянин и не только крестьянин, но и многие помещики находятся в полной зависимости от помещиков-поляков... в этом крае, — с видом ненайгранного опасения продолжал он, — хоть мало, но также есть и кадеты. Неужели вы полякам и кадетам вручите судьбу русского народа?" /2 ; 907-908/. Таким образом, Бобринский прямо заявил, что политика великодержавного псевдопатриотизма призвана укрепить политическое господство русского дворянства в первую очередь над крестьянством, разгромить политических противников правых: не только демократический лагерь и национальные движения, но и либералов.

Наиболее последовательно и откровенно взгляды правых изложил Н.Е.Марков. Он, в частности, подчеркнул: "Из всего полного знакомства с польским вопросом мы отлично знаем, что поляки никогда, ни при каких обстоятельствах не примирятся с тем ужасным для них ударом судьбы, благодаря которому они... стали подданными русского государства... Повторяю вовсе не ненависть к полякам... руководят нами, когда мы защищаем необходимость обороны русского народа от польского засилья". По словам Маркова, сейчас, когда Россия испытывает внутренние потрясения /намек на революционные события 1905-1907 гг./, эта "оборона" особенно необходима. "Я считаю, — говорил он, — что теперь, когда

так размножились потомки Тушинского вора и тех перелетов, которые продавали Россию направо и налево, теперь Россия в особенности должна беречься, чтобы не сдать своих позиций враждующему с ней инородчеству" /2 ; 917-918/. Именно в выступлении Маркова политика великорусского шовинизма приобрела черты политического *сге до* российской реакции. Именно эта политика, по его мнению, могла бы подчинить движение крестьян интересам русских помещиков. "Я сторонник мирного разрешения всех вопросов, — под смех слева провозгласил Марков; — я не желаю полякам того последнего конца, который им грозит, в случае, если постоянно будут нарушаться святыне интересы русского народа: поэтому я говорю: вводите земство на западе и в земстве этом оберегайте русского крестьянина; путь он видит, что государство его оберегает от угнетателей его. А что польские пань угнетатели русского крестьянина, этого доказывать нечего, это доказывает вся польская история" /2 ; 920/.

Среди правых ораторов в Думе были и крестьяне. Однако вопреки утверждениям Маркова и других депутатов-помещиков о единстве дворянства и крестьянства перед лицом иноплеменного натиска, депутаты-крестьяне, принадлежавшие к правым фракциям, сосредоточили внимание не на проблеме русско-польского антагонизма, а на вопросе о земле и крестьянском представительстве в земстве. Весьма примечательно в этом плане выступление депутата-крестьянина от Волынской губернии М.С. Андрейчука. Он заявил, что, по его мнению, законопроект будет провален, и не ошибся, правда, произошло это не в Думе, а в Государственном совете. Сам он также выступил за серьезные поправки к законопроекту, исходя из того, что он, объединяя крестьян и помещиков в национальную курию, практически исключал крестьян из числа гласных в земстве, особенно в губернских собраниях. "Я справлялся у товарищей, — заявил Андрейчук, — у которых Земское положение существует; они мне говорят, что у них в губернские земства не пускают ни одного крестьянина, и потому это мне дает право думать, что у нас тоже не пустят" /2 ; 829-830/.

Далее под возгласы одобрения правых депутатов он обрушился на графа Уварова, который якобы бьет себя в грудь и заявляет: "я русский граф... и больше ничего". Что же он там отстаивал? — спрашивал автор. — Он ничего русского там не отстаивал, а только поляков и немцев и больше ничего. А вот я от него ждал хоть словечка; пусть бы он сказал как несправедливо, что крестьян там мало /в земстве — В.Ц./.

А он ничего"/2; 830/. Разумеется упрек этот был брошен кадетам, но он в равной мере мог быть адресован как правительству, так и правооктябристскому большинству. Ожидая от земства справедливого разрешения земельного вопроса, изменения в пользу крестьян раскладки налогов и повинностей, улучшения состояния школ, больниц, ветеринарной службы, известного противодействия полицейскому произволу, Андрейчук показал, что насущные нужды крестьянства проистекают из противоречия социального между крестьянами и помещиками. Однако он не обошел и национальный вопрос, заявив: "В нашем крае при тамошних условиях невозможно не считаться с национальностями"/2; 829/. И далее: "Я не согласен с г. Председателем Совета министров, когда он заподозревал крестьян в нашем крае, будто крестьяне пойдут в стачку с поляками в будущем земстве. Я этому никогда не поверю, потому что наши крестьяне говорят: дал бы бог, чтобы поляки еще раз взбунтовались, это было бы им последний раз бунтоваться /смех справа"/2; 830/. Каково же значение этой, высказанной с деланной простотой, "народной" мысли? В выступлении Андрейчука "польская проблема" существенной роли не играет. Совершенно очевидно, что такое заключение речи было продиктовано, так сказать, фракционной дисциплиной. Н.Е.Марков эти слова в своем выступлении, однако здесь они естественно вытекали из внутренней логики всей речи и ее эмоционального настроя в той же мере, в какой они диссонируют с содержанием выступления Андрейчука. Однако это вовсе не значит, что они были навязаны последнему. Для депутата-крестьянина Волынской губернии национальная неприязнь к поляку-помещику была связана с определенными надеждами на

то, что репрессии против поляков позволят крестьянам получить их земли. В сознании крестьянства Западного края понятия помещик и поляк нередко сливались воедино. И не случайно, приводя примеры бедственного положения крестьянства Волни, Андрейчук говорит о помещиках в целом, а по имени называет только Терещенко, который, с его точки зрения, ничем не отличается от помещика-поляка.

В речи Андрейчука было еще одно существенное отличие от выступлений большинства правых депутатов. Он открыто высказался в поддержку "русского духовенства" в будущем земстве Западного края, где по его словам духовенство "будет поддерживать русский дух, русские идеи и никогда не будет против крестьян" /2 ; 830/. Значение этих слов станет понятнее, если сопоставить их с выступлениями правых депутатов-служителей церкви. Наиболее заметный среди них по политическому влиянию, по ораторскому таланту, а также не менее известный полонофоб епископ Евлогий выступил одним из последних. Он подчеркнул, что суть вопроса состоит в том, является Западный край русским или польским, "забранным", как говорят поляки, краем, что на Польше и польской культуре лежит вековая ответственность за "забитость угнетенность и раболопство" западно-русского крестьянства. Борьба русского правительства с "польским засильем", по мнению Евлогия, имела тот недостаток, что опиралась исключительно на административные меры и не искала опоры в местном русском населении, что этот недостаток и надлежит исправить, вводя земские учреждения. Свою речь Евлогий закончил выражением надежды, "что русская государственная дума будет в этом вопросе на высоте своего русского национального самосознания, что она поможет русскому обездоленному, забитому западному краю создать большое, хорошее культурное русское дело, за которое вся Западная Русь скажет ему свое горячее русское "спасибо" /2 ; 1223-1226/.

Евлогий ни слова не сказал о положении русской православной церкви в Западном крае, хотя сам он сыграл незау-

рядную роль в административном насаждении православия в Белоруссии и в Царстве Польском, в преследовании католиков и униатов. Это красноречивое в какой-то мере объяснимо новой ситуацией, возникшей после издания указа о веротерпимости. Но, вероятно, были и другие мотивы? В известной мере на них проливают свет выступления других правых депутатов-священников. Отец Г.Т.Маньковский, депутат от Подольской губернии, одобряя законопроект, утверждал, что враждебные отношения между национальностями сложились исторически и, "если течение этих отношений не будет введено в параллельные берега, могут разразиться грозой, от которой да избавит нас Бог /2 ; 1087/. Более обстоятельно высказался отец А.Д.Юрашкевич. По его словам, "поляки составляют по своей душе совершенную противоположность сидящим налево и мы боимся этого национализма, потому что он сила, побеждающая тех, кто не имеет такого национализма, кто чужд этой силы /голоса справа: верно, браво/. Дело не в польской культуре, дело в том искреннем самоуважении и в той глубокой любви к самому себе и к своему прошлому, которого не имеют русские... И мы боимся этого потому, что у нас на Западной Руси в числе землевладельцев есть такие несчастные, которые дружат с поляками и поляки с теми дружат. Они стоят за интересы польские, но поляки, конечно, их презирают. Поляки говорят, что это хорошие русские люди, только без всяких политических убеждений" /2 ; 1042-1043/. Таким образом, в выступлениях представителей православной церкви проявилось определенное стремление не связывать непосредственно национальный вопрос с вопросом о вероисповедании, ибо это может затруднить осуществление великорусской националистической политики в целом. Ведь, по мнению поляков, - говорил Юрашкевич, - "католик-белорус, хотя б он не знал ни одного слова по-польски, - поляк, и, действительно, он будет рано или поздно поляком; из него вынут русскую душу и дадут душу польскую, сепаратистскую, враждебную нам" /2 ; 1046/.

По мысли правых, именно "русская душа", мистифицирован-

ное национальное сознание, оторванное от социально-политических реалий, от конкретной практики социально-экономического и культурного развития общества, должно было стать основой идеологии национализма. Формируя эту идеологическую замкнутость, ограждая ее административно, консервируя ее политически в условиях обострения межнациональных конфликтов, правый лагерь стремился укрепить позиции реакции. Средствами на этом пути были пропаганда ненависти к полякам и идеи исторической враждебности русского и польского народов, спекуляция на противоречиях между помещиками и крестьянами посредством лозунга защиты русского крестьянина от помещика-поляка, обеспечение на этой почве политической гегемонии великорусского дворянства, т.е. охраны собственных узкословных интересов, попытки замаскировать связь русофикаторской политики с интересами русской православной церкви.

Концепции правых в польском вопросе в Думе противостояла точка зрения, представленная членами фракций либеральных партий /кадетов, прогрессистов и примыкавших к ним беспартийных депутатов из "земских деятелей"/. Однако их позиция была крайне непоследовательной. Депутат от Черниговской губернии Г.В.Скоропадский по существу присоединился к правым, когда заявил, что, как свидетельствует история, необходимо "зорко стоять на страже русских интересов в этом крае... что русский элемент, лишенный самостоятельности, не прошедший общественного воспитания, там в настоящее время вял и неустойчив... А пословица говорит - поддержите слабого, и в свое время и он вам окажет поддержку". Эти слова Скоропадского были встречены справа возгласами "браво" /2; 1021-1022/. Граф А.А.Уваров упрекнул правительство в том, что идея законопроекта возникла из-за стремления удалить, как он выразился, "известных членов из Государственного совета". Этот подчеркнуто индифферентный тон был характерен для всего его выступления. Упрекая сторонников законопроекта из фракции октябристов, Уваров заявил: "Вы ведь не можете говорить откровенно, что

это можно применять на западе, ... а в России нельзя... Мы создаем теперь прецедент, по которому нам самим придется создавать не только земства в других окраинах, но свое собственное русское земство"/2 ; 803/. Туманность выступления Уварова была неслучайна, она объяснялась непоследовательностью русского либерализма как в вопросах внутренней политики, так и в национальном вопросе. Выступая против законопроекта, Уваров выдвинул два возражения: он неприемлем, во-первых, потому, что свидетельствует о стремлении правительства манипулировать составом Государственного совета, удалив из него поляков, а во-вторых, потому что создание национальных курий в Западном крае может повлечь за собой создание таковых на других окраинах или тем более в великорусских губерниях, населенных различными национальностями, что таит в себе опасность нежелательного обострения национального вопроса.

Наиболее резкой критике со стороны либералов правительственный законопроект был подвергнут в выступлении священника В.С.Соколова, беспартийного депутата от Костромской губернии. Обращаясь к депутатам, он предложил задаться вопросом, "какие должны быть меры относительно окраин для того, чтобы эти меры были относительно благоприятны для окраинного населения и полезны для русского государства". Примечательно, что, употребив словечко "относительно", оратор априорно исходил из утверждения господства великорусской национальности и допускал лишь некоторые уступки национальным интересам других народов, в частности, польского. По его мнению, "меры эти должны быть такие, чтобы население окраины по меньшей мере относилось дружелюбно ко всей России, чтобы оно по меньшей мере сознавало, что оно находится действительно в своем отечестве... Разве государственная та мера, которая ведет к тому... что вы должны держать целые корпуса для того, чтобы они не проявили враждебных отношений, чтобы они не стали на сторону того врага, который нападет на наше отечество"/2 ; 836/.

Таким образом, для либерального лагеря в Думе было

характерно отсутствие четкой позиции в национальном вопросе. С правыми депутатами его сближало признание необходимости законодательной и административной охраны великодержавных имперских интересов и национальной гегемонии великорусского населения. Однако были и существенные различия. Они заключались в том, что либералы стремились рассматривать польский вопрос в контексте национального вопроса в России в целом, стремились отмежеваться от нагнетаемой правыми антипольской истерии, не связывали непосредственно интересы великорусов с интересами дворянства, прежде всего помещиков. В решении польского вопроса либералы были близки к концепциям неославизма; ратовавшего за союз славянских народов под гегемонией России, но с относительным учетом и их национальных интересов. С наибольшей определенностью критика правительственного законопроекта и концепция русского либерализма в польском вопросе прозвучала не с трибуны Государственной думы, а была дана в статье П.Б.Струве "Два национализма", напечатанной в "Русской мысли" в июне 1910 года. По его словам, официальный национализм неизбежен в условиях реакции, он оправдывает абсолютизм "с его противолиберальной, противодемократической политикой... Для демократической России поляки нестрашны ни в малейшей степени, но Россия, в которой властвует земельное дворянство, бюрократия должна защищаться от поляков искусственными мероприятиями, загородками "национальных курий". Официальный национализм вынужден прибегать к этим методам в стране, где существует несомненное русское большинство, потому что дворянская и бюрократическая Россия не может прикоснуться к земле и черпать силы из русской крестьянской демократии". Официальный национализм, по мнению Струве, нежизнеспособен, более того он не только не может обеспечить экономическую, политическую и культурную гегемонию русского большинства, т.е. осуществление политических целей русской буржуазии, но он даже опасен, ибо прокладывает путь "не национально-государственному объединению, а национальному автономизму и федерализму", что край-

нежелательно для русских либералов и имперских интересов русской буржуазии. Это становится очевидным, когда Струве утверждает, что "идеалом, к которому должна стремиться в России русская национальность... может быть лишь такая же свободная и органическая гегемония, какую утвердил за собой англо-саксонский элемент в Соединенных штатах Северной Америки и в Британской империи" . Таким образом, вместо национального господства в административно-политическом плане предполагалось утвердить господство в плане экономическом, социальном и культурном, утвердить господство русской буржуазии, опирающейся с этой целью на крестьянские массы. "Национализм, - заключает Струве, - может быть подлинной силой только там, где он опирается на самодеятельность широких народных масс" . Различие в подходе к польскому вопросу между правыми и либералами заключалось в том, каким образом сохранить национальное угнетение Польши /вопрос вышел естественно далеко за рамки узкой проблемы земства в Западном крае/: либо путем сохранения полуфеодальных институтов самодержавия и его национальной политики, либо на буржуазной основе.

Центральное место в думских дебатах по законопроекту заняли выступления членов Польско-литовской-белорусской группы и Польского кола. Первым среди них взял слово депутат от Виленской губернии И.С.Монтвил. Он посвятил свою речь разоблачению утверждения прѣвх и правительства о том, что законопроект ставит своей целью лишь ограждение интересов русского населения от польского засилья. "Всякое ограничение, направленное против одних лиц, - говорил Монтвил, - является всегда как бы привилегией для других лиц и для другой группы" /2 ; 762/. Ссылаясь на Н.Макиавелли, оратор утверждал, что цель национальной политики государства может быть двойкой, причем все иные варианты в конечном счете могут быть сведены либо к первому, либо ко второму: или искоренить "обрусить" жителей иной национальности, или связать "инородцев" с государством общностью интересов. - Констатируя, что с 1863 года эта альтернатива ре-

шалась русским правительством путем искоренения польского элемента, он ссылаясь на следующие факты: число школ в Западном крае вдвое меньше, чем 100 лет назад, закрыты три высших учебных заведения, Крестьянский банк продает земли только переселенцам из внутренних районов. Дворянский банк не выдает ссуды полякам. Из этого Монтвил делает вывод: "Правительство стремилось уничтожить и истребить поляков" /2 ; 764/. Эта линия будет продолжена и в случае принятия законопроекта.

Проект, по его словам, "исходил из принципа национальной борьбы, он ее как бы узаконяет... и, чтобы оправдать такую постановку дела, нам говорят о необходимости защищать русские интересы" /2 ; 766/. Но такая постановка вопроса не имеет, утверждал оратор, ничего общего с действительностью: в Могилевской губернии число поляков не доходит даже до 3%, за время с 1863 года площадь польского землевладения сократилась на половину и составляет только 33% частновладельческих земель против 67% у русских владельцев. "После этого, - заявил Монтвил, - говорить об агрессивности польского элемента мне кажется немножко странным" /2 ; 767/. Выступая против законопроекта, он предлагал заменить национальные курии представительством выборщиков по партиям, имея в виду, разумеется, не политические партии, а те или иные избирательные группировки "в соответствии с местными хозяйственными интересами". "Конечно, - заметил оратор, - на практике может быть, что выборщики разделится... на основании политических или национальных партий... но такое явление будет случайное или будет временное /В.М.Пуришкевич с места: "Ой, нет" /2 ; 769/. Тезис встретивший возражение Пуришкевича, вытекал из представления о единстве и непротиворечивости сословной, социальной и национальной структуры населения Западного края, в которой крестьяне, горожане, помещики, русские и поляки, украинцы, белорусы и литовцы составляли некое органическое единое целое, что негативное воздействие на отдельные части этого организма в результате недальновидной политики

принесет вред всему обществу /2 ; 771/.

Тезис правых о существующей якобы опасности русским интересам в Западном крае со стороны польского элемента подверг критике Г.И.Свеницкий, депутат от Виленской губернии. Он отметил, что если в 1863 году отношение польского частного землевладения к русскому было как 70 : 1, то по данным 1906 года в Витебской губернии - 59%, в Ковенской - 51%, в Подольской и Могилевской - 67%, в Киевской - 60% частновладельческой земли находилось в руках не поляков, вообще не католиков /2 ; 813-814/. Следует иметь в виду, что приведенные данные требуют критического к себе отношения, так как мы не располагаем сведениями, какова была в то время доля землевладения помещиков и лиц других сословий. Следует также учесть, что доля дворянского землевладения в России и в Западном крае в пореформенное время существенно сократилась. Однако нельзя не отметить, что сокращение польского частного землевладения не могло не вызывать озабоченности поляков - депутатов думы, которые в большинстве были помещиками. Ущемление национальных интересов было связано для них непосредственно с ущемлением экономических, социальных и сословных интересов. Принятие правительственного законопроекта о земстве должно было усилить эту тенденцию, еще чувствительнее затронуть в первую очередь сословные интересы польских помещиков и расширить сословные привилегии помещиков русских. При этом Г.И.Свеницкий обоснованно усмотрел связь между стремлением правительства в максимальной степени вытеснить поляков-землевладельцев в Литве, Белоруссии и на Украине с предлагаемым земским законодательством. Чтобы наглядно продемонстрировать это, он сопоставил число поляков в местных хозяйственно-распорядительных органах, назначаемых губернатором, с тем числом мест, которые предоставлялись в земствах по законопроекту польской курии /данные приведены в таблице/.

Таблица

Доля депутатов-поляков в местных органах
хозяйственного управления /2 ; 823/

Губерния	Доля поляков на I.0I.1910 %/%	Доля депутатов- поляков по зако- нопроекту %/%
Минская	40	2
Могилевская	21	7
Витебская	23	20
Вилевская	37	19
Подольская	30	17
Киевская	20	9

Практически число депутатов-поляков, ведавших местным хозяйственным управлением, в случае принятия законопроекта, должно было сократиться в два раза, а в Минской губернии даже в 20 раз.

Рассматривая законопроект как часть правительственного плана ликвидации польского землевладения в Западном крае и лишения поляков-помещиков их социального и сооловного статуса, депутаты Польско-литовско-белорусской группы стремились противопоставить официальному курсу тезис об исторической, социальной, национальной и культурной органичности населения Западного края. "Мы - не созданный работами правительства землевладельческий элемент последней формации, - говорил депутат К.А.Завиша, - нет, мы те, которые с массой коренного населения края создавали этот край и так или иначе приобщали его к общечеловеческой культуре" /2 ; 1067/. В этом тезисе выступление Завиши перекликалось с выступлением Монтвила. Далее он сказал, что националистическая политика, антипольская или иная, неизбежно враждебна и пагубна как для нерусского, так и для русского населения, "ибо следствием ее стала та отчужденность от всего русского, которая едва ли нужна для государства и которая является следствием политики дать преобладание пришлым русским над местным населением, которое уже нельзя назвать чужим".

Таким образом, как и в речи В.С.Соколова, здесь был поставлен вопрос о соотношении национальной и государствен-

ной политики России, о неадекватности политики национального угнетения и государственных интересов России. Эта проблема оказалась в центре внимания представителей Польского коло. Депутат от Седлецкой губернии Л.К.Дымша поставил вопрос: "Где начинаются интересы государственные и где кончаются интересы национальные, возможно ли их соединить вместе?" /2 ; 927/. И ответил: "Мне думается, что нет".

Если для великорусских националистов государственная политика непременно должна была быть политикой националистической, то ораторы Польского коло стремились обосновать тезис о несовместимости государственного и национального начал в политике. По словам одного из лидеров Коло Л.К. Дымши, "государство есть высшее объединение между собой людей разных национальностей, разных религий на одном пространстве под защитой одной государственной власти. А национальность сама по себе, нация... если взять ее в точном определении есть начало духовное, есть наследие историческое, которое получается путем долгого совместного жительства известной массы людей на одном пространстве, общих страданий и общих идеалов. С этой точки зрения нравственный духовный национализм — это высшее, что красует каждого человека, и то чувство, пока оно остается в области духовных интересов, облагораживает человека" /2 ; 927/. Тезис о том, что национализм ограничивается лишь сферой культуры, сферой общественного сознания, Дымша сформулировал следующим образом: "Религия, вера и нация-тождественные понятия". Государственное, тем более административное вмешательство в эту область, по мнению оратора, недопустимо, так как "оно в этой духовной сфере ничего не создает и приведет только к разложению национального чувства... Национализм как таковой прежде всего в своем выражении и в применении не к духовным, а к материальным интересам ведет к шовинизму и канибализму" /2 ; 927-928/. Позиция Дымши и Коло в целом будет более понятной, если сопоставить ее с выступлением В.Ф.Грабского. Грабский подверг критике сторонников законопроекта, утверждавших, что якобы необходимо защитить

русское неимущее большинство от поляков, которые являются наиболее богатой и культурной национальной группой населения Западного края. Он высказал мысль о невозможности социальных конфликтов между поляками-помещиками и крестьянством, так как на стороне последнего поддержка правительства, что в таких конфликтах имущие классы не в состоянии, с одной стороны, оказывать давление на неимущих, а с другой — привлечь последних на свою сторону против правительства /2 ; 1214-1215/. Антипольская кампания, раздуваемая правительством и правыми партиями, преследовала, по словам Грабского, инквизиторскую цель заставить поляков отказаться от идеи Польши и отомстить им за то, что эта идея жива в польском обществе /2 ; 1216/. Свое выступление Грабский завершил словами: "Последствия мести стали разрушительными для всех, не только для нас, но и для вас" /Рукоплекания слева /2 ; 1218/.

Таким образом, выдвинутая польскими депутатами идея ограниченности сферы национальных отношений лишь областью культуры и общественного сознания вновь обрела в выступлении Грабского социальную и политическую почву, ибо была связана с вопросом об исторических судьбах русского и польского крестьянства в начале XX века, с вопросом о самоопределении Польши, ибо духовное самоопределение в форме "идеи Польши" не мыслилось без самоопределения в материальной области: в области социальной и политической. Эта мысль не была прямо высказана с трибуны, но незримо присутствовала в дискуссии. Присутствовал в ней и другой фактор; оказавший существенное влияние как на правящие круги России, так и на шляхетско-буржуазный лагерь Царства Польского. В Думе он проявился лишь в отдельных намеках депутатов, но открыто обсуждался за ее стенами. Лидер Коло и видный деятель "народных демократов" в Царстве Польском Роман Дмовский, писал еще до обсуждения законопроекта о земстве: "Перед польским обществом в Царстве Польском лежат теперь два пути: либо пассивно покориться правительственной системе, ее влияниям, разлагающим общественный орга-

низм, понижающим его культуру и подготовляющий край для будущего прусского захвата, либо бороться, хотя бы эта борьба обещала занять долгий период времени". Таким образом и для Польши, и для России польский вопрос вовсе не ограничивался рамками Российской империи. Давало себя знать предчувствие надвигающейся военной грозы и вместе с тем взаимное стремление обеих сторон нажать известный политический капитал на русско-германских противоречиях. Для великорусских националистов характерно было использование лозунга германской угрозы для нагнетания великорусского шовинизма и стремление в большей степени подчинить тем или иным способом влиянию России национальные движения других народов. Для "народных демократов" в Царстве Польском характерно было стремление побудить русское правительство к некоторым уступкам в интересах прежде всего польского дворянства и буржуазии.

Выступления депутатов-поляков в Думе были, разумеется, подчинены условиям думского обсуждения. Депутаты не могли выразить свою позицию по отношению к лозунгам, выдвигаемым в национальном вопросе революционной демократией Польши. Сказались, вероятно, классовая ограниченность буржуазно-помещичьего блока Польши, взгляды которого отражало Коло. В ходе обсуждений не могли не проявиться и расхождения в сфере национальной политики между представителями Царства Польского и польского населения Украины, Белоруссии и Литвы. Однако в целом для выступлений поляков в Думе было характерно утверждение об органичности и гармонии межнациональных отношений в Западном крае, которой угрожает недалековидная политика разжигания национальной розни, проводимая русским правительством. Они утверждали, что процессы национального развития не имеют социально-экономических корней и ограничены лишь сферой культуры и национального самознания народа, что политическое вмешательство в эту область губительно для государственной власти, противоречит ее целям и функциям. Однако, выдвигая "идею Польши", Коло тем самым осознанно связывало духовное и культурное само-

определение польского народа с процессом его политического и социального самоопределения.

Вместе с тем все рассмотренные выше выступления думских ораторов при всей несхожести, а порой и противоположности позиций, обладали одной общей чертой. Они исходили из того, что национальные противоречия в Западном крае замыкаются в рамках противоречий между русскими и поляками, Россией и Польшей. На эту особенность указал профессор И.В. Лучицкий, депутат от города Киева. Он поставил вопрос: "О защите какого же русского народа в Северо- и Юго-Западном крае вы говорите, когда там существует славянское племя совершенно особое, имеющее свою национальную физиономию" /2 ; 1029-1034/. Так в свойственной для кадетов эзоповой манере был поставлен вопрос о судьбах других национальностей Западного края. Пожалуй, только Трудовая группа последовательно выступила в защиту равноправия всех национальностей. В специальном заявлении трудовики подчеркивали, что законопроект весь проникнут духом национальной и религиозной нетерпимости, подавляет поляков, латышей и евреев, целиком исходит из интересов русских помещиков, в жертву которым приносится русское, белорусское и украинское крестьянство. "Истинная и главная цель, которую преследует правительство этим законопроектом, это - стравить между собой разные народности, населяющие Российскую империю, вызвать вражду и ненависть на местах и, отвлекая таким образом внимание населения от коренных вопросов государственной жизни, ослаблять его борьбу с общей системой правительственного произвола и угнетения" /2 ; 1229/. Но если трудовики, поднимая вопрос о судьбах всех народов Западного края, видели их будущее в общей борьбе с правительственным произволом, то было и иное мнение. Оно не прозвучало с думской трибуны. Его выразил М.Грушевский в статье, озаглавленной "Польская кость", посвященной так называемому холмскому вопросу. Полемизируя с графом Тышкевичем, он пишет: "Лидер польских народных демократов очевидно представляет себе современные отношения в России в виде разме-

жевания интересов двух государственных наций — великорусской и польской. То что вы, господа великороссы, не сможете проглотить, отдайте нам, полякам, а при этом помните, что и мы, и вы — Славяне! Только бы окаянному немчуре не досталось, а съедим ли мы, или вы, это безразлично — все одно попадет в славянское брюхо" . Вполне обоснованный тезис Грушевского о национальном гнете по отношению к Украине со стороны как господствующих классов России, так и Польши развивается, однако, автором в направлении к мысли о враждебности к украинцам как русского, так и польского народов. В этих условиях чрезвычайно зыбкой становится грань, отделяющая политику борьбы за национальное самоопределение, от политики национальной вражды. Эта антиномия отстаивания национальных интересов одного народа и попрания национальных прав другого постоянно присутствовала в ходе обсуждения законопроекта о Земстве в Думе.

Обсуждение законопроекта о земстве в Западном крае, начатое 7 мая, завершилось 29 мая 1910 г., когда голосами право-октябристского большинства /165 голосов за, 129 — против, при 8 воздержавшихся/ /2 ; 2839/ законопроект был принят Государственной думой. Прения по законопроекту в Государственном совете по существу свелись к двум вопросам: Совет выступил против национальных курий и против понижения имущественного ценза. Главной причиной неприемлимости национальных курий по мнению членов Совета, было их противоречие с принципом единства русской государственности. Примечательно то, что сами поляки — члены Государственного совета наиболее наглядно определили суть вопроса. Член Совета Мейштович говорил: "Почему мерить одним мерилom поляков и других русских /помещиков — Б.Н./ . Почему не вспомнить о речах депутата Скимунта /член II Думы — Б.Н./, которые так красноречиво защищали интересы всего землевладения империи". И далее: "Казалось бы, что после грустного опыта недавнего прошлого следовало бы разделять людей не по национальностям, а на приверженцев и врагов общественного порядка и строя. Между тем законопроект разделяет

русских и польских консерваторов куриями и закрепляет это разделение... он мешает русско-польскому сближению". Таким образом члены Государственного совета выступили против национального принципа организации Земства во имя сохранения классовой общности польских и русских помещиков. Это обстоятельство нуждается, однако, в дополнительных разъяснениях. Классовое единство и тем более классовый союз останутся лишь абстрактными понятиями, если не будет создан определенный политический механизм реализации общих интересов: Именно этот политический механизм и был в центре внимания законодателей. О каком союзе польских и русских консерваторов могла идти речь? В основу союза российского дворянства и польской шляхты могла быть положена общая заинтересованность в защите сословных привилегий, и с этой точки зрения принцип национальностей вступал в прямое противоречие с принципом сословности, который отличал российский государственный механизм в целом. Сословная дворянская бюрократия не могла быть национальной, поэтому национальный принцип организации Земства, даже в том виде как он был представлен в законопроекте, противоречил сословному принципу организации власти в империи, "что и проявилось в обсуждении законопроекта и по существу привело к его провалу в Государственном совете, когда против правительственного проекта объединились почти все его фракции. За законопроект было подано 23 голоса, против - 134. Однако Столыпин все же добился издания закона в том виде, как его приняла Дума. В марте 1911 года последовали высочайшие указы Сенату о перерыве занятий Государственной думы и Государственного совета на три дня с 12 по 15 марта, а затем закон был принят в порядке 87 статьи Основных законов.

Что же показало обсуждение "польского вопроса" в Государственной думе в связи с дебатами по законопроекту о введении Земства в Западном крае? Думские прения показали, что национальный и политический кризис, который переживала Россия в начале XX века, после поражения революции 1905-

1907 годов вступил в новый этап своего развития. Правительство стремилось в новых условиях возродить старые методы раздувания антипольской кампании, использовать антипольские настроения, как в 60-80-е годы прошлого века, для укрепления своего положения. Примечательно то, что как и в 60-70-е годы XIX в. новые реформы сопровождались усилением реакции в национальном вопросе, в первую очередь по отношению к Польше. Вытеснение польских помещиков и в целом польского населения из Западного края, а прилюдией к этому и должен был послужить закон о Земстве, в свою очередь открыло бы российским правым путь для дальнейшей экспансии в Царстве Польском, о чем недвусмысленно свидетельствовало последовавшее включение Холмщины в состав российских губерний.

Обращает на себя внимание известная параллель между антипольской кампанией 60-80-х годов XIX века и нагнетанием антипольских настроений в период после поражения революции 1905-1907 гг.

Обострение национальных противоречий было непосредственно связано с "бонапартистской" политикой русского правительства. Лавирование правительства, его стремление найти для себя новую социальную опору в среде буржуазии и даже части крестьянства, при сохранении господства дворянства, лавирование, наиболее проявившееся в период реформ 60-70-х гг. XIX в. и в период 1907-1916 гг., осуществлялось в условиях подъема национально-освободительного движения поляков и проходило на фоне нарастания официального национализма. Думские дебаты вполне определенно вскрыли связь вопроса о земле с вопросом национальным. Националистическая агитация российских правых, в частности, была продиктована стремлением направить недовольство крестьянства, вызванное нерешенностью аграрного вопроса, против польских помещиков, против польского населения Литвы, Белоруссии и Украины и против польского народа в целом. Так было после восстания 1863 года, так было и после революции 1905 года. Это должно было обеспечить, по мысли пра-

вых, национальную консолидацию русского крестьянства и российского дворянства, т.е. скрепить с помощью идеи национальной общности отмирающую систему сословных отношений. Национальная идея, с точки зрения правых, не противоречила принципу сословности. Однако думская полемика показала, что это не так. Даже демагогические попытки использования национальных лозунгов потребовали от правых известных уступок крестьянству. Причем, чем больше стремились правые связать интересы дворянства и крестьянства, тем более их собственные попытки вступали в противоречие с их сословными интересами, что и привело по существу к провалу законопроекта в Государственном совете. Тем самым, еще раз проявилось противоречие между сословно-корпоративной организацией общества и процессом его формирования как нации. В связи с этим был поставлен вопрос о характере российской государственности. Он вышел далеко за рамки частной проблемы функций русского государственного аппарата в национальных районах, когда правые стремились представить его как носителя русского национального начала, а их критики — как средство национального угнетения и национального отчуждения. Однако в ходе дебатов очевидно обозначилось противоречие между эффективностью бюрократических учреждений с точки зрения имперской политики и проведением ими националистического русификаторского курса. Чем в большей степени государственный аппарат становился орудием национального угнетения, тем сильнее страдали имперские интересы. Бюрократизация общества способна играть охранительную роль в отношении его социально-экономической структуры, сословного строя, политической системы, но ее способность регулировать национальные отношения крайне ограничена. В этой сфере бюрократический аппарат действителен лишь постольку, поскольку он наднационален. А когда в обществе национальные связи в области производства, социальных отношений, политики, идеологии и культуры становятся главенствующими и преодолевают территориальные, поземельные или сословные рамки, бюрократические формы управления и имперская поли-

тика изживают себя.

Казалось бы, что польский вопрос, как и национальный вопрос в России в целом в начале XX века, не имеет специфического выражения, что в области экономики национальные противоречия овеществляются в сфере производства и распределения, например, в аграрном вопросе, в социальной и политической областях – в сфере классовых отношений. Иначе говоря, по способу своего проявления национальные противоречия представляются вторичными по отношению к социально-классовым. Однако иное дело – сфера культуры и общественного сознания. Здесь национальные отношения и национальные противоречия выступают на первый план. И не случайно именно вопрос о судьбе польской и русской культуры, о польском и русском самосознании неизменно оказывался главным вопросом в думской полемике. Защита польской культуры от русификаторства, при всей непоследовательности депутатов-поляков в других вопросах, рассматривалась ими как условие возрождения идеи Польши, идеи национальной, а возможно, и государственной самобытности польского народа. Однако проблема исторического соревнования, соперничества культур, при условии абсолютизации этого соперничества, переходящего грань враждебности, – достаточно наглядно продемонстрировала, что взаимодействие культур, их сотрудничество и взаимообогащение отнюдь не исключают противоречий. Такое взаимодействие является плодотворной средой культурного прогресса, напротив враждебность, к тому же возведенная в ранг государственной политики, неизбежно влечет за собой упадок культуры как угнетенной нации, так и нации государственно-господствующей. В Думе это наглядно проявилось в аргументации правых, когда они, спекулируя на вопросе о культурной отсталости населения Западного края, стремились обосновать тезис о необходимости разрушения польской культуры, якобы исторически враждебной русскому народу и русской государственности.

В связи с этим был поставлен вопрос о роли церковной организации в процессе формирования общественного сознания.

ния и национального самосознания в частности. В ходе его обсуждения очевидно проявилось противоречие между национальным самосознанием населения и его конфессиональной принадлежностью. При этом для правых, о чем недвусмысленно сказал П.А.Столыпин, принципиальное значение имело укрепление позиций православного духовенства, для депутатов-поляков напротив - католического и униатского. Однако и те и другие пытались в своих выступлениях не затрагивать этой проблемы и подчеркивали независимость, автономность национальных связей и национальной общности от общности вероисповедания. Это объясняется отнюдь не только формальными условиями парламентских дебатов, продиктованными законом о веротерпимости. Здесь обозначилось противоречие типичное для процесса складывания национальных общностей, когда с одной стороны, происходит преодоление конфессиональных перегородок внутри нации, а с другой - установление известных национальных границ в структуре, составляющей мировую религию. Религиозные формы сознания и церковной организации феодального общества приспосабливаются к условиям национального развития, занимает подчиненное положение в системе общественного сознания и формирующих его институтов по отношению к национальному самосознанию и национальной идеологии.

Проблема формирования национальных отношений в Центральной Европе на территориях, охватывающих польские земли и западные губернии Российской империи, отнюдь не ограничивалась лишь вопросом взаимоотношений польского и русского народов. "Польский вопрос" неизбежно был связан с проблемой формирования украинской, белорусской и литовской наций. Стремление сохранить по отношению к этим народам систему идеологического, культурного и политического преобладания было характерно как для русских, так и для польских господствующих классов, о чем они заявили устами своих представителей в Думе. Это преобладание возникло исторически и объективно формировало национальные противоречия в отношениях украинцев, белорусов и литовцев как к русским и полякам, так и между собой. В свою очередь офор-

мировались и две тенденции развития межнациональных отношений в регионе, нашедшие отражение в думских дебатах. Либо русификаторство и как его возможная антитеза полонизация приведут к усугублению взаимной национальной замкнутости, а следовательно, к торможению национального развития, либо будет развиваться сложный, противоречивый процесс сотрудничества. Но последнее возможно только на путях демократического разрешения национального вопроса, свободного от политического насилия, ограничительных рамок "национальных куриЙ" и тому подобных проявлений шовинистической великодержавной политики.

Перечень депутатов Государственной думы, выступивших в прениях по первому чтению законопроекта

№	Фамилия	Фракция	Социальное положение	Вероисповедание	Губерния
1.	Чихачев В.И.	национ.	помещ.	пр.	Подольск.
2.	Стнадино П.В.	"	пот.поч.	"	Бессараб.
3.	Чхеидзе Н.С.	с-д	гр. литератор	"	Тифл.
4.	Монтвилл И.С.	Плб	помещ.	кат.	Вилен.
5.	Столыпин П.А.	Председ.	совета	министров	
6.	Богданов С.М.	национ.	помещ.	пр.	Киевск.
7.	Уваров А.А.	прогр.	"	"	Сарат.
8.	Головин Ф.А.	К-д	"	"	гор. Москва
9.	Свеницкий Г.И.	Плб	"	кат.	Вилен.
10.	Андрейчук М.С.	прав.	крестьянин	пр.	Волинск.
11.	Соколов В.С.	б.п.	свящ.	"	Костр.
12.	Булат А.А.	труд.	прис. пов.	кат.	Сувалкск.
13.	Глебов Ю.Н.	окт.	помещ.	пр.	Черниг.
14.	Ладомирский И.И.	национ.	"	"	Могил.
15.	Родичев Ф.И.	К-д	"	"	гор. Петербург
16.	Бобринский В.А.	национ.	"	"	Тульск.
17.	Марков И.Е.	"	"	"	Курск.
18.	Дымша Л.К.	коло	"	кат.	Седлецк.
19.	Шульгин В.В.	национ.	"	пр.	Волинск.

20.	Яблоновский В.Б.	коло	литератор	кат.	гор. Варшава
21.	Ефремов Ф.А.	к-д	врач	пр.	обл. Войска Донского
22.	Шингарев А.И.	"	"	"	Воронежск.
23.	Коваленко С.И.	прав.	крестьянин	"	Киевск.
24.	Кучинский А.Ф. и	национ.	"	"	Минск.
25.	Скоропадский Г.В.	К-д	помещ.	"	Черниг.
26.	Лучинский И.В.	"	"	"	гор. Киев
27.	от Крашкевич А.Д.	прав.	протоиерей	"	Минск.
28.	Завиша К.А.	Плб.	помещ.	кат.	Ковенск.
29.	От Маньковский Г.Т.	прав.	протоиерей	пр.	Подольск.
30.	Фридман Н.М.	К-д	присяжный поверенный	иуд.	Ковенск.
31.	Покровский И.П.	С-д	врач	пр.	Кубанская и Тверская обл.
32.	Ванькович С.А.	Плб.	помещ.	кат.	Виленск.
33.	Фелькерзам Г.Е.	Ок.	"	лют.	Курляндск.
34.	Сапунов А.П.	"	ст. сов.	пр.	Витебск.
35.	Савельев А.А.	К-д	помещ.	"	Нижегор.
36.	Кириллович Д.Ф.	прав.	свящ.	"	Волинск.
37.	Парчевский А.И.	коло	прис. пов.	кат.	Калишск.
38.	Замисловский Г.Г.	прав.	тов. прок- ра	пр.	Виленск.
39.	Павлович И.Я.	национ.	помещ.	"	Минск.
40.	Потулов В.А.	ок.	"	"	Орловск.
41.	Грабский В.Ф.	коло	"	кат.	Варшавск.
42.	Есьман В.К.	плб.	"	"	Гродненск.
43.	Еп. Евлогий	национ.	епископ	пр.	Люблинск. и Седлецк.
44.	Дзюбинский В.И.	труд.	надв. со- ветник	"	Тобольск.
45.	Клименко И.С.	ок.	помещ.	пр.	Черниг.
46.	Гулякин Д.П.	б.п.	крестьянин	старо- обр.	Бессараб.
47.	Амосенок В.Г.	национ.	"	пр.	Витебск.

I. Вопросы эти были подробно рассмотрены в работах А.Я. Авреха /Аврех А.Я. Вопрос о западном земстве и банкротство Столыгина. Исторические записки, т. 70, М.: Изд-

во АН СССР, 1961, С. 61-112. Его же, Столыпин и Третья дума. М.: Наука, 1968. См. также Египко А.П. Национальный вопрос в III Государственной думе. /Столыпинский план выделения Холмщины из Польши/. Канд. дисс. М., 1948.

2. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты, сессия III, ч. 4, СПб., 1910, заседание I-131.

3. Струве П.Б. *Patriotica*. СПб., 1911, С. 295.

4. Там же, С. 300-301.

5. Там же, С. 302.

6. Дмовский Роман. Германия, Россия и польский вопрос, СПб., 1909, С. 291-292.

7. Грушевский М.Н. Освобождение России и национальный вопрос. СПб., 1907, С. 280.

8. Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия VI. СПб., 1911, С. 905, 909.

9. Аврех А.Я. Вопрос о западном земстве..., С. 105-106.

В.Н.Савченко

К вопросу об этносоциальной ситуации в Галиции
накануне восстановления независимой Польши

В настоящий период наблюдается настоятельная необходимость научного исследования восточного польского национального пограничья и его пределов накануне восстановления независимого польского государства, что является одним из т.н. "белых пятен" в истории советско-польских отношений. Автор не претендует на полный анализ состояния пограничья к 1918 г. Целью статьи является попытка выявить особенности этносоциальной ситуации и развития этносоциальных процессов на порубежных польско-восточнославянских землях на территории Галиции.

Согласно принятой как в отечественной, так и в зарубежной науке вплоть до начала XX в. классификации, среди восточнославянского населения выделялись белорусы и малорусы, относимые авторами того периода наряду с великорусами к "русскому" населению. Достаточно полного эквивалента классификации начала века применительно к современным этносоциальным реалиям пока не выработано. Поэтому во избежание произвольного толкования источников представляется необходимым учитывать особенности принятой

тогда классификации коренного населения. В противном случае искажения в реконструкции этносоциальной ситуации будут неизбежны. При этом, однако, использование в настоящей статье этносоциальной терминологии начала века по отношению к коренному восточнославянскому населению является условным, и под "русскими" в данном случае следует понимать в соответствии с современной классификацией восточнославянского населения население, принадлежащее к украинскому этносу. Термин "русские" в этом случае приводится обязательно в кавычках.

В результате первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. к Австрии отошли районы, составившие позже австрийскую провинцию Галиция. Восточную часть этой территории населяло преимущественно униатское /"русское"/ население, западную — преимущественно католическое /польское/. В 1809 г. от Галиции отошел Замойский округ на северо-востоке /с 1815г. в пределах России/. В 1846 г. к Галиции была присоединена территория бывшей Краковской республики на левом берегу Вислы. Условия исторического развития Галиции в составе Австрийской империи оказали свое влияние на ход социальных и национальных процессов в крае в течение XIX — начале XX вв. Исторически сложившееся господство польского помещичьего землевладения на всей территории Галиции, как и в других районах пограничья, явилось важным фактором, определившим своеобразие этносоциальной ситуации в крае.

Господство польского элемента в экономической и политической жизни всей Галиции было фактически безраздельным и исключительным сверху донизу, чему способствовала политика, проводимая в крае правящими кругами империи. Для "русского" населения, представленного практически лишь малоземельным крестьянством и униатским духовенством /в основном низшим/, место в социально-классовой структуре и национально-религиозная принадлежность являлись почти тождественными понятиями. Укрепляя позиции австрийского элемента в сфере высшего управления в крае, австрийские правящие круги одновременно содействовали ассимиляторским

устремлениям польских господствующих классов в отношении коренного восточнославянского населения в Галиции — русинов. В то же время, учитывая непримиримую позицию польских помещиков по отношению к национальным интересам русинов в крае, а также рост социально-классовых противоречий между господствующими классами в Галиции /практически исключительно польскими по национальному составу/ и крестьянским населением /как униатским, так и католическим/, австрийские правящие круги добились разделения галицийского населения на два враждебных национальных лагеря — польский и "русский". Исторические особенности духовного развития, прежде всего в связи с ролью униатской церкви /а позднее и значительной части возникшей национальной интеллигенции/, позволили утвердиться в самосознании подавляющего большинства русинов идее общерусского единства всего восточнославянского населения, в соответствии с которой коренное население "...считает и называет себя русскими /"русский", "русин"/, а в литературе часто обозначается как "русины"¹. Сравнительно низкий уровень национального самосознания населения всей Галиции, где как и на всем пограничье вероисповедание выступало ведущим критерием национальной принадлежности населения, свидетельствует о незавершенности процессов национальной консолидации в крае. И русскими и польскими авторами отмечается наличие сохранившихся элементов самобытности этноязыковых групп как среди католического /польского/ населения — галицкие мазуры, гуралы /горалы/, краковяки /краковяне/, так и среди униатского /"русского"/ — лемки, бойки, гуцулы, подоляне и т.д. "Русское" население края, являвшееся продолжением этнического массива восточнославянского населения Подолии, Волыни, Холмщины, наиболее часто обозначается как русины. В научной литературе термин "русины" закрепился прежде всего именно за "русским" населением Австро-Венгрии, обозначаемым также в работах /прежде всего русских авторов/ как малороссы. Термин же "украинец", "украинский", как отмечают и советские авторы, появился в Галиции лишь к концу XIX в.², и первоначально, согласно многочисленным свиде-

льствам, в работах русских, польских, галицийских авторов, русского и австрийского военных ведомств, являлся понятием политическим, а не национальным. Так, согласно секретным австрийским данным времен уже даже I-ой мировой войны, "пока что украинская идея не совсем проникла в русское простонародье, тем менее замечается это в российской Украине"³. В работах авторов, вышедших из коренного "русского" населения Галиции, отмечается, что термин "украинец" в рассматриваемый период обычно отождествлялся населением с принадлежностью к политическому лагерю противников идеи общерусского единства и русской государственности, в связи с чем категорически отвергался "русским" населением" в качестве национального самоназвания /например, на Лемковщине/⁴. На основе глубокой исторической традиции общерусского единства коренного восточнославянского населения Галиции, в XIX в. сложилось массовое культурно-политическое течение, получившее название "русофильство" или "москвофильство". Представители разных его поколений, хотя и отличались по своему социальному мировоззрению, исповедывали идеи национального единства всего русского населения под эгидой России, выступая против национально-религиозного и социального гнета польских господствующих классов. Москвофилы стремились приобщить население к "общерусской культуре", пропагандируя русский литературный язык и другие достижения культуры, установив прочные контакты с общественными, политическими, религиозными и культурными деятелями современной им России. Движение сыграло значительную роль в национальном возрождении галичан. В начале XX в. сложилась группа "галицко-русских социалистов", выпускавших во Львове журнал "Новая жизнь"; в котором приветствовалось приобщение к русской художественной и общественно-политической литературе, "начиная Пушкиным и кончая плеядой "молодых", сплотившихся вокруг Горького, не говоря уже об экономистах, начиная Плехановым, Делезняковым, Богдановым и кончая Лениным-Ильиным"⁵. Как отмечает А. Яршенко, ссылаясь на свидетельство К. Плехатого, этим

журналом "интересовался Владимир Ильич" /Ленин/⁶. Показательно, что, связывая дальнейшую судьбу "русского" населения в Галиции с историческими судьбами России, москвофилы обнаружили активное стремление к сотрудничеству с царской администрацией в период вступления русских войск в Галицию в 1914 г., после свержения царизма – с Временным правительством, а в период продвижения Красной Армии в ходе польско-советской войны в 1920 г. в Галицию и образования Галицкой Советской Республики – стремление к сотрудничеству с народной властью в крае⁷.

По мере углубления социальной дифференциации среди восточнославянского населения края во второй половине XIX в. складывалось культурно-политическое течение "украинофилов" /украинцев/ или "народовцев". Украинофилы ратовали за национальное развитие восточнославянского населения на основе региональной самобытности. В отличие от москвофилов они подчеркивали общность происхождения исторических судеб русинов Австро-Венгрии прежде всего с восточнославянским населением Холмщины, Волыни, Подолии, Украины⁸, видя будущее восточной Галиции в единстве "всех украинских земель от Карпат до Дона". Выступая, как и москвофилы, против всевидя польских господствующих классов в Восточной Галиции, украинофилы также выражали стремление русинов Галиции к освобождению от польского национально-религиозного и социального гнета. Однако, если москвофилы при этом искали опору прежде всего в исторических традициях духовной общности с Россией и "всем русским народом", то украинофилы ориентировались прежде всего на поддержку австрийских правящих кругов, рассматривая ее как более реальную опору в борьбе против безраздельного господства польского элемента в социально-экономической сфере. В связи с этим движение украинофилов /объединявших, как и москвофилы, целый ряд партийных группировок/ приобретало в начале XX в. все более резкую антироссийскую направленность в качестве необходимого условия сотрудничества с австрийской администрацией. Последняя в свою очередь всемерно поддерживала украинофильское течение, видя в нем своего союзника не только в

борьбе против традиционного стремления русинов к единению с Россией, но и в планах территориальной экспансии за счет России, а также опору для осуществления своей политики в отношении польских помещиков в Галиции. /В противоположность этому, деятельность москвофилов, особенно к концу XIX – началу XX вв., рассматривалась венским кабинетом как откровенное проявление сепаратизма по отношению к Австро-Венгерской монархии/. Очевидно, не случайно период расцвета украинофильства в Галиции приходится на период складывания германо-австро-венгерского блока, противостоящего странам Антанты. Все это уже к концу XIX – началу XX вв. и особенно в канун Первой мировой войны предопределило разделение культурно-политических течений русинской общественности на два непримиримых по своей идеологической направленности и национально-политической ориентации лагеря, что активно использовалось в осуществлении своей политики как австрийскими правящими кругами, так и польскими господствующими классами в крае⁹. В связи с этим, несмотря на этническую общность восточнославянского населения Австро-Венгрии с населением Украины /согласно русским авторам, и там и там – русины-малоросы /, называть его в Австро-Венгрии "украинским" значило бы отождествлять все восточнославянское население Австро-Венгрии лишь с одним из двух общественно-политических течений русинской общественности в Галиции, противников идеи общерусского единства, что было бы неверно с исторической и социально-политической точки зрения.

Польские господствующие классы в крае, в свою очередь, использовали раскол русинской общественности на два лагеря для продолжения политики колонизации русинской части Галиции. Официальные и неофициальные польские политические круги рассматривали русинов Галиции лишь как часть "исторической польской народности", подчеркивая, что в Галиции нет двух национальностей – есть две религии. Проводились меры по заселению русинской части Галиции польско-католическим населением путем скупки и перепродажи земель мало-

имущих крестьян-русинов. Следствием экономического и национально-религиозного гнета явилось массовое обезземливание и вынужденная эмиграция галичан преимущественно в Америку. Только с 1880 по 1910 гг. выехало свыше 800 тыс. чел., преимущественно русинов¹⁰. Все это оказало свое влияние на своеобразие этносоциальной ситуации в Галиции к 1914-1918 гг.

Исключительное господство поляков в административном аппарате Галиции в условиях социально-экономического господства польского элемента в крае предопределило пропольскую направленность в официальной статистике численности и размещения населения Галиции по национальному составу. Материалы официальных австрийских переписей послужили основой как для польских, так /за неимением других источников/ и для русских авторов. Поэтому, несмотря на довольно значительную литературу по этнографии Галиции к 1914 г., представленная там трактовка этносоциальной ситуации носит в целом однобокий характер.

В работе П.И.Шафарика, одной из первых, где рассматривается численность и размещение русинов и поляков в Галиции, русско-польский рубеж проводится по линии: Уланов - Гродзиск - Березов - Змигород - Дукля - Горлице - Грибов - Попрад /плюс 4 деревни за Попрадом/¹¹, которая принималась без изменений или почти без них подавляющим большинством авторов, в том числе русских. Однако польско-русская линия у Шафарика как в Галиции, так и на всем пограничье - это линия между компактным католическим и униатским населением в крае, что предопределило значительные неточности в численности и размещении населения края по национальностям в пользу поляков за счет русинов-католиков. При этом, как свидетельствует русский автор А.С.Будилович, Шафарик, исходя из того, что все католики - это поляки, считал, что "русских" даже во всей Австро-Венгрии /включая Буковину и Закарпатье/ меньше, чем поляков. Будилович же указывает, что значительная часть католиков это малоросы /русины/, которых он насчитал к 1875 г. то-

лько в Галиции до 150 тыс.¹². Будилевич подчеркивает, что австрийские и венгерские авторы, хотя и увеличивают численность поляков за счет "русских", тем не менее указывают на преобладание в Галиции "русских", а не поляков. Об этом же говорят сведения даже из официальной статистики: в 1869 г. 44% "русских" против 42,4% поляков¹³. Г.Симоненко в 1879 г. отмечает значительное преобладание "русского" населения над польским в Галиции¹⁴. А.Риттих /1874 г./ также считает, что "русских" там больше, чем поляков¹⁵. К концу XIX в. и особенно в начале XX в. численность поляков в официальной австрийской статистике уже существенно превышает численность "русских", что, очевидно, связано с усилением антирусской политики, проводимой австрийскими правящими кругами в Галиции при поддержке польской аристократии и помещиков. Польские авторы этого периода, беря за основу данные официальной статистики, довольно

единодушно указывают на преобладание в Галиции польского населения. Они фактически отрицают наличие среди русинов края католиков, а среди поляков отмечают униатов и даже православных. К полякам нередко относят всех, "кто близок" по обычаям, культуре, вероисповеданию¹⁶. В соответствии с официальной статистикой, к польскому, ссылаясь на пользование польским языком, относят и почти все еврейское население Галиции /причем, в Восточной Галиции оно оставляет большую долю, чем в Западной Галиции, 13,5% против 8%/¹⁷. Оно, наряду с "русскими" католиками, и образует большинство в "польских" этнических островах Восточной Галиции. В пользу этого свидетельствуют и русские,¹⁸ и советские авторы¹⁹. Польские авторы, исходя из данных австрийской статистики 1910 г., находят в Восточной Галиции 1350858 католиков /во всей Галиции 3731569 католиков/²⁰, в связи с этим отмечают там ряд районов с большинством польского населения, прежде всего в уездах вокруг Львова, в районе Самбора и Дрогобыча, в ряде восточных уездов, а также польские меньшинства /от 10% до 50%/ в других уездах²¹, на-

считывая во всей Восточной Галиции до 35% польского населения²². При этом наибольшее внимание польские авторы уделяют Восточной Галиции и польскому меньшинству на ее территории, а об этносоциальной и религиозной ситуации в районах Западной Галиции приводят лишь самые общие сведения. Все это конечно отражается на выводах о численности и размещении польского и "русского" населения в Галиции. Подавляющее большинство русских авторов, особенно в начале XX в., критически оценивают данные австрийской статистики. Они отрицают правомочность причисления евреев, а также абсолютно всех католиков, к полякам, отмечая, что в Восточной Галиции численность поляков, заведомо преувеличена "включением крещеных евреев и русин-католиков"²³. Подчеркивается, что униатами и православными являются только русины, в связи с этим данные официальной статистики о численности униатов ближе к фактической численности "русских", чем данные по собственно национальному составу /в австрийской статистике - по родному языку/. При этом следует учесть, что значительная часть русинов - католиков и небольшая часть - православные. Указывается, что среди католиков, говорящих по-польски, много тех, кто помнит свое русинское происхождение и не считает себя поляками²⁴, много и двуязычного /польско-"русского" населения/. Часть же "русского" населения причисляет себя к полякам в силу социально-экономических условий существования²⁵. Отсюда выводы русских исследователей о численности "русских" в Галиции", составленные на базе австрийской статистики, даже на основе данных о численности униатов - 3378²⁶ /австрийские данные 3379,6 тыс./²⁷ на 1910 г. и с поправкой /от 200 тыс. до 500 тыс.²⁸/ на католиков-русинов /всего следовательно от 3578 до 3878 тыс./ из общей численности населения Галиции /8025 тыс. - 8030 тыс. человек²⁹/ следует признать заниженными.

Особый интерес представляют данные непосредственно предвоенного и военного периода. Следует, конечно, учесть, что данные некоторых русских авторов при этом, в извест-

ной степени могли отражать стремления правящих кругов России к обоснованию планов территориальной экспансии. Однако, справедливости ради, необходимо указать и на аналогичные позиции авторов австрийской стороны. Кроме того, правящие круги царской России, весьма заинтересованные в привлечении польской буржуазии и помещиков к активному сотрудничеству в войне против Австро-Германского блока, были вынуждены считаться с позицией польских общественно-политических кругов /как в Царстве Польском, так и в Галиции/ по вопросу о территориальных пределах русских и польских интересов в Галиции. В этих условиях царская администрация вряд ли могла пойти на обострение русско-польских противоречий, к тому же в отношении не завоеванных еще областей.

Непосредственно в предвоенный и военный период общественно-политическая ситуация в крае в немалой степени оказала влияние на формирование национальной ситуации. Украинские партии единым фронтом открыто выступали с австрофильских позиций, ратуя за создание "независимой Украины", стоящей на позициях австро-германской ориентации и противопоставляя ее России и русским. Москвофильство же ввиду его прорусской ориентации рассматривалось австрийскими правящими кругами как крайне опасное течение с точки зрения целостности Австро-Венгерской монархии и подвергалось гонениям. Г.Лысогорский подчеркивает, что во время последней переписи многие униаты принимали католичество и определяли для официальных сведений свой родной язык как польский, опасаясь репрессий³⁰. А.Яринович отмечает, что более 150 тыс. русинов приписывают себя к полякам в связи с социально-экономическими условиями существования³¹. В то же время русские авторы, опираясь и на официальные австрийские данные, свидетельствуют об активизации борьбы русинского населения за национальное равноправие в предвоенные годы, о дальнейшем росте его национального самосознания и стремления к единству с Россией. Авторы указывают на процесс обрусения польского населения в Восточной Га-

лиции³². Австрийская перепись 1910 г. отмечает значительный процент прироста униатского и "русского" по языку населения в уездах Западной Галиции /помимо "русского" и униатского населения Лемковщины/, и даже его появление в уездах, в которых оно ранее не отмечалось /уезды Мелец, Лиманова/³³. В работах русских авторов военного периода отмечается значительное преобладание "русского" населения Галиции над польским. Авторы отходят от традиционной "русско"-польской этнической /т.е. униатско-католической/ границы и определяют ее севернее и западнее последней, в общих чертах - примерно от устья Сана вверх по нему до впадения Вислока, по Вислоку далее в направлении к Дунайцу между Карпатами и Вислой³⁴ /общее направление этой линии находит подтверждение в более поздних работах/, выражая уверенность, что при изучении западных районов Галиции будут выявлены "не вполне утратившие свою русскую народность группы /населения/. Все они должны быть отнесены к русскому народу"³⁵.

На основе анализа и сопоставления данных русских /в том числе данных русского генштаба³⁶/ и польских авторов³⁷, отчасти официальной австрийской статистики³⁸, распределение населения Галиции по национальному составу к 1914 г. представляется следующим:

Территория	Общ. численность	евреи	немцы	др., кроме славянско-го населения	славянское население /"русские" и поляки/ *
Вост. Галиция	5334000	859130	65786	5334	4403750
Зап. Галиция	2696000	214332	40440	2696	2438532
Вся Галиция	8030000	107462 ^{**}	106226	8030	6842282

* Поляки вместе с частью евреев и немцев католиков.

** по П.Оссовскому, только в Восточной Галиции около 1 млн. чел. евреев³⁹.

Согласно М. Грушевскому, первый австрийский губернатор Галиции Перген насчитывал в крае при общей численности 2 млн. чел. $2/3$ "русских" и около $1/4$ поляков⁴⁰. Учитывая, что даже по австрийским и польским данным прирост униатского населения /то-есть даже только части "русского"/, по меньшей мере не уступает приросту католиков /русские же авторы показывают, что прирост "русских" "очень велик и постоянно повышается/⁴¹, а "русский" этнический массив "очень устойчив", то из 8,03 млн. чел. населения Галиции к 1914 г. "русских" могло быть не менее 5,35 млн. чел., при 2 млн. поляков /к последним, очевидно, относятся евреи, немцы и др., по крайней мере частично, поскольку вместе их численность значительно больше оставшихся 680 тыс. чел./.

А. Липранди в 1901 г. считает, что поляков в Галиции не более, чем "русских" в Царстве Польском, определяя численность поляков в Галиции около 1 млн. чел., или не более 15% всего населения, при 70% "русских"⁴², что к 1914 г. должно было бы составить до 5,62 млн. чел., и 1,205 млн. поляков. Г. Лысогорский в 1915 г. указывает, что из 8 с лишним млн. чел. население Галиции при последней переписи было показано около 5 млн. чел. "русских" и три с небольшим млн. поляков⁴³ /к последним, очевидно, относятся еврейское и другое население, а также часть "русского" католического населения/, считая, что численность поляков сильно завышена /"...много ли из них было настоящих поляков?"⁴⁴/. Автор подчеркивает, что "кровных родовых поляков, т.е. велико и малополян в Галиции почти нет"⁴⁵. В пользу этого свидетельствуют и москвофилы в Галиции⁴⁶/. Известный галицко-русский общественный и политический деятель Д. Вергун также насчитывает до 5 млн. "русских", в т.ч. около 0,5 млн. католиков, только в Восточной Галиции, при общей численности "русских" в Австро-Венгрии до 6 млн. чел.⁴⁷. Профессор П. Казанский, принимая численность 6 млн. чел., определяет для Закарпатья и Буковины свыше 1 млн. чел., а в Восточной Галиции до 4 млн. чел., в т.ч. 0,5 млн. католиков⁴⁸ /4 млн. "русских"

насчитывает в Восточной Галиции и П.Оссовский⁴⁹, т.е. для всей Галиции те же 5 млн. чел. Около 5 млн. "русских" галичан насчитывает также в 1915 г. В.И.Пономарев⁵⁰. Советские авторы отмечают к 1914 г. в Галиции и на Холмщине восточнославянского населения 6780 тыс. чел., поляков же 1050 тыс.⁵¹, т.е. на Галицию "русских" приходится значительно более 5 млн. чел. и менее 1 млн. поляков. Учитывая недостаток данных, представляется обоснованным остановиться на оценке численности "русского" населения Галиции к 1914 г. в 5 млн. чел., в т.ч. в Восточной Галиции - 4 млн. чел., считая это лишь минимумом. Тогда в соответствии с приведенными выше расчетами, соотношение "русского" и польского населения Галиции представляется следующим:

	Вост.Галиция	Зап.Галиция	Вся Галиция
"русские"	4000000 чел.	1000000 чел.	5000000
поляки /вместе с частью католиков, евреев и немцев	403750	1438532	1844482
	7,57%	53,36%	22%

По данным же австрийской переписи 1910 г.:

- "русских" /по языку/	- 3208092 чел.	- 40,2%
- поляков	- 4672500	- 58,55%
католиков же	- 3732961	- 46,5%

Польское население в Восточной Галиции, согласно русским и польским авторам, составляло наряду с евреями большую часть населения городов. "Русское" же ее население, как подчеркивают русские авторы /в т.ч. всеенные из генштаба/, расселяется компактно, составляя почти сплошное сельское население, так же как и на Лемковщине в Западной Галиции, где среди русинов нет ни одного католика. Но если "русские" составляют 4 млн. чел. населения Восточной Галиции и 3,4%, т.е. 91664 чел. "русских" униатов в Западной Галиции, то оставшейся части "русского" населения - 908336 чел. больше расселяться нигде, кроме как в католической Западной Галиции, которую подавляющее большинство

исследователей традиционно относило к польской по национальному составу территории. В связи с этим весьма интересна характеристика католического /польского/ населения, образующего сплошную массу населения в районах Западной Галиции.

По данным русского генштаба, польское /т.е. католическое/ население Западной Галиции разделяется на три группы: краковяки /краковяне/ или кракусы в окрестностях Кракова, горалы /гуралы/ в Прикарпатье к юго-западу от Кракова и мазуры, которые занимают всю остальную часть Западной Галиции от р. Рабы до Сана⁵⁴. Авторы указывают на резкое отличие мазур от краковяков /собственно поляков, т.е. малополян/. /Мухомов же, относя, следуя традиции, католиков-мазуров к польскому населению, в то же время отделяет их от поляков⁵⁵. Они считают, что по психологическим особенностям и физическому облику мазур, составляя противоположность краковякам, обнаруживают прямое сходство с "русским" населением Галиции⁵⁶. При этом краковяки говорят "на чистом польском языке", мазуры же "неправильно говорят по-польски", на смешанном наречии, вставляя много малороссийских слов⁵⁷. Польский автор Свентек свидетельствует об отличии мазур /в районе Рабы/ от своих западных соседей и по особенностям духовной и материальной культуры, и самосознанию, и разговорной речи, и по происхождению /считают себя мазурами "и говорят речь мазурской", шляхты между ними нет, "все крестьянского сословия"⁵⁸. В. Дайчак считает, что мазуры в Восточной Галиции, говорящие "по-русски". Общность населения на мазурской территории по особенностям элементов материальной и духовной культуры, самосознания /мазуры "четко отличают себя от поляков, а свою речь от польской"/, по чертам местной речи, связанной с распространением "русских диалектических особенностей", и по сходству этого населения по различным этнографическим параметрам с "русскими" прослеживается позже в работах польских этнографов 2-ой половины XIX в., при этом ими отмечается связь особенностей духовной культуры населения с особен-

ностями некогда бывшей здесь "греческой церкви"⁶⁰ /согласно русским авторам - вплоть до I4-I5 вв./ По материалам русского генштаба краковяки/собственно поляки/"не любят русское правительство и государство ... враждебны к России и всему русскому"⁶¹, мазуры же "отличаются особой ненавистью к ксендзам и панам", "наиболее склонны к сближению с русским населением", более прочих поляков /католиков/ являются "склонными к дружбе с Россией"⁶². Согласно сведениям русского генштаба, "горалы сходны на характер мазур"⁶³. На общность элементов этнографии горалов /гуралей/, по крайней мере в Татрах, и населением так называемой "Руси Шляхтовской" - к востоку от них, указывают польские этнографы XX в.⁶⁴. Русские авторы отмечают, что польские колонисты в Восточной Галиции /галицкие мазуры/ быстро утрачивают "свою национальность и вполне сливаются с русинами"⁶⁵. На это указывает Дэйчак⁶⁶. Свидетельства в пользу этого приводят и советские авторы⁶⁷.

Особый интерес представляют данные о национальной ориентации галицких мазуров. Широкую известность получили факты восторженной встречи наступающих в 1914 г. русских армий коренным местным населением, прежде всего сельским, как в Восточной так и в Западной Галиции /то-есть мазур/⁶⁸, в то время как отношение собственно поляков /т.е. прежде всего представителей господствующих классов, административного аппарата, католического духовенства/ характеризуется как "политика выжидания и в связи с этим крайняя консервативность"⁶⁹. Имеющиеся данные свидетельствуют в пользу того, что отмеченные выше особенности галицких мазуров, сближающие их с русинским населением и отличающие от собственно поляков, прослеживаются и в плоскости социальных отношений. Многие исследователи разделяли поляков в Галиции на "мазуров" /т.е. крестьян/ и шляхту /т.е. собственно поляков/, отмечая при этом, что подобно русинам в Восточной Галиции /в огромном большинстве крестьянам/, галицкие мазуры традиционно видели в единении с Россией путь к решению социально-политических проблем⁷⁰. Традици-

онно пророссийские национальные симпатии и антипольская социально-политическая ориентация, наводя на мысль о сомнительном в рассматриваемый период национально-политическом единстве между польскими господствующими классами и обособленными от собственно поляков в этническом и языковом отношении крестьянами-мазурами в Галиции. Объединяющим признаком для отнесения тех и других к польскому населению здесь выступало, в сущности, лишь католическое вероисповедание /польским языком в той или иной степени владела подавляющая часть населения всей Галиции/. В связи с этим следует отметить, что общность происхождения "русского" /униатского/ и польского /католического/ населения всей Галиции не вызывает сомнений у русских исследователей XIX-XX вв. В возможности же мазурской /мазовецкой/ колонизации с севера /из Мазовии, например/ сомневаются даже современные польские авторы /Я.Войтович⁷¹, Ф.Котула/. Очевидно, под мазурами в Галиции следует понимать не этнически польское /и не собственно мазурское/, но католическое население /подобно собственно мазурам-мазовшанам/. Вероисповедание здесь выступало в качестве ведущего фактора разделения "русского" населения и его ополячивания, на что указывают русские авторы.

Сложность получения информации русскими авторами относительно национального облика районов Галиции явилась, очевидно, основной причиной слабой изученности этносоциальной ситуации в католических районах Западной Галиции. Вслед за польскими исследователями русские, а затем и советские авторы относят католические районы Западной Галиции к рассматриваемому периоду к польской национальной территории, где решающим фактором в пользу этого выступает лишь католическое вероисповедание и знание населением польского языка. Интересно отметить, что русские и галицко-русские авторы, на основании комплексного учета языковых и этнических данных, свидетельств социально-исторического порядка, ссылаясь и на польских авторов, и польские документы, указывает не просто на общность происхождения

коренного славянского населения всей Галиции, а именно на его русское происхождение и первоначальную принадлежность к православию. Д.Зубрицкий, например, отмечает "нашу, в буквальном смысле слова бедность сведений о братьях наших ... непростительно забытых вами и нашими историками, географами и т.п."⁷² и указывает, ссылаясь на польского хрониста Ванцентия Каллубека, что восточнославянские племена белых хорватов, столицей которых был Краков и которые расселились на запад вплоть до Силезии, "употребляли русский язык" и придерживались православия⁷³ вплоть до их окатоличивания в I3-I4 вв. То же мы видим и у Витковского⁷⁴. Ссылаясь на данные католического епископа Перемышля С.Сарновского, Зубрицкий пишет, что "перемышльская епархия /некатолическая/ содержала в себе в древнейшие времена 3400 приходов и около 3000000 душ, а теперь едва 700 приходов и 770 душ"⁷⁵. А.Лонгинов ссылается на работу "PoJó-lia" польского географа Кразинского, который "признал, что юго-западная Русь начиналась неподалеку от Кракова, а Длугош писал о несочувствии краковян польскому праву"⁷⁶. Лонгинов пишет, что в документах отмечается "национальная обособленность Краковского округа"⁷⁷ /от польских земель/ и т.д. Польские авторы не отрицают общность происхождения коренного славянского населения всей Галиции, однако рассматривают его как потомков польских колонистов, составляющих часть "исторической польской народности".

В свете сказанного выше и объясняется стремление искать в рассматриваемый период "русское" население также и среди католического населения Западной Галиции, о чем свидетельствуют приведенные выше расчеты численности населения по национальному составу на территории расселения галицких мазур и в восточной части расселения горалов /гуралей/ в районе Татр. Русские авторы отмечают, что мазуры Галиции - это крестьянское население края. На основе данных австрийской переписи 1910 г. численность сельского католического населения уездов мазурской и части горальной территории Западной Галиции составляет около 1430 тыс.

чел.⁷⁸, что не исключает возможности наличия там, наряду с польскими, еврейскими и немецкими католиками, 908,3 тыс. католиков, показанных "русскими", примерно к востоку от линии: устье Сана-Висла-Раба-Черный Дунаец. В эти пределы "вписываются" и меньшинства униатского и "русского" населения Западной Галиции, отмечаемые польскими, русскими авторами, а также австрийской статистикой. При этом согласно последней униатское и "русское" население отмечается и западнее этой линии в пределах уездов: Величка - 0,7%, Краков - 0,3% и даже в самом Кракове - униатов 1,8%, а также уезды Освенцим и Хржанов на левом берегу Вислы⁷⁹.

На основе анализа социально-политических условий развития Галиции, данных о численности и размещении населения по национальностям и о его происхождении, представленных в работах русских, польских и других авторов, было бы возможно определить численность "русского" населения края до 5 млн. чел. к 1914 г. Районы его компактного расселения охватывали бы тогда не только всю Восточную Галицию и Лемковщину в Западной Галиции, но и ее католические районы. Однако недостаток конкретных данных по языку, этнографии и происхождению католического населения Западной Галиции, не позволяет отнести эти районы к восточнославянской /"русской"/ территории. Они составляют, очевидно, так наз. "переходную зону" между "русской" и польской национальными территориями в начале XX в., западные пределы которой могли охватывать район примерно по линии: р. Сан-Висла-Раба-Черный Дунаец-Карпаты. Ввиду крайнего недостатка данных, остается открытым вопрос относительно оставшейся части Западной Галиции, во всяком случае, по правому берегу Вислы. /Интересно, что выделенные пределы, примерно, схожи с политическими рубежами между русскими и польскими землями, которые, согласно русским авторам, проходили до XI-XII вв. примерно по линии: Татры-Бохня-адоль левого берега Вислы-устье Сана/⁸⁰. Польское же население Галиции, которое распределялось в основном.

рассеянно, составляя, наряду с еврейским, большую часть жителей городов, представителей административного аппарата, господствующих классов, католического духовенства, а в этом случае составляло более менее компактную массу населения, вероятно, лишь в западных и северо-западных районах Западной Галиции. Тогда более или менее обоснованные пределы ареала "русской" территории в Галиции к рассматриваемому периоду идут примерно по линии: р. Сан - р. Вислок - г. Новый Санч-Кросьценко, что подтверждается многими авторами этого периода, а также и более поздними данными. При этом следует отметить, что учитывая специфику национально-этнической ситуации края и недостаток многих данных, выделенная здесь линия, как и на всем пограничье, достаточно условна. Советские авторы межвоенного периода относят к восточнославянской территории Восточную Галицию и Лемковщину по линии: Жегестов - Горлицы - Санок - Дубецко - Ярослав - Синява⁸¹. Согласно Рудницкому и Скрипнику-советским украинским авторам-правильная линия: Карпаты - Грибов - Горлицы - Дукля - Санок - Ярослав⁸². В работе С.А.Токарева 1958 года /правда, на мелкомасштабной карте - 1:20000000/, западные пределы восточнославянских языков и диалектов⁸³ очень близки к рубежам, выделенным для "русского" населения Галиции к 1914 г.

С началом Первой мировой войны австрийские правящие круги под предлогом борьбы с москвофильством развернули массовый террор среди "русского" населения, принявшего форму откровенного геноцида⁸⁴. Те, кто открыто разделял идею об общности происхождения и этнической общности русинов Галиции и русского населения России /не говоря уже о сочувствующих действиям русских войск и русской администрации в Галиции/, объявлялись военными преступниками и подлежали физическому уничтожению. Для выявления наиболее активных сторонников идеи общерусского /но не украинского/ единства были привлечены силы полиции, армии, украинские организации. Естественно, что борьба против москвофилов не могла не затронуть широкие массы коренного населения.

Признание себя русином /а не украинцем/ зачастую было равносильно подписанию себе смертного приговора. Была создана сеть концлагерей, где содержались наиболее активные сторонники единства с Россией, открыто считавшие себя русскими /в том числе женщины и дети/. Как отмечает советский автор В.Осечинский, эти лагеря "вскоре превратились в пункты физического уничтожения людей"⁸⁵. За годы войны только в Восточной Галиции общие потери коренного населения составили до 0,5 млн. чел. /особенно во Львовском уезде - 114 тыс., Станиславском - 159 тыс., Тернопольском - 176 тыс.⁸⁶/.

1. Токарев С.А. Этнография народов СССР, М., 1958, С. 33.
2. Пашаева Н.М., Климова Л.И. Галицко-русская матрица во Львове и ее издательская деятельность. Исследования и материалы. Сб. XXXIV. М., 1977, С. 62.
3. Военные преступления Габсбургской монархии 1914-1917 гг. Галицкая Голгофа. USA. 1964, С. 31.
4. Карпато-русский календарь Лемко на 1922 г. Ужгород, С. 42.
5. Малкин В. Первая русская революция и активизация русофильского движения в Галиции, Львов, 1956, С. 15.
6. Ярошенко А.В. В.И. Ленин и революционный дух на западно-украинских землях, Львів, 1969, С. 58.
7. Zakę Z. Radziecka Ros-ja i Ukraina wobec sprawę państwowej przynależności Galicji wschodniej 1920-1923 r. // *Żdziejów stosunków polsko-radzieckich*. T. VI. KIW. 1970. S. 73-74.
8. Галичина, Буковина, Угорская Русь. М., 1915.
9. Ястребов Н.В. Галиция накануне Великой войны. 1914, Петроград, 1915. С. 130-133.
10. Зубковский В. Галиция, Краткий обзор географии, этнографии, истории и экономической жизни страны. Харьков, 1914, С. 12-13.
11. Шафарик П. Славянское народописание. М., 1843, С. 21.
12. Будилович А. Статистические таблицы распределения славян СПб., 1875, С. 13-21.
13. Австро-Венгрия. Отдел Ш. Военный обзор восточных областей. СПб., 1879, С. 146.
14. Симоненко Г. Сравнительная характеристика Царства Польского. Варшава, 1879. С. 416.
15. Австро-Венгрия. Отдел I. Общая статистика, СПб., 1874. С. 41.
16. Курнатовский Г. Этнографическая Польша, М., 1914, С. 21.

17. Христиани Г.Г. Передовой театр Австро-Венгрии, в военно-статистическое исследование; СПб., 1902, С. 273.
18. Большая Энциклопедия .СПб., 1903-1904. Т. 15, С. 421.
19. Марчук С.А. Этносоциальное развитие и национальные отношения на западноукраинских землях в период империализма. Львов, 1983, С. 39.
20. Курнатовский Г. Ук. соч., С. 26.
21. Там же.
22. Там же.
23. Большая энциклопедия /дореволюционная/, т. 15, С. 421.
24. Уланов В.Я. Галиция в ее прошлом и настоящем. М., 1914, С. 4.
25. Лысогорский Г.А. Галицкая Русь, М., 1915, С. 64.
26. Зубковский В. Ук. соч., С. 12.
27. Podręcznik statystyczny Galicji. Lwów, 1913. IX, cz II. S. 8.
28. Грушевский М. К польско-украинским отношениям в Галиции. Вып. I-IV. Киев, 1905, С. 14.
29. Вульфсон Э.С. Галиция до великой европейской войны. М., 1915, С. 29.
30. Лысогорский Г.А.Ук. соч., С. 62.
31. Яринович А. Галичина в ее прошлом и настоящем. М., 1915, С. 24.
32. Dajczak W. Lud polski na ziemiach szeregopruskich. Lwów, 1906. S. 14.
- Оссовский П. Новые владения России в Западной Европе. Киев, 1914, С. 21.
33. Podręcznik statystyczny... S. 17.
34. Лазоревский В. Русский народ в Карпатах. Галицкая Русь и ее борьба за свою самобытность. Киев, 1915, С. 7-8.
35. Казанский П. Современное положение Червоной Руси. Одесса, 1914, С. 6.
36. Австро-Венгрия. Военно-статистическое описание. Ч. I. Восточно-Галицийский район. Пг., 1915, С. 142.
37. Вијак Ф. Galicja. Lwów, 1908-1910. т. 1. S. 70.
- Австро-Венгрия. Военно-статистическое описание, Ч. I, С. 151; Там же. Ч. II, С. 120.
38. Podręcznik statystyczny... S. 8.
39. Оссовский П. Новые владения России в Западной Европе. Киев, 1914, С. 22.
40. Грушевский М. Ук. соч., С. 14.
41. Грушкевич М. Взгляд на прошлое, настоящее и будущее Прикарпатской Руси в связи с великой войной. Ростов-на-Дону, 1917, С. 22.
42. Липранди А. Польша и польский вопрос. СПб., 1901, С. 132.
43. Лысогорский Г.А. Ук. соч., С. 64.
44. Там же.
45. Там же.
46. Белоконовский И.П. Галичина під час російської окупації. Львов, 1915, С. 27.

47. Вергун Н.Д. Что такое Галиция. Петр. 1915, С. 10.
48. Казанский П. Ук. соч., С. 6-7.
49. Оссовский П. Ук. соч., С. 15.
50. Пономарев В.И. Австро-Венгрия и ее славянские народы. Баку, 1915, С. 37.
51. Ученые записки. Ностовский-на-Дону финансово-экономический институт - Ростов-на-Д., 1948, Т. 2, С. 113.
52. Podręcznik statystyczny... S. 8.
53. Австро-Венгрия. Военно-статистическое описание... Ч. II, 1912, С. 120.
54. Военно-географическое описание Галиции. Киев, 1904, С. 67 и др.
55. Австро-Венгрия. Военно-статистическое описание. Ч. II, 1912, С. 75.
56. Там же.
57. Там же, С. 74-75.
58. Świętek J. Lud Nadprabski (od Gdowa do Bochnie). Krakow, 1893. S. 56.
59. Dączak W. Op. cit. S. 14.
60. Kętuła F. Folklor sławny osobliwy Lasowiaków, Rzeszowiaków, Pogorzań. Lublin, 1969; Obrędy i zwyczaje dorocznie wsi Rzeszowskiej, Rzeszów, 1972; Ruszel K. Studia nad Kulturą, Ludową Puszczy Sandomirskiej. Rzeszów, 1978. Lud słowiański. T. 1, z. 1-2, 1929.
61. Австро-Венгрия. Военно-статистическое описание... Ч. II, С. 74-75.
62. Там же, С. 75; Христиани Г.Г. Ук. соч., С. 264.
63. Христиани Г.Г. Ук. соч., С. 264.
64. Atlas polskich strojów ludowych. Stroj góralców cz. 5, z. 18. 1949. S. 5.
65. Оссовский П. Ук. соч., С. 21.
66. Dączak W. Op. cit. S. 14.
67. Макарчук С.А. Ук. соч., С. 39.
68. Белокопский И.П. Ук. соч., С. 112-113.
69. Галиция. Временный генерал-губернатор. Отчет генерал-губернатора Галиции по управлению краем с 1/9 1914 г. по 1/7 1915 г. Киев, 1916, С. 8.
70. Положение Галицкой Руси в так "Новой Эре". Львов, 1892, С. 96.
71. Wojtowicz J. Charakterystyka fonetyczna Gwar między Wisłą, Sanem, Wisłokem i Wisłoką, 1966. S. 15.
72. Зубрицкий Д. Критико-историческая повесть временных лет Червоной или Галицкой Руси. М., 1845, С. VII, 39.
73. Там же.
74. Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Люблинская губерния. Т. XV, Ч. 4, СПб., 1851, С. 176.
75. Зубрицкий Д., Ук. соч., С. VII. 39.
76. Лонгвинов А. Русский вопрос о Холмщине в историческом освещении. СПб., 1912, С. 14.
77. Там же.
78. Podręcznik statystyczny... S. 5-6.

79. Австро-Венгрия. Военно-статистическое описание...
 Ч. II, С. 120.
80. Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Вып. I. Вильно, 1885 /карта/ сост. С. Шолкович.
81. Большая Советская Энциклопедия. Т. 14. М., 1929, С. 364.
82. Рудницкий С. Скрипник Т. Оглядово-політично-економічна карта Західньої України. Етнографічна межа Українського народу. Киев, 1929.
83. Токарев С.А. Ук. соч., С. 28-29.
84. Военные преступления Габсбургской монархии... ; Осечинский В.К. Галичина под гнетом Австро-Венгерской монархии в годы первой империалистической войны. Львов, 1949, С. 14.
85. Осечинский В.К. Ук. соч., С. 14.
86. Ярошенко А. Ук. соч., С. 73.

Е.Е. Пылаева

Русская периодика о политике мадьяризации
 и событиях в Черновой /Словакия, 1907 г./

В начале XX века наступает обострение отношений между двумя частями Австро-Венгерской монархии. Укрепить свое положение венгерские правящие круги намеревались последовательным проведением политики мадьяризации. В 1907 г. были приняты школьные законы, закрепляющие обязательное обучение мадьярскому языку в государственных, а также в церковных и народных школах. Содержание учебного процесса и внешняя его атрибутика строились в соответствии с всевенгерской идеей. Знание венгерского языка было обязательным условием для получения государственной должности. Венгерская администрация не только законодательно утвердила идею единого мадьярского государства, но и подчинила ее реализации свою практическую деятельность. В начале XX века появляется новый фактор, определяющий ситуацию в Венгрии - оживление национальных движений немадьярских народов. Их национальное самосознание закалялось в борьбе за свои права.

Современная историография рассматривает события в Черновой как наиболее жестокое проявление политики мадьяризации¹. С одной стороны, они повлияли на чехословацкие отношения, вызвали новую волну интереса к Словакии в чешских кругах. С другой — Черновая приковала внимание европейской общественности, России, славян в Америке к положению немадьярских народов / в частности, словацкого / в Венгрии. В статье предстоит рассмотреть как русская периодическая печать конца XIX — начала XX вв., преимущественно умеренно-либеральной ориентации, оценивала положение словаков и других немадьярских народов Венгрии, а также политику венгерских правящих кругов по отношению к этим народам. Кроме того, найдет отражение в работе реакция русской прессы на события в Черновой.

Публикации по указанным вопросам можно разделить на два типа; во-первых, это лаконичные сообщения, излагающие фактологическую сторону событий, а также информацию о высказываниях политиков; во-вторых, публикации, содержащие элементы анализа причинно-следственных связей событий, прогнозы развития ситуаций. Статьи такого характера печатались главным образом в литературно-политических еженедельниках и изданиях, посвященных славянским вопросам, реже — в газетах.²

Публикации первого типа позволяют судить о фактологической канве событий, а второго — интересны для понимания процессов, происходящих в Венгрии и немадьярских национальных движениях.

Русская периодика содержит довольно богатый материал о положении в Венгрии и проявлениях мадьяризации. Большинство публикаций проявляет сочувствие немадьярским народам, осуждает политику мадьярских кругов. Иногда газеты занимают позицию стороннего наблюдателя, никаким образом не выражают своего отношения к событиям, излагая лишь хронику. / Это касается газеты "Слово", пишущей о событиях в Черновой/³. Гораздо меньше информации на страницах периодики о расстановке сил в словацком национальном лагере. Хотя в публикациях

первого десятилетия XIX века и замечено оживление словацкой общественной жизни, однако среди лидеров словацкого национального движения упоминается только С.Г.Ваянский⁴. Тем не менее, несмотря на известную неполноту информации, материалы периодики конца XIX – начала XX вв. могут быть использованы в исторических исследованиях, но с учетом особенности этого вида источника.

Как же характеризует русская пресса австро-венгерские отношения и положение в Цислейтании? Было замечено, что происходящие внутренние и внешние изменения ведут в сторону ухудшения, причем Венгрия отводилась пассивная роль. Экономическое отставание от Австрии, феодальные пережитки, политика мадьяризации усложняли словакам и другим народам возможности национальной борьбы. В прессе России отмечалось, что австрийские славяне – чехи располагали определенными условиями для культурного развития в отличие от словаков, изнывающих под гнетом мадьяр.⁵ Чешские депутаты австрийского парламента в описании корреспондента "Санкт-Петербургских ведомостей" выступают "...с веселым и бодрым видом, неподточенные червем сомнения, верящие в свою миссию"⁶.

Более бесправное положение немадьярских народов в Венгрии не вызвало сомнения у наблюдателей из России. Действительную ситуацию, как считала пресса, мадьярские средства информации пытались скрыть и ввести тем самым в заблуждение общественное мнение. Из-за нераспространенности и трудности венгерского языка мало кто в Европе мог познакомиться с мадьярскими газетами, пронизанными открытым шовинизмом. Для европейской общественности венгерские власти предоставляли переведенный на немецкий язык вариант газет. "Немецкий вариант" существенно отличался от "мадьярского", замалчивал бедственное положение немадьярских народов и "...стремился представить венгров перед мировой общественностью как либералов."⁷

Теоретической основой проводимой мадьяризации стал закон о равноправии национальностей 1868 г. Несмотря на многообещающее название, на деле он декларировал единство "одной

неделимой венгерской нации" независимо от этнической принадлежности населения и игнорировал существование в Венгрии национальных меньшинств. Ряд законов, изданных в 1868г. являлся, по словам И. Левина "украшением венгерского государственного строя, вводящим в заблуждение иностранцев, на практике же законы оставались пустым звуком"^{8/}.

Важное место в политике мадьяризации уделялось школе. Констатируя успехи националистического курса правительства в этой области, один из мадьярских представителей говорил: "Школа превратилась в машину, когда в одно отверстие входит словак, а из другого выходит мадьяр"^{9/}.

Постепенное наступление на словацкий язык происходило следующим образом: 1868г. - признание венгерского языка государственным, что формально не лишало права обучения национальным языкам; 1896г. - "...сейчас на дела только из национальных школ словацкий язык не совсем изгнан"^{10/};

1904г. - В национальных школах словацкому языку отводилось 2 часа в неделю, а мадьярскому - 24^{II/}.

В том же духе выдержаны школьные законы 1907г. По утверждению министра культа и просвещения А. Аппонью, их цель состояла в том, чтобы "...подавить распространение в национальных школах вредных для государства тенденций и более прочно установить преподавание мадьярского языка"^{12/}.

Школьные законы и наступление на словацкий язык стало лишь одним из элементов мадьяризаторской системы. Создавалась целая сеть организаций, направленных на подавление всего национального, кроме венгерского. Так, Союз по мадьяризации фамилий для того, чтобы "самые бедные могли высказывать свой венгерский патриотизм"^{13/}, понизил плату за перемену фамилии с 5-ти гульденов до 50 крейцеров. Мадьяризаторские общества присваивали средства, предназначенные для национального развития. Так, 100 тысяч гульденов, оставшихся от Матчи Словацкой после ее закрытия, были переданы Северо-венгерскому обществу по мадьяризации словаков^{14/}. Мадьяры насильно отдавали словацких детей в мадьярские семьи и приюты, где их воспитывали в духе, угодном правительству. Рассматривая значительные "успехи" в деле мадьяризации, газеты делают неуте-

шительные прогнозы по этому поводу. "Магьяризация, чем дальше, тем больше будет сказываться на национальностях, причем она будет нарастать в геометрической прогрессии"^{15/}.

По переписи 1900г. мадьяры составили почти половину /48,6%/ населения Венгрии. Положение этих народов было бесправным. Сложный избирательный закон, иронически названный "кодифицированной вавилонской башней"^{16/}, наделял избирательным правом лишь 6% мадьяр. Если кому-либо из этого незначительного числа и удавалось стать депутатом венгерского парламента, то власти ставили его в невыносимые условия арестов и штрафов, неприкрыто нарушали неприкосновенность депутата.

В любом проявлении национального самосознания словаков и представителей других национальных меньшинств мадьярские круги усматривали угрозу идее единства Венгерского государства. Вполне достаточным основанием для возбуждения судебного процесса считалась статья или выступление в защиту национальных интересов. Так, в период с 1896 по 1906гг. 560 словаков за преступления такого рода были приговорены к 91 году 7 месяцам 26 дням тюремного заключения и 42.121 кронам штрафа^{17/}. Хроника "Славянских известий" приводит материалы о политических процессах, возбужденных против словацких изданий, за период с 1898 по 1908гг.^{18/} Один из популярных изданий "Словенски тыжденик" за четыре года своего существования преследовался по суду 12 раз, газета "Народне новины" - 10, а газета "Людове новины" - 12 раз и в течение только 1907г. не менее 20 раз подлежала конфискации.^{19/}

Таким образом, политика национального давления препятствовала формированию и консолидации национального движения словаков. Тем не менее, русская периодика считала, что и в таких условиях возможно отстаивание национальных интересов, критически относилась к пассивности и ожиданию помощи извне. "Вожаки" словацкой интеллигенции, по мнению прессы, ничего не делают, надеются на то, что придут русские войска и освободят словаков из-под ига мадьяр"^{20/}. Под "вожаками" в данном случае подразумевался центр словацкого национального движения в Мартине во главе с С.Г.Ваянским, возлагающим большие

надежды на освободительную миссию России. О других течениях в национальной жизни Словакии информации в периодике практически не было. Тем не менее, было замечено оживление словацкой общественной жизни; сообщалось о создании новых культурных и политических организаций, о просветительской работе словацкой молодежи, "посещающей пражский университет и распространяющей новые политические и социальные взгляды среди словацкого народа"^{21/}. По-видимому, речь шла о гласистах, группировке молодых интеллигентов вокруг журнала "Глас". Все же русская периодика не позволяет судить о действительной расстановке политических сил в Словакии на рубеже веков. Наиболее полно представлено прессой только мартиновское руководство словацкой Национальной партии.

Сопоставляя политическое положение Австрии и Венгрии, русские публицисты единодушно признавали существование более благоприятных условий для развития национальных движений в Австрии. Усилить свои позиции в рамках дуалистической монархии Венгрия пыталась при помощи мадьяризации. Не всегда эта политика проводилась лишь мирным законодательным путем.

В октябре 1907 г. на страницах русоких газет появились тревожные сообщения из Венгрии под заголовками: "Бойня в Черновой", "Кровавое столкновение", "Трагедия словаков". Остановимся на ходе событий, которые достаточно подробно описаны в периодике^{22/}. На основании принадлежащего общине права крестьяне деревни Черновая избирают священником словака А. Глинку. Он пользовался заслуженным авторитетом и любовью у народа, так как старался поднять общину в экономическом и культурном отношении. Однако действия священника не остались незамеченными для мадьярской администрации. Мадьяр-епископ освободил А. Глинку от должности и позаботился о том, чтобы светские власти не оставили его в покое. За антимадьярскую агитацию /встречаются и другие версии обвинения/ за всеславянскую агитацию, за политическое преступление/ А. Глинку осудили на два года, но ему удалось бежать.

Отстроив церковь в Черновой, крестьяне выразили желание, чтобы словак-Глинка освятил ее. Однако в Черновую был назначен священник-мадьяр, что вызвало протест у местного

словацкого населения. Крестьяне остановили карету нового священника заперли церковь и не пускали его туда. Прибывшие в деревню две роты жандармов открыли огонь по собравшимся крестьянам. В результате столкновения было убито 11 человек, 12 тяжело ранено, некоторые из пострадавших потом скончались в больнице. Затем последовали аресты: 22 мужчин и 16 женщин были приговорены к 36 годам 6 месяцам тюремного заключения^{23/}. В печати также появились сообщения о реакции общественности на трагические события и объяснения причин случившегося венгерскими властями.

События в Черновой стали предметом запроса в венгерском парламенте. Словацкий депутат М.Годжа, опираясь на заключение врача Полгара, исключил тот факт, что жителями Черновой были предприняты атакующие действия по отношению к жандармам.^{24/} М.Годжа во время своего выступления в парламенте потребовал, чтобы правительство установило, кто убийцы. При этих словах, по свидетельству "Биржевых ведомостей", поднялся такой шум, что заседание пришлось закрыть.^{25/} Следует пояснить, что из 413 членов венгерского парламента число мадьярских депутатов как правило не превышало 25 человек./ На выборах 1906г. число депутатов мадьярских национальностей составило 25 человек: 14 из них - румыны, 4 - сербы, 7 - словаки/. Теперь понятно, почему выступление словацкого депутата вызвало столь бурное возмущение.

После возобновления прерванного заседания министр внутренних дел Андраши ответил на запрос, что, как и следовало ожидать при такой расстановке сил, удовлетворило парламент. В своем ответном слове министр объяснял ситуацию тем, что массы были фанатизированы агитацией, да и солдаты стреляли не во всех, а "...лишь в тех, кто являлся зачинщиком и пытался вырвать из их рук оружие"^{26/}. Итак, расстрел в Черновой официально квалифицировался мадьярской стороной как случай восстановления порядка, действия жандармов были оправданы.

Близкой по духу министру внутренних дел была позиция премьер-министра А.Векерле. Он считал, что подобные запросы депутатов искажают реальное положение мадьярских народов

и дезинформируют общественное мнение^{27/}. В Венгрии, по его словам, уважаются не только права отдельных граждан, но и особые права отдельных национальностей, которым делаются все большие уступки^{28/}. Что касается мадьяризации, то она, по мнению премьер-министра, лишь предоставляла возможность для всех граждан овладеть государственным языком. Насилие, как принцип ведения внутренней политики полностью отрицалось. Столько "убедительные" заверения в справедливости венгерских политиков могли ввести в заблуждение неискушенного читателя. Однако, имели место более откровенные заявления бывшего главы венгерского правительства Банфи уже после событий в Черновой. "Венгрия переживает момент, когда всякий мадьяр должен быть крайним повиником, и, когда нечего останавливаться перед насилем для упрочения Венгерского государства"^{29/}. Такое признание Банфи вызвало единодушное одобрение в парламенте.

Какими бы убедительными не казались заверения венгерского правительства в отсутствии национальных проблем, вопиющие факты нарушения прав словаков не удалось скрыть от европейской общественности. Трагедия в Черновой отозвалась прежде всего в соседней Австрии. Глава австрийского парламента публично выразил сочувствие по поводу случившегося, вызвав крайнее недовольство в венгерских кругах. Газета "Русские ведомости" отмечала единодушие в оценке событий немецкой и чешской сторонами. "Немцы и чехи сошлись в осуждении грубейшей системы мадьярского национализма, господствующего в Венгрии"^{31/}.

Нарастания противоречий в Австро-Венгрии, малоэффективность совместных действий словаков и других немадьярских народов против мадьяризаторского режима, события в Черновой и их осуждение со стороны австрийских славян, - все это заставило оловаков обратиться за поддержкой и помощью к Чехии. Идеи чехословацкой взаимности заняли важное место в развитии национального движения нового поколения словацкой интеллигенции в начале XX века. Некоторые гласисты во главе с В.Шробаром поддерживали концепцию чехословакизма, которая исходила из колларовской идеи о едином чехословацком племе-

ни и была развита применительно к современным условиям Т.Г.Масариком. В контексте чехословакизма словацкий народ рассматривался лишь как часть единого чехословацкого народа, словацкий язык же считался наречием чешского языка.

По-иному трактовали чехословацкую взаимность гласист П.Благо и М.Годжа /словацкий депутат в венгерском парламенте, затем возглавивший аграрное движение/. Они также выступали за тесное экономическое, культурное сотрудничество с чехами, поиск общих интересов в национальных движениях. Однако, успех в борьбе за национальные права, по их мнению, мог быть обеспечен при условии реализации самобытности словацкого народа и его самостоятельного языка. В данной связи возрождалась концепция Л.Штура.

Несмотря на различия в трактовке чехословацкой взаимности, чешская и словацкая сторона, исходили из исторической общности судеб двух народов, их этнической близости. В начале XX века в связи с обострением австро-венгерских отношений в чешских кругах раздавались требования о разделе монархии. Профессор Т.Г.Масарик возражал против этого, считая, что тем самым "мы отдали бы соплеменных словаков на съедение мадьярам"³². После событий в Черновой его доводы звучали с большей твердостью. В заявлении Т.Г.Масарика говорилось, что австрийские славяне не имеют права выдавать родственных им словаков на беспощадный разгром со стороны мадьяр³³. Разные слои чешского общества выражали чувства сопричастности и симпатии к словакам.

Так, пражский муниципалитет не только выражал официальное негодование по поводу венгерского шовинизма, но и решил оказать конкретную помощь. Для семей, потерявших кормильца, были собраны средства, а оставшихся сиротами детей решили взять на воспитание. Фракция чешских клерикалов отправила папа меморандум, в котором просила защитить словаков-католиков.

Чешская общественность имела тесные контакты со словаками. Так, недавний участник событий в Черновой словацкий священник А.Глинка, а также П.Благо, М.Годжа и др. побывали в Чехии и Моравии. Участники словацкой делегации выступали с лекциями о притеснении словаков, о необходимости чехословац-

кого сотрудничества. В одном из таких выступлений А. Глинка заявлял : " Мы - не разбойники /именно разбойниками и бунтовщиками стремилась представить участников событий в Черновой мадьярская администрация - Е.П./, а борцы за права словацкого народа. Присоединяйтесь к словацкому народу, дабы в труде, правде и науке заложить будущее"^{35/}. Везде в Чехии и Моравии словацкие миссионеры встречали теплый прием.

По сообщениям из русской прессы можно отчасти судить о реакции европейской общественности на события в Черновой. В этой лаконичной информации можно заметить осуждение политики жестокой мадьяризации и сочувствие, с которым относилась Европа к жертвам трагедии. Например, газета "Таймс" сообщала о напряженной ситуации, сложившейся после событий в Словакии и предполагала, что похороны жертв могут вызвать грандиозную словацкую манифестацию.^{36/} Газета "Таймс" открыла подписной лист по сбору средств для сирот.

Словаки в Венгрии поддерживали тесные контакты со своими соотечественниками в Америке. Некоторые из них возвращались в Словакию с новыми взглядами и понятиями о демократии и включались в национальное движение. "Фанатизирующее влияние листовок панславистских агитаторов, пробравшихся из Соединенных штатов"^{37/} беспокоило венгерские круги, стало предметом обсуждения на заседании парламента.

В Америке устраивались митинги поддержки борьбы угнетенных народностей Венгрии. В сентябре 1904г. словацкие представители в США передали А.Аппонью меморандум, который был переведен на английский, французский и немецкий язык и распространен в Америке и Европе. В документе осуждалась безнравственная политика венгерского правительства по отношению к другим национальностям, населяющим Венгрию. В ультимативном тоне было заявлено: "До тех пор пока положение не изменится будем считать своим долгом раскрывать перед светом ложь конституционной системы в Угрии"^{38/}. В условиях более развитого капитализма американские словаки быстрее встали на позиции осознания национальной самобытности, тогда как дома большую популярность получили идеи чехословакизма.

Таким образом, в русской периодике конца XIX - начале XX вв. нашли отражение основные проблемы Австро-Венгрии и

ситуации в ее венгерской части. На этом этапе на арену словацкой политической жизни выходят новые силы, которые критически относятся к тактике пассивного ожидания помощи извне и бездействия старого поколения. Наступление на оставшиеся "островки" словацкой культуры, бесконечные аресты, штрафы, преследование всего немадьярского со стороны венгерских властей ухудшило и без того бедственные условия, в которых развивалось национальное движение. Трагедия в Черновой стала наиболее жестоким проявлением официально проводимой политики мадьяризации. Факт грубого нарушения прав словацкого народа вызвал осуждение со стороны мировой общественности. События в Словакии заставили более пристально взглянуть на соседей австрийских славян — чехов, что привело к подъему интереса к Словакии, стимулировало развитие двустороннего культурного и экономического сотрудничества. Идея чехословацкой взаимности нашла наибольшую поддержку среди молодого поколения словацкой интеллигенции. Наиболее распространенной в Словакии стала ее трактовка в духе чехословакизма Т.Г.Масарика. Именно она станет официальной доктриной буржуазной Чехословацкой республики с 1918г. — Е.П./ Кроме того существовали другие интерпретации идеи чехословацкой взаимности, апеллирующие к словацкой национальной самобытности, в духе Л.Штура.

Указанный круг проблем в большем или меньшем объеме освещался русскоязычной периодической печатью. Знакомство с ней позволит проследить не только ход событий в европейской истории на рубеже веков и положение немадьярских народов в Венгрии, но и составит представление о профессиональном уровне русской журналистики и публицистики. Использование периодических изданий в исторических исследованиях, несомненно, обогатит и разнообразит представления об указанном периоде и расстановка национальных сил в Австро-Венгрии.

1. Krajcovich M. K problému slovenskej otázky v 80.-90. rokoch 19. st. a počiatkom 20. st. // Zb. FFUK, Historica, 22, 1971, s. 115-129; Krajcovich M. Slovenská politika v Strednej Európe 1890-1901. SAV, Br., 1971; Kováč D. Slovensko a vznik republiky // Hist. čas., 1987, N 1.

2. Левин И. "Кризис националистической государственности в Венгрии". В: "Русская мысль", 1910, № 12, С.141; Василевский Л. "Западно-славянская идиллия /Славяне в Венгрии/. В: "Русское богатство", 1896, № 4, С.279-287; Д-р Соколовский "Трагедия словаков". В: "Санкт-Петербургские ведомости", № 237, 26.X/8.XI/ 1907 и др.
3. "Слово", № 279, 16/29/.X 1907; №283, 20/2.XI 1907; №285, 23/5/.XI 1907; №280, 17/30/.X 1907.
4. С.Г.Ваянский - один из лидеров руководства словацкой Национальной партии в Мартине. Он поддерживал контакты с русской интеллигенцией, знакомил ее с бесправным положением словаков в Венгрии.
5. "Санкт-Петербургские ведомости", №237, 26.X/8.XI 1907.
6. Там же, №125, 8/21/.YI 1907.
7. Василевский Л. Западно-славянская идиллия /Славяне в Венгрии/. В: "Русское богатство", 1896, №4, С.50.
8. "Русская мысль", 1910, № 12, С.150.
9. Погодин А.Л. Славянский мир М., 1915, С. 271.
10. Василевский Л. Западно-славянская идиллия /Славяне в Венгрии/. В: "Русское богатство", 1896, №4, С.50.
11. Славянский век, Вена, 1904, №73, С. 26.
12. Слово, 17/30/.IY 1907.
13. Василевский Л. Западно-славянская идиллия /Славяне в Венгрии/. В: "Русское богатство", 1896, №4, С. 66-67.
14. Там же
15. Слово, № 131, 21.IY/4.Y/ 1907.
16. Левин И. Кризис националистической государственности в Венгрии. В: "Русская мысль", 1910, №12, С.146.
17. "Санкт-Петербургские ведомости", №237, 26.X/8.XI 1907
18. "Славянские известия", 1908, №1-3, С. 89.
19. "Русская мысль", 1910, № 12, С.154.
20. "Русское богатство", 1896, № 4, С.70.
21. Василевский Л. Накануне демократизации политического строя Венгрии. В: "Заветы", 1912, №8, С.181.
22. События в Черновой нашли отражение главным образом в газетах.
23. "Русские ведомости", №240, 20.X 1907; "Биржевые ведомости", №10155, 18/31/.X 1907.
24. Bianchi L. Listy Milana Hodzky // Historicky casopis 18, 1970, №3, С. 427-447
25. "Биржевые ведомости", №10159, 20/2/.XI 1907.
26. Там же
27. "Слово", № 280, 17/30/.X 1907.
28. Очевидно, А.Векерле имел ввиду предоставление автономии Хорватии и Славонии в 1867г. Венгерские круги считали, что лишь две нации: венгры и хорваты имеют право на политическое самоопределение, все остальные должны слиться с венгерской нацией. Это привело к нейтрализации хорватов в борьбе народов с мадьяризацией. Положения румын, сербов и словаков не изменилось. /"Санкт-Петербургские ведомости", №237, 26/8.XI 1907/.
29. Там же
30. "Биржевые ведомости", №10155, 18/31/.X 1907.
31. "Русские ведомости", № 242, 23.X 1907.

32. "Слово", №131, 21 04/ 4 05 1907.
 33. "Санкт-Петербургские ведомости", 26.X/8.XI 1907.
 34. "Русские ведомости", №242, 23.X 1907.
 35. де Витте Е. Путевые впечатления с историческими очерками Почаев, 1909, С.167
 36. "Слово", №292, 31.X/13.XI 1907.
 37. "Санкт-Петербургские ведомости", №220, 16/29.X 1907.
 38. де Витте Е. Действительность. Правовой порядок и административное усмотрение. Выпуск I. Магьяры и словаки. Почаев, 1906, С.47

А.Г. Айрапетов

Буржуазно-радикальная и социал-демократическая концепции национального вопроса в Венгрии начала XX в.

Кризис австро-венгерского дуализма, наметившийся в начале XX в., характеризовался нарастанием социально-политических и национальных конфликтов. Общественная мысль была поставлена перед необходимостью теоретически решить проблему сопряжения общегосударственных, социальных и национальных интересов. На этой основе должна была быть выработана альтернативная модель /или модели/ нового политического устройства Венгрии да и всей империи Габсбургов.

Радикально настроенная буржуазная интеллигенция Венгрии в лице ее виднейшего представителя Оскара Яси рассматривала демократизацию общества и решение национального вопроса как две взаимосвязанные задачи. Вопрос о национальностях являлся, по образному выражению Яси, "архимедовым рычагом венгерской демократии и государственной независимости"¹. Анализируя исторический опыт западной буржуазной демократии, Яси отмечал в ней соединение современной индустриальной базы и системы демократических институтов, открывающей каждой нации возможности для развития языка, литературы и искусства. Будущее человечества виделось Яси как мирное сосуществование и тесное сотрудничество культурных народов.²

Генезис наций Яси относил к периоду формирования буржуазных государств, придавая фундаментальное значение не

только экономическому, но и идеологическому, а также психологическому фактору. В качестве нестѣмлемого компонента социально-классовых противоречий он рассматривал национальные конфликты, нанесившие, по его выражению, "добавочную обиду" тому или иному народу³.

Изучение национальных проблем строилось у Яси на использовании данных официальных переписей населения, статистико-социологических материалов Венгерского социологического общества. Они свидетельствовали об углублении в начале XX в. австро-венгерских противоречий. Преобладающее влияние австрийского капитала в банковской системе и промышленности Венгрии, замедленные темпы капиталистической модернизации всего венгерского общества имели своим следствием рост антиавстрийских настроений. Партикуляристские устремления разделялись /согласно выкладкам Яси/ венгерскими промышленниками, прослойкой разорявшегося дворянства, "новым вредным классом" чиновников-интеллигентов, пролетаризировавшейся частью мелких производителей⁴.

Вместе с тем Яси отчетливо сознавал, что самостоятельность Венгрии недостижима без демократического решения вопроса о национальных меньшинствах. "Невозможно, — утверждал он, — успешно бороться против австрийской колониальной политики до тех пор, пока мы бессмысленно угнетаем вторую половину Венгрии, которую Вена натравливает против нас"⁵.

В антидемократической, полуфеодальной структуре венгерского общества следовало искать, по Яси, корни агрессивности венгерского национализма⁶. Стереотипы феодального мышления /"здесь мы господа и мы останемся ими навсегда"/, апелляция к некоему "историческому праву завоевателя" и "зову судьбы" — весь этот арсенал идеологических установок исключал возможность разумного и справедливого решения проблемы национальных меньшинств. Яси приводил многочисленные факты намеренного ограничения и даже запрещения культурно-просветительских организаций невенгерских народов, недопущения их представителей в высшие и средние

звенья административного управления, ущемления права венгерских народов на обучение на родном языке⁷.

Альтернативу насильственной мадьяризации Оскар Яси видел, однако, не в государственном самоопределении наций. Его национально-демократическая программа-минимум включала три конкретных требования: "хорошую школу, хорошую администрацию, хорошее судопроизводство на родном языке народа"⁸. Яси выстраивал модель многонационального демократического государства, народы которого добровольно примут гегемонию культурного венгерского этноса. Он связывал предпосылки такого решения национального вопроса с экономической и географической общностью народов Венгрии, более высоким общекультурным уровнем венгерской нации, который позволит венграм оказать содействие социально-экономическому и культурному подъему других наций, рассудительностью и миролюбием венгерского народа⁹.

Перспектива национально-демократического обновления венгерского общества дополнялась прогнозом о возможной федерализации общеевропейских межгосударственных отношений и последующем образовании Соединенных Штатов Европы. Яси настойчиво проводил мысль, что национальные движения объективно ведут не к изоляции, а к экономической и культурной консолидации народов. Это диктуется императивами общечеловеческих интересов и ценностей¹⁰.

В целом буржуазно-реформистская модель переустройства общественных, и в частности национальных отношений, предложенная О.Яси, возникла в русле методологии позитивизма, его эволюционной концепции социального прогресса.

Идейно-политическая платформа венгерской социал-демократии не содержала обстоятельно разработанной национальной программы. Догматизация исторического материализма, характерная для официальной идеологии СДПВ, вела к упрощенному анализу общественных отношений. Их многоуровневую структуру лидеры СДПВ, по существу, сводили к антагонизму между трудом и капиталом, с разрешением которого связывалось и снятие всех остальных противоречий.

Реформистское руководство СДПВ ограничивало демократические задачи пролетарского движения главным образом борьбой за всеобщее избирательное право, достижение которого должно было якобы устранить национальные конфликты. Официальные документы СДПВ провозглашали в общей форме полное равноправие наций, проживающих в стране, не выдвигая, однако, требования их государственного самоопределения. Лидеры партии постоянно высказывали свою приверженность идее единой и неделимой Венгрии¹¹. Позиция руководства СДПВ по сути не отличалась, считает венгерский историк Тибор Эреньи, от установок национального закона 1868 г., декретировавшего культурно-языковое равноправие народов, населявших империю Габсбургов¹².

Сквозь призму классового антагонизма, элиминировавшего все прочие общественные противоречия, рассматривалась идеологами СДПВ и проблема патриотизма. В понимании любви к отечеству у венгерских социал-демократов обнаруживалась определенная эволюция. Если в 90-х годах XIX в. патриотизм расценивался как буржуазное наследие, от которого в эпоху ускорившейся интернационализации всех сфер общественной жизни следует решительно отказаться¹³, то в начале XX в., когда обозначился кризис австро-венгерского дуализма и нарастала волна национальных движений, в партийной пропаганде появились новые мотивы.

Нигилистская позиция сменяется выяснением разницы между буржуазным и пролетарским патриотизмом. "Мы тоже венгры, — говорилось в одной из статей "Непсавы", — мы тоже любим ту страну, в которой родились и выросли. Мы тоже желаем ее процветания, но видим его не в свободе и счастье нескольких тысяч, живущих угнетением миллионов. Мы требуем¹⁴ своих прав, своего участия в руководстве государством".

Концепция пролетарского патриотизма складывалась в спорах вокруг вопроса о государственной самостоятельности Венгрии. Полное безразличие к перспективам австро-венгерских отношений, объединявшее руководство СДПВ почти до конца 90-х годов, сменяется с лета 1898 г. столкновением

двух позиций. 6 августа 1898 г. на страницах центрального партийного органа под рубрикой "Об экономической самостоятельности и политической независимости Венгрии" развернулась дискуссия, в которой приняли участие члены руководства СДПВ.

Главный редактор "Непсави" Эрне Гарамы, пребывавший в меньшинстве, считал, что отделение Венгрии, не обусловленное ее более высоким индустриальным и культурным уровнем, является преждевременным актом, который не пойдет на пользу пролетариату. Для него это обернется усилением эксплуатации. Вообще же поддерживать лозунги венгерской независимости, по мнению Гарамы, означало наносить удар по пролетарскому интернационализму, ослаблять солидарность венгерских и австрийских рабочих¹⁵.

Противоположную точку зрения отстаивали Якоб Вельтнер и Адольф Гольднер. Они утверждали, что собственная таможня, ставя заслон австрийской конкуренции, будет способствовать экономическому подъему Венгрии, росту квалификации венгерских рабочих, расширению их культурного кругозора¹⁶.

На VI съезде СДПВ, состоявшемся в апреле 1899 г., была принята компромиссная резолюция, в которой говорилось, что партия "добивается экономической самостоятельности и политической независимости Венгрии при условии принятия закона, честно защищающего интересы рабочих. Необходимым условием же политической независимости страны она считает принятие закона о всеобщем избирательном праве и тайном голосовании"¹⁷.

Для позиции руководства СДПВ характерно также, что решение вопроса о суверенитете венгерской нации не увязывалось с признанием за невенгерскими народами права на самоопределение. Гарамы, считавший, что социалисты, как интернационалисты, должны бороться против любых национальных лозунгов и движений, поскольку они способствуют национальной обособленности, понимал, что постановка вопроса о венгерской независимости немедленно логически влечет за собой

вопрос о судьбе невенгерских народов. "О какой независимости идет речь? — говорил он на съезде партии в 1902 г. — О венгерской? Разве здесь /живут — А.А./ только венгры? Разве нет словаков, сербов, румын, немцев? Было бы логично тогда, чтобы и они потребовали свою национальную независимость, дабы иметь возможность присоединиться к своей национальной территории: к Румынии, Сербии и т.д." ¹⁸

В 1903 г. Эрне Гарамии выпустил специальную брошюру "Патриотизм и интернационализм". Исходя в своих рассуждениях из неоспоримого факта интернационализации хозяйственной жизни, он в то же время недооценивал действие закона неравномерного политического развития капиталистических стран. Упомянутый закон обуславливал ступенчатость революционного процесса и необходимость соединения борьбы за демократию, в частности в сфере национальных отношений, с подготовкой к социалистической революции. Гарамии же, по существу, сводил национальные противоречия к классовым и видел суть пролетарского патриотизма, равно как и интернационализма, в революционных преобразованиях и ликвидации классового угнетения ¹⁹. Перспективы национального самоопределения им фактически не рассматривались. Интернационализм трактовался лишь как солидарность трудящихся всех стран.

В 1902—1903 гг. в рядах венгерской социал-демократической партии сложилась левая оппозиционная группа, идейным руководителем которой стал Эрвин Сабо. Революционное течение венгерской социал-демократии также рассматривало в качестве приоритетной задачи формирование классового интернационалистского сознания пролетариата.

Эрвин Сабо гневно осуждал насильственную политику мадьяризации, проводившуюся правящими кругами. "В Венгрии, — писал он, — где все ставится на службу так называемой "политики национального государства", где чиновников оценивают по их заслугам в деле мадьяризации, учителей — по успехам, которых они добиваются на уроках венгерского языка, а судей — по числу осужденных агитаторов других националь-

ностей, в этой Венгрии служащим государственных железных дорог выпадает честь донести до самых отдаленных уголков страны "идею венгерского национального государства"²⁰.

В этих условиях, считал Сабо, еще большую актуальность для пролетариата и его партии приобретает борьба за равноправие наций. Более того он признавал ошибочной недооценку значимости национальных движений с их требованием самоопределения. Сабо призвал сознательных рабочих поддержать радикально-демократические движения национальных меньшинств, ставящие перед собой цель уравнивания наций, а не разжигания национальной вражды²¹. После выступлений сербских и румынских сельскохозяйственных рабочих и крестьян-бедняков /1903-1904 гг./ для Сабо стало ясным, что "все попытки сосредоточить силы пролетариата на решении классовых задач могут оказаться тщетными, если прежде не будут удовлетворены национально-демократические требования". "В Австро-Венгрии, - указывал он, - это означает предоставление автономии хорватской, сербской, румынской, чешской нациям и последующее достижение единства на федеративной основе"²².

Буржуазно-радикальная и социал-демократическая концепция национального вопроса представляли собой теоретические альтернативы официальной реакционной идеологии австро-венгерского дуализма. Они своеобразно отразили объективную диалектику двух взаимообусловленных тенденций общественного развития: исторической возможности образования суверенных национальных государств и тенденции к интеграции, заложенной в развитии мирохозяйственных связей. Рассматриваемые концепции исходили из посылки о доминировании интеграционной тенденции. Такая постановка вопроса применительно к многонациональной Австро-Венгрии в той или иной степени разделялась передовой общественной мыслью начала XX в. В.И. Ленин допускал возможность превращения двухцентрового австро-венгерского государства в трехцентровое: немцы, венгры, славяне²³.

Общая теоретическая посылка не предопределяла, однако,

одинакового видения путей разрешения национальных противоречий. Буржуазно-реформистская концепция радикалов усматривала гарантию национального равноправия, а в дальнейшем и гармоничной интеграции - в социально-экономическом прогрессе, широкой демократизации общества и культурном подъеме наций. Главным препятствием на этом пути в Венгрии, по убеждению Оскара Яси, являлись полуфеодалные пережитки. Венгерский социолог, умело применявший междисциплинарный подход, опирался в своем анализе на господствовавшую в прогрессивной историографии концепцию незавершенности буржуазного переустройства Венгрии.

Вместе с тем Яси отмечал, что демократизация страны означает борьбу и с господством финансовой олигархии. Симптоматично /хотя и не характерно для системы взглядов Яси/, что в одном из писем он связывал решение национального вопроса с социалистической перспективой развития своей родины²⁴.

Венгерские социал-демократы считали решающим условием устранения национальных конфликтов революционную ломку классовых капиталистических отношений. Действительно, социальные коллизии венгерского общества начала XX в. толкали его к поиску, говоря словами В.И.Ленина "иного перехода к созданию основных посылок цивилизации"²⁵, к достижению цели альтернативным западному образцу путем.

Однако как буржуазно-радикальный, так и социал-демократический вариант решения национального вопроса не были реализованы. Соотношение социально-политических сил, ориентировавшихся на ту или иную объективную историческую возможность, сложилось не в пользу сторонников интеграционной тенденции. Буржуазно-радикальной интеллигенции Венгрии не удалось стать влиятельной политической силой. Как указывает в этой связи венгерский историк Петер Ханак, средние слои Венгрии в своем большинстве не были готовы отказаться от консервативных традиций и воспринять демократические принципы политического устройства общества²⁶.

Социал-демократическая партия Венгрии как в теории, так

и на практике не сумела соединить революционную классовую борьбу пролетариата с национально-демократическим движением венгерского и невенгерских народов.

В условиях военного поражения Тройственного союза, ослабления централистско-охранительных начал /падения режимов Романовых, Габсбургов, Гогенцоллернов/²⁷, усилившейся экономической дестабилизации и социальной напряженности, резкого обострения экономических и политических противоречий между национальными группировками господствующих классов Австро-Венгрии, а также вынашивания Антантой империалистических планов расчленения Австро-Венгрии историческим фактом стало образование осенью 1918 г. на месте Дунайской монархии ряда суверенных национальных государств.

I. Jászai Oszkár. A nemzeti államok kialakulása és a nemzetiségi kérdés. Budapest, 1912, 227, 109, 113.old.

2. Ibid., 93-94, 105, 236-237, 497.old.; Jászai Oszkár. A nemzetiségi kérdés és Magyarország jövője. Budapest, 1911, 12-13.old.

3. Jászai Oszkár. A nemzetiségi kérdés..., 76.old.

4. Jászai Oszkár. A Zabsburg-monarchia felbomlása. Budapest, 1983, 456.old.

5. Цит. по: Fekasz György. A magyarországi polgári radikalizmus történetéhez. 1900-1918. Budapest, 1960. 180.old.

6. Jászai Oszkár. A nemzeti államok..., 232-236.old.

7. Jászai Oszkár. A Habsburg..., 427, 434, 443-444, 548.old.

8. Jászai Oszkár. A nemzetiségi kérdés..., 12.old.

9. Jászai Oszkár. A Habsburg..., 402.old.

10. Jászai Oszkár. A nemzeti államok..., 502, 529, 533.old.

II. Kalmar György. Szociáldemokrácia, nemzeti és nemzetiségi kérdés Magyarországon (1900-1914). Budapest, 1976, 40, 48.old.; A magyar munkásmozgalom történetének válogatott dokumentumai (MMTVD), 3. köt. Budapest, 1955, 140.old.

12. Brényi Tibor. Nemzet, haza, hazafiság a magyar szociáldemokrata munkásmozgalomban // Parttörténeti közlemények, 1972, 4.sz., 64.old.

13. Выдавая национальные чувства и интересы за чисто буржуазные явления, социал-демократическая печать внушала рабочим, что "родина, религия, частная собственность - это святая тройца буржуазии - так же стары, как государство, и обречены теперь на исчезновение". Из этого делался вывод, что рабочие не могут быть патриотами. -

14. Цит. по: Kalmár György. Op. cit., 31.old.
15. Ibid., 16-17.old.
16. Ibid., 20.old.
17. Цит. по: История венгерского революционного рабочего движения. Т. I. М., 1970, С. 45.
18. MMTVD, 84.old.
19. Garami Erno. Hazafiság és nemzetköziség. Budapest, 1903, 43-46.old.
20. Szabo Ervin. Der Massenstreik der Eisenbahner in Ungarn // Die Neue Zeit. 1903-1904. Bd. II. S. 165.
21. Szabo Ervin. A totok programja // Népszava, 1901, 29.06.
22. Marx és Engels válogatott művei. 1.köt. Budapest, 1905, 109-110.old.
23. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 25. С7 270-271.
24. Fukász György. Op. cit., 186.old.
25. Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 45, С. 380.
26. Hanak Péter. A kelet-közép-európai nyomorúság okairól egy Dunataji hazafi testamentuma // Jászi Öszkar. A Habsburg., 49-50.old.
27. В ряду причин распада австро-венгерской империи Яси указывал и на то обстоятельство, что идея государственной общности не стала притягательной в широких общественных кругах. - Jászi Öszkar. A Habsburg., 556-557.old.

Н.П.Киселева

Идейно-политическая борьба в Венгрии по вопросам национальной политики и национально-государственного устройства в годы первой мировой войны

В Венгрии в годы первой мировой войны 1914-1918 гг. в условиях военного поражения монархии Габсбургов и надвигающейся буржуазно-демократической революции развернулось национально-освободительное движение за отделение Венгрии от Австрии и невенгерских национальностей от Венгрии. В годы войны национальный вопрос был тесно связан с проблемами демократизации страны и подписания мира. Рост национально-освободительного движения привел к оживлению борьбы по вопросам национальной политики и государственного устройства в парламенте, партиях, на страницах теоретического журнала

радикалов "Хусадик сазад". В конечном итоге, определилось три способа решения национального вопроса.

Среди венгерского народа были популярны лозунги, провозглашенные Советской Россией: "мир без аннексий и контрибуций", т.е. признание права на самоопределение¹. После Великой Октябрьской социалистической революции на митингах, демонстрациях, во время забастовок трудящихся приветствовались мирные предложения советского правительства².

Отношение правящих классов Венгрии к национальному вопросу было двоякое. Всех представителей консервативного и либерального лагеря сближал национализм и шовинизм, нашедший выражение в стремлении сохранить территориальную целостность Венгрии. Одним для них также было отсутствие республиканских стремлений и отстаивание монархии или персональной унии. Политика национального угнетения определялась Австро-венгерским соглашением 1867 г., обеспечивавшим господство ^{немцев} в Австрии и венгров в Венгрии. Венгро-хорватское соглашение 1868 г. внешне напоминало австро-венгерское³. Представителей правящего лагеря разделяла приверженность либеральных и прогрессивных кругов к национально-освободительным традициям 1848-1849 гг.

Национальный вопрос имел большое значение в жизни Австро-Венгрии. Проживавшее в основном на окраинах невенгерское население, в подавляющем большинстве состоявшее из крестьян и рабочих, бедствовало и не пользовалось политическими правами. В 1850 году венгры составляли 44,2% населения, невенгерское население - 55,8%⁴. К 1918 году соотношение изменилось в пользу венгров - 54,5%. Рост венгерского населения объяснялся ассимиляцией⁵. Избирательным правом пользовалось менее 10% населения.

Свое неоднозначное отношение к национальному вопросу выразили почти все политические партии венгерского парламента еще накануне первой мировой войны. В парламенте четыре партии представляли правящие буржуазные и помещичьи круги, три партии выражали интересы мелкой буржуазии и зажиточного крестьянства, остальные - интересы невенгерских

национальностей. За Австро-венгерское соглашение 1867 года выступали 3 партии - правящая Партия национального труда, Конституционная партия и католическая Народная партия. Они же отстаивали на словах равенство национальностей "в рамках Венгрии". Две партии выступали за возрождение идеалов революции 1848г. и за независимость от Австрии - оппозиционная - "Объединенная партия независимости и 48 года" и Демократическая партия, Партия христианских социалистов и партия мелких сельских хозяев 48 г. этих вопросов не затрагивали и выдвигали социальные требования⁶.

Представители национальностей имели в парламенте 8 мандатов: 2 - словаки, 5 - румыны, 1 - немцы. Сербия и закарапатские украинцы не были представлены⁷. Хорватия послала 40 депутатов⁸.

В первые годы войны хорватские, словацкие и румынские политические деятели придерживались выжидательной тактики. Так, депутат хорватского сабора Куршер /хорватско-сербская коалиция/ выступил против борьбы оппозиции за отделение от Венгрии. Он ссылаясь на общие интересы, которые их связывали в годы войны, и прежде всего защиту территориальной целостности Австро-Венгрии⁹.

Венгерские радикалы и социал-демократы не являлись парламентскими партиями. И если радикалы захватили лидерство в разработке национальной программы с самого начала, то социал-демократы долгое время игнорировали национальный вопрос.

Остановимся более подробно на идейно-политической борьбе по национальному и государственному вопросам в Венгрии в годы первой мировой войны.

Венгерское правительство вплоть до 1918 г. занимало неизменную позицию по национальному вопросу. Сначала глава кабинета И.Тиса - один из виновников развязывания войны, а затем с 1917 г. буржуазный деятель Ш.Векерле до осени 1918 г. выступали за сохранение Австро-Венгрии и территориальной целостности Венгрии.

В программе Партии национального труда 1910 года приз-

навалось, что "наше общество раздирают национальные противоречия. Что-то надо делать, но не затрагивая основ соглашения 1867 года"¹⁰. И.Тиса был противником триалистического преобразования монархии. На заседании общего совета министров 7 и 19 июля 1914 года он отчасти поэтому выступал против аннексии Сербии, опасаясь утраты господства венгров в дуалистической монархии, если будет присоединен славянский элемент и говорил только "о стратегической корректировке ее границ"¹¹.

В феврале 1918 года была создана новая правительственная партия из бывших оппозиционных партий, которые перешли к поддержке правительства ведения войны до победы. Впервые в программе по национальному вопросу четко выделялись два момента: "сохранение территориальной целостности наряду с уважением прав народов" и "необходимость уничтожения в зародыше всех других программ по государственно-правовым вопросам"¹².

С другой стороны, с самого начала войны существовала оппозиция правительству из представителей различных партий, которая вплоть до 1917 года при обсуждении бюджета выражала недоверие его политике. Лидером оппозиции был крупнейший политический и государственный деятель Венгрии М.Каройи, возглавлявший Объединенную партию независимости и 48 года, вторую по численности партию парламента.

Каройи накануне первой мировой войны связывал борьбу за независимость с пониманием опасности войны и поэтому развернул движение не только против Австрии, но и против Германии. В своих стремлениях отойти от Тройственного союза он попытался опереться на правящие круги Антанты, прежде всего Франции, США и России. Германия вытесняла монархию с Балканского полуострова и усиливала влияние на Австро-Венгрию. Агрессивность Германии могла привести к войне.

Союзу с Австрией он предпочитал дунайскую или балканскую конфедерацию, к которой может присоединиться и Румыния, при условии, если Венгрия будет играть в ней значительную роль¹³.

Чтобы заручиться поддержкой на международной арене, М.Каройи накануне войны ездил во Францию, где вел переговоры с президентом, и в США, где искал опоры среди американских венгров. В Париже он установил контакты с русским послом Извольским¹⁴.

В 1915 году, когда должны были состояться выборы в парламент, добиваясь его созыва на основе всеобщего избирательного права, Каройи предложил развивать отечественное сельское хозяйство, промышленность и торговлю¹⁵.

В 1916 году впервые за годы войны произошел раскол оппозиции. 19 июля 1916 года М.Каройи создал свою партию в парламенте с целью порвать отношения с немцами и подписать сепаратный мир. Он выдвинул программу буржуазно-демократических преобразований. Новая партия привлекла внимание общественности обещанием возродить борьбу с Австрией во имя независимости Венгрии — "Венгерская нация должна стремиться к восстановлению полноты государственной жизни в качестве совершенно самостоятельного государства". Партия выступала против таможенного союза Германии с Австрийской империей.

Сохранение территориальной целостности страны выдвигалось Каройи в качестве одного из условий заключения мира¹⁶. Программа по национальному вопросу для невенгерских национальностей в духе культурно-национальной автономии была разработана лидером радикалов О.Яси. До 1914 года радикалы группировались вокруг журнала "Хусадик сазад" /"Двадцатый век"/. С самого зарождения движения с 1900 года уделялось большое внимание образованию, аграрному и национальному вопросам.

Лидер радикалов Оскар Яси был философом, социологом, теоретиком, редактором.

27 мая 1908 года он создал новую ложу Мартиновица, в качестве программы которой провозглашалось создание "образовательной, богатой, независимой и современной Венгрии"¹⁷.

Яси в работе "Образование национальных государств и национальный вопрос" /1912 г./, которую он считал лучшей

и в завещании 1919 года просил переиздать только ее, раскрыл картину угнетенного положения невенгерских народов и свои взгляды по национальному вопросу. Он указал на ассимиляторскую политику венгров и угнетенное бесправное положение довольно широкого круга невенгерских национальностей: крестьян, среднего класса, интеллигенции. В этом он убедился лично, обходя самые глухие румынские и словацкие провинции, то же самое можно было сказать и про сербов. Яси предлагал решить национальную проблему расширением избирательного права и представительством в парламенте депутатов от других народов. Он предлагал создать для решения этого вопроса парламентскую комиссию, как это делалось в Англии в отношении Ирландии и Шотландии. Он выдвинул минимальную программу в решении национального вопроса: хорошая школа, хорошее управление и судейство. Эти меры могут быть осуществлены только в том случае, если народ сможет говорить на своем языке. Далее он ставил вопрос о развитии культуры, под которой понимал не только искусство, но и развитие сельского хозяйства и промышленности. Он ввел такой термин, как "политика индустриализма", с которым связывал развитие капитализма¹⁸.

6 июня 1914 года накануне парламентских выборов была образована буржуазная Радикальная партия. Партия объединяла прогрессивно настроенную интеллигенцию, мелкую и среднюю буржуазию, но не имела опоры в массах и не была представлена в парламенте. Она образовалась как партия, оппозиционная правительству¹⁹. Создание партии в 1914 году Яси мотивировал неспособностью прежних партий справиться с ростом национально-освободительного движения в Австро-Венгрии и на Балканах и желанием оказать нажим на парламентскую оппозицию и социал-демократов.

Партия выдвинула программу буржуазно-демократических преобразований. Это была единственная в то время партия, которая добивалась распространения избирательных прав на женщин /с 21 года/ и обеспечения представительства национальных меньшинств в парламенте. Предлагалось удовлетворить

языковые и культурные требования невенгерских национальностей, обеспечить свободу вероисповедания. В отношении с Австрией и другими государствами отстаивалась экономическая и государственная независимость²⁰.

Но партия Яси смогла оживить свою деятельность только в 1917 году. В годы войны О.Яси выезжал на фронт в качестве военного журналиста. Последовательно выходил журнал радикалов "Хусадик сазад", к сотрудничеству в котором привлекались и социалисты.

В журнале "Хусадик сазад" радикалы критиковали социально-экономическую политику правительства. На страницах журнала была помещена серия статей, раскрывающих угнетенное положение невенгерских национальностей, рост движения за самостоятельность, намечались пути решения национального вопроса.

К середине 1917 года, как об этом писал О.Яси, он пришел к пониманию того, что "Срединная Европа — это агрессивное, милитаристское образование", что "войну мы проиграли" и в этих условиях он поставил перед собой цель "объединить все прогрессивные силы"²¹.

Руководство Социал-демократической партии долгое время игнорировало национальный вопрос. Только на X съезде 1903 года СДП в принятой программе по национальному вопросу предлагала осуществить равноправие проживающих в стране национальностей. Вопрос о независимости Венгрии не ставился²². В 1913 г. съезд СДП высказался за сохранение Габсбургской монархии. Позиция лидеров венгерской и австрийской социал-демократии по вопросу целостности монархии совпадали²³.

И в годы войны социал-демократическое руководство по-прежнему на первое место выдвигало вопрос о реформе избирательной системы. Поддержав правительство в развязывании войны, социал-демократические лидеры занимали непоследовательную позицию по вопросу о мире. На чрезвычайном съезде СДП 25 ноября 1917 года не был даже поставлен вопрос о мирных предложениях Советской России. Зато в мае

1917 года делегация венгерской социал-демократической партии во главе с Эрне Гарам и Кунфи участвовала в Стокгольме на предварительных переговорах с представителями скандинавских стран о подписании компромиссного мира в духе заявлений своего правительства²⁵, одним из условий которого было сохранение территориальной целостности Австро-Венгрии.

В социал-демократической партии центристская группа Зигмонда Кунфи поддерживала Михая Каройи.

Тем не менее в годы войны на страницах теоретического журнала социал-демократической партии "Социализму" в 1914-1917 гг. было опубликовано несколько статей по национальному вопросу /К.Кунфи "Национальная идея и война"; Ене Варга "Мысли о будущем монархии"/.

К.Кунфи отстаивал идеи многонационального государства, т.е. территориальную целостность империи, мотивируя это тем, что "национальная борьба мешает классовой борьбе и осложняет ее". В будущем он предлагал программу, предполагавшую победу демократии и национальной автономии²⁶.

Е.Варга пришел к выводу, что "дуалистическая форма монархии не соответствует времени, о чем свидетельствовало недовольство большей части населения". Лучшим образцом государственного строя он считал Швейцарию и предлагал решить национальную проблему "социалистическим способом: на основе автономного права народов на самоопределение"²⁷, т.е. он шел дальше идей Кунфи.

В 1917 году на престол вступил император Карл Габсбург, придерживавшийся более либеральной гибкой политики. Это привело к отставке И.Тисы в Венгрии. Венгерские социал-демократы предлагали на пост главы правительства кандидатуру М.Каройи. Премьер-министром стал лидер Конституционной партии Мориц Эстерхази. Каройи не хотел разделять ответственности за развязывание войны и, не добившись успеха в парламенте, впервые за годы войны проявил инициативу по объединению парламентских и внепарламентских сил. Основой для сближения послужила общность взглядов по воп-

росам внутренней и внешней политики.

Так, 6 июня 1917 года был создан Блок борьбы за избирательное право, в который вошли Партия Каройи, радикалы, социал-демократы и некоторые другие парламентские партии. Блок, созданный под председательством М. Каройи, выдвинул программу введения всеобщего избирательного права и подписания компромиссного мира. М. Каройи предлагал бороться за независимость, радикалы внесли предложение заняться национальной политикой, а социал-демократы — социальной политикой²⁸. Блок развернул массовые акции в стране по созданию филиалов. В интересах завоевания на свою сторону невенгерских национальностей Блоком борьбы за избирательное право в сентябре и октябре 1917 г. были проведены собрания в Араде, Коложваре /Клуже/, Братиславе /Пожоне/ и др. Был поставлен вопрос о расширении национальных прав, о предоставлении возможности получить образование, о содействии экономическому развитию²⁹. Блок просуществовал до февраля 1918 года и был распущен в связи с усилением реакции и разногласиями между его членами³⁰.

Осенью 1917 г. Михай Каройи и Оскар Яси принимали участие в международном пацифистском конгрессе в Берне, созванном Лигой прочного мира с целью подписания компромиссного мира³¹. А в декабре 1917 года — на будапештской конференции по созданию венгеро-австро-немецкого пацифистского блока, правда, закончившейся безуспешно³².

В 1918 году положение в стране было нестабильно. Буржуазное правительство Ш. Векерле трижды подавало в отставку, министр иностранных дел — дважды. В стране развернулось мощное революционное и национально-освободительное движение, которое поставило под вопрос сохранение дуалистической формы монархии и вообще Австро-Венгрии.

Основы дуалистического соглашения были поколеблены. В 1917 году между Австрией и Венгрией было подписано предварительное соглашение, а в феврале 1918 года соглашение было подписано только на 2 года, а не на 10 лет, ^{как} прежде³³.

В венгерской части монархии получили распространение

различные идеи преобразования Австро-венгерской монархии: создание единого югославского государства, триализма, преобразование Австро-Венгрии в федералистское государство, образование независимых государств³⁴.

5 октября 1918 года, считаясь с ростом национально-освободительного движения, император издал рескрипт о преобразовании монархии на федеративных началах в составе четырех "самостоятельных" союзных государств внутри Австрийско-немецко-австрийского, богемского, южно-славянского и украинского. Ш.Векерле выступил против распространения манифеста императора на земли "венгерской короны", т.к. это привело бы к пересмотру соглашения 1867 года, и разработал проект персональной унии с Австрией и предложил пересмотреть соглашение с Хорватией 1868 года, но так, чтобы оставить ее в составе Венгрии³⁵.

В феврале 1918 года, когда почти все оппозиционные партии перешли к поддержке правительства, создав единую Конституционную партию 48 и 67 года, только три партии оказались в оппозиции и выразили недоверие правительству: Партия М.Каройи, Партия мелких сельских хозяев и 48 года И.Сабо и из-за национальной политики представители от национальностей³⁶. Заметно возросла политическая активность невенгерских депутатов в парламенте.

Осенью 1918 года, когда фронт на Балканах был прорван, М.Каройи — по-прежнему возглавлявший оппозицию, предложил свой вариант борьбы с революцией и спасения империи. Отношения с Австрией он намеревался ограничить только персональной унией. С целью удержания невенгерских национальностей в составе Венгрии он искал соглашения с национальностями на основе национальной программы культурной автономии буржуазного радикала О.Яси. Вторично за годы войны Каройи пошел на союз с радикалами. В сентябре он вел переговоры с трансильванцами, в октябре — с представителями словацкого национального движения, с румынскими политическими деятелями, с радикальной сербской национальной партией, с хорватами. Но в ходе переговоров Каройи убедился, что удержать

венгерские национальности в составе Венгрии не удастся.³⁷

В дальнейшем Кароли стремился к приемлемому миру с Антантой. С этой целью он предлагал создать в Венгрии самостоятельное министерство иностранных дел. Признавая программу Вудро Вильсона, он, однако, возражал против предоставления автономии народам Австро-Венгрии, ссылаясь "на исторические условия" Венгрии. Он выступал также с осуждением несправедливого Брест-Литовского и Бухарестского мира.³⁸

22 октября в парламенте Кароли выступил с обвинительной речью против правительства и предложил программу радикальных буржуазных преобразований из 10 пунктов. Упущение времени для переговоров с национальностями он считал одной из самых крупных ошибок и предлагал Новому правительству немедленно приступить к переговорам с национальностями "для установления равенства в правах и братского взаимопонимания, не препятствовать образованию югославянского государства и обеспечить Венгрии порт Фиуме и ведущий к нему путь"³⁹. 23 октября на последнем заседании парламента депутаты от румын, словаков, венгров, от порта Фиуме выступили со своей программой, в которой была заметна тенденция к самоопределению.⁴⁰

На чрезвычайном съезде СДПВ 13 октября 1918 года как условие подписания мира выдвигалось образование народного правительства и провозглашение независимой Венгрии. Признав право народов на самоопределение, резолюция отвергала его целесообразность для народов Венгрии. Однако, как показала дискуссия на съезде, единой точки зрения на "независимость Венгрии" и "самоопределение народов" среди социалистов не было. Докладчик К. Куци, к которому по существу перешло руководство партией в 1918 году, признавая теоретически право народов на самоопределение и организацию государства по типу восточной Швейцарии, считал, что эту программу невозможно осуществить в современной Венгрии.⁴¹

Левые социал-демократы выдвинули лозунг "самоопределения", но с оговорками, что наши должно быть предоставлено право самой решить свою судьбу.⁴²

Таким образом, национальный вопрос в 1918 году становится одним из основных вопросов. Лидерство в разработке национальной программы захватывает вождь радикалов О.Яси. На его платформу культурно-национальной автономии встали Партия Каройи и к ней было близко руководство социал-демократической партии.

Национальные требования были исключены в новую программу радикалов в 1918 году почти без изменений по сравнению с 1914 годом. Новым в программе 1918 года явилась тактика сплочения "трудящихся среднего класса" и его связи с "земледельческим и рабочим классом", т.к. именно бесправное положение этих групп Яси отмечал среди невенгерских национальностей⁴³.

На страницах "Хусадик савад" продолжали публиковаться статьи по национальному вопросу. Так, в статье Р.Б. "У нас нет ничего общего с Австрией" поддерживалась идея независимости Венгрии. В статье Яси "Венгерские друзья президента Вильсона" автор считает, что венгерский парламент и правительство по национальному вопросу встали на точку зрения американского президента в интересах подписания мира и объясняет это влиянием революционных событий. Сам Яси выступал за последовательное проведение в жизнь национального закона Ференца Деака⁴⁴.

В июле-августе 1918 года Яси пишет статьи "Югославянский кризис", "Немцы и мы", в сентябре "Национальный вопрос с точки зрения общественного развития", в которых развивал свои взгляды по национальному вопросу. В начале войны Яси вынашивал идеи господства венгров на Балканах. Летом и осенью он отказывается от политики мадьяризации. В статье "Югославянский кризис" Яси призывает вероятность ликвидации дуализма вместе с абсолютизмом и создание вместо него союза /кооперации/ малых народов Средней Европы на основе права народов на самоопределение. Второй момент, который Яси выделял в национальном вопросе - это гарантия прав национальных меньшинств внутри государства. С целью сохранения невенгерских национальностей в составе

Венгрии и прекращения ирредентского движения он предлагает невенгерским национальностям предоставить автономию, обращая особое внимание на возможность общаться с родственными народами, проживающими вне страны. В статье "Национальный вопрос с точки зрения общественного развития" О.Яси конкретизирует абстрактные понятия "кооперации" и "гарантии прав": образование "нового государства", в котором будет соблюдаться принцип "свободной культурной автономии" и "кооперации по образцу США или Швейцарии", которой он отдавал предпочтение, т.к. она меньше утратила черты демократии⁴⁵.

В монографии, написанной в октябре 1918 года, "Будущее монархии, крах дуализма и Дунайские Объединенные государства" Яси скептически относится к многонациональным государствам, которые он называет "национальными эмбрионами" и к которым относит Австро-Венгрию, Балканы и Россию. И главные причины войны он видит в англо-германских противоречиях, а в нерешенности государственных и национальных проблем в Восточной и Средней Европе. Он считал, что конституция Австрии не могла решить национального вопроса, а война еще больше его обострила. И предлагал решить национальный вопрос предоставлением независимости для Венгрии и автономии для народов, проживающих на территории Венгрии: развивать язык, культуру, экономику⁴⁶.

Яси предлагал создать кооперацию народов, которые не способны поодиночке противостоять германству и восточному славянству - этому двойному давлению /"не быть вассалами России и Германии"/⁴⁷.

Он возвращается к плану Кошута Дунайской конфедерации: поддерживать стремление к образованию государств, близких в расовом отношении. Для жизнестойкости этих государств в районе Дуная и Балкан им необходимо объединиться в один прочный союз на основе полного таможенного единства, общей обороны и внешней политики.

Яси пришел к плану федерации Дунайских объединенных государств - "единство 5 государств - Австрии, Венгрии без

Хорватии, Польши и Иллирии — южных славян под руководством Хорватии. Иллирия могла включить в себя сербов балканских стран и возможно было присоединение к ней Румынии⁴⁸. По мнению Петера Ханака, Яси произвольно кроил границы государств.

Трианонский договор он находил несправедливым для Венгрии⁴⁹.

Среди венгерских историков нет единой точки зрения на национальную программу О.Яси: академик Д.Мереи считает ее националистической, П.Ханак рассматривает ее как разновидность австро-марксизма, Литван отмечает, что Яси, в начале века признававший право народов на отделение Эрвина Сабо, дальше других пошел в разработке национальной программы и остался ею неудовлетворен. И.Галантай считает, что ни Каройи, ни радикалы не хотели предоставить территориальной автономии национальностям, что дальше всех в национальной политике пошли социал-демократы, которые в октябре 1918 года выдвинули лозунг на самоопределение⁵⁰.

Все программы по национальному вопросу были направлены на предотвращение революции, а лидер парламентской оппозиции М.Каройи с национальной программой связывал надежды на подписание мира в духе идей В.Вильсона.

Однако все попытки навязать насильственное решение национального вопроса оказались бессильны перед революционным натиском в 1918 году.

1. Ленин В.И. О программе мира. Полн. собр. соч., Т. 27. С. 273.

2. Интернациональное сотрудничество КПСС и ВСРП: история и современность. М., 1987, С. 35-35, 38. История венгерского революционного рабочего движения. М., 1970. Т. I. С. 138-139, 140-141, 144, 146.

3. История Венгрии. М., 1972, Т. 2, С. 236-261.

4. Jászai Oszkár. Racz D. Zsigány Z. A választójog reformja és a magyarság jövője. Budapest, 1908. 17 l.

5. Zsigány Zoltán. A választójogi törvény javaslat // Huszadik Század. Budapest, 1918. 37 k., N 1, 28 l.

6. Mérei Gyula. A magyar polgári partok programjai. 1867-1918. Budapest, 1971, 49-51, 137-142, 148-149, 165, 270, 274, 280, 350 l.

7. Исламов Т.М. Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны. 1906-1914. М., 1972, С. 280.
8. Vasarhelyi Ferenc. A magyar Országgyűlés. Budapest, 1916, 302 l.
9. Népszava, 23. XII 1916.
10. Mérei Gyula. A magyar polgári..., 49 l.
11. Киселева Н.П. Роль венгерских правящих кругов в июльском кризисе 1914 года // Вопросы истории. М., 1987, № 3, С. 66.
12. Karolyi Mihály. Az új Magyarországért. Budapest, 1968, 104, 106-107.
13. Karolyi Mihály. Levelezése. 1905-1920. Budapest, 1978, 1 k., 62, 66-67; Népszava, 28.V, 20.VI, 17.VII 1914.
14. Karolyi Mihály. Levelezése..., 62-63, 67, 81, 88, 90 l.; Népszava, 20.VI, 17.VII 1914.
15. Országgyűlés képviselőházának naplója. (далее KN). Budapest, 1915, 26 k., 409-414 l.; Karolyi Mihály. Egy egész világ ellen. Budapest, 1969, 146 l.
16. Karolyi Mihály. Az új..., Киселева Н.П. Образование новой партии независимости и 48 года в Венгрии /июль 1916/ // Вестник Московского университета, 1973, № 5. С. 64-77.
17. Magyarország története. 1890-1918. Budapest, 1978, 7/1 k., 742 l.
18. Jászi Oszkar. A nemzeti államok kialakulása és a nemzetiségi kérdés. Budapest, 1912, 458, 463, 520, 529 l. 277-279 l.
19. Jászi Oszkar. Publicisztikája. Valogatás. Budapest, 1982, 213-218 l. Fekasz György. Szabadkőművesség, radikalizmus és szocializmus az 1918 előtti Magyarországon. A Martinovics Pál-hely története // Parttörténeti közlemények. 1961, N 2, 78 l.
20. Mérei Gyula. A magyar polgári... 311-314 l.
21. Jászi Oszkar. A Monarchia jövője. A dualizmus bukása és a Dunai Egyesült Államok. Budapest, 1918, 6 l. Idem: A magyar kalvaria, magyar feltámadás. A két forradalom értelme, jelentősége és tanulságai. Bécs, 1920, 7, 26 l.
22. Желицкий Б.И. Социалистическое рабочее движение в Венгрии. 1873-1890. М., 1975, С. 162; История венгерского..., С. 45.
23. История венгерского..., С. 98.
24. Там же, С. 142.
25. Там же, С. 129.
26. Kunfi Zsigmond. A nemzeti eszme a háborúban // Szocializmus, 1916, N 5-6; Kovács Rozsa. Erényi Tibor. Kunfi Zsigmond életútja. Budapest, 1974, 79-80, 85-86 l.
27. Varga Jenő. Gondolatok a monarchia jövőjéről // Szocializmus. Budapest, 1917, N 1, 16-19 l.
28. A magyar munkás mozgalom történetének válogatott dokumentumai. 1907-1918. (далее MMTVD). Budapest, 1969, II r, 4/B, 290-291; Népszava, 7.VI 1917.
29. Népszava, 15, 21, 26.VI 1917; 10.II 1918; Pesti Hírlap, 7, 10, 21, 26.VI 1917; 16.I 1918, 9.II 1918.

30. Karolyi Mihály. Egy... 207, 211 l.; Idem: Levelezése... 222 l.; Pesti Hirlap, 16.I, 9.II 1918.
31. Karolyi Mihály. Levelezése... 211, 214-215 l.
32. Karolyi Mihály. Egy... 233 l.
33. KN, 1918, 38 k., 194-196, 227 l.
34. KN, 1917, 37 k., 383-384 l.; Népszava, 31.V 1917; Pesti Hirlap, 16. IX 1917; Magyarország története..., 7/2 k., 1198 l.; Galantai Jozsef. A Habsburg monarchia alkonya. Osztrák-magyar dualizmus 1867-1918. Budapest, 1985, 343 l.; Истoрия Венгрии. М., 1972, т. 3, с. 36-37; Писарев Ю.А. Сербия и Черногория в первой мировой войне. М., 1968, с. 235.
35. Karolyi Mihály. Egy..., 319-320 l.; KN, 1918, 41 k., 290-294 l.
36. KN, 38 k., 227, 194-196 l.
37. KN, 41 k., 360 l.; Karolyi Mihály. Egy..., 301-306, 319 l.; Népszava, 8,13,23 X 1918; Pesti Hirlap, 10 X 1918.
38. Népszava, 8, 13, 17.IX 1918; Karolyi Mihály. Egy..., 39. KN, 41 k., 360-361 l.
40. KN, 41 k., 314-316, 321, 350-352, 357, 419 l.
41. MMTVD, II r., 4/B, 464, 467, 471-472, 475 l.
42. Ibid., 476-479 l.; История венгерского..., с. I67-I69.
43. Mérei Gyula. A magyar polgári..., 319-321 l.
44. B.R. Ausztriahöz nincs semmi közünk // Huszadik Szazad, 1918, N 3, 39 k., 138 l.; Jászai Oszkar. Wilson elnök magyar elvtársai // Huszadik Szazad, 1917, N 6, 35 k., 45. Jászai Oszkar. Délslav krízis // Huszadik Szazad, 1918, N 1-2, 38 k., 48-52 l.; Idem.: A németek és mi // Huszadik Szazad, 1918, N 1-2, 38 k., 55-57 l.; Idem.: Nemzetiségi kérdés a társadalmi fejlődés szempontjából // Huszadik Szazad, 1918, N 3, 39 k., 110-111 l.; Mérei Gyula. Föderációs tervek Délkelet-Európában és a Habsburg monarchia. 1840-1918. Budapest, 1965, 145 l.
46. Jászai Oszkar. A Monarchia jövője..., 6, 16, 23, 52 l.
47. Ibid., 25, 43, 77 l. Впервые идея кооперации зародилась у Яси весной 1918 года.
48. Ibid., 44, 46, 72 l.
49. Предисловие Hanak Péter / Jászai Oszkar. A Habsburg monarchia felbomlása..., Budapest, 1982, 25-29 l.
50. Mérei Gyula. Föderációs tervek..., 152 l. Предисловие Hanak Péter / Jászai Oszkar. A Habsburg monarchia felbomlása..., 24-25 l.; Предисловие Litvan Gyorgy / Jászai Oszkar. A nemzeti államok kialakulása... Budapest, 1986, 37 l.; Galantai Jozsef. A Habsburg monarchia alkonya..., 351-352 l.

Образ "новой Европы": национальные проблемы Австро-Венгрии в британской публицистике накануне и в годы Первой мировой войны

В начале XX века британская пресса и публицистика не проявляли заметного интереса к внутренним национальным противоречиям Габсбургской монархии, что являлось отражением позиции официальной дипломатии. В кругу профессиональных политиков сформировался своеобразный стереотип Австро-Венгрии как государства, существование которого совершенно необходимо для поддержания "баланса сил" в Европе. Именно это имел в виду английский историк В. Готлиб, утверждая, что "если бы двуединая монархия не существовала, Уайтхоллу пришлось бы выдумать ее в противовес Германии и России". Накануне мировой войны в Лондоне были озабочены не самим фактом союза Германии и Австро-Венгрии — такой союз считался вполне естественным с точки зрения европейского баланса сил — а все более усиливавшимся с начала XX века германским влиянием в последней. Нейтрализовать это влияние, усиливать в определенных пределах дух независимости у венских правящих кругов, и таким образом, косвенно, ослаблять австро-германский блок, создавая в Берлине впечатление неуверенности в своем союзнике — такова была задача английской дипломатии. Определенный вклад в ее решение вносила публицистика австрофильского содержания.

Интерес к народам многонациональной Габсбургской монархии проявляла небольшая группа журналистов, историков, путешественников. Их книги и статьи были различны по точности описания и достоверности фактов, интерпретации событий, а также по стилю изложения. Однако всех авторов объединяли исходные посылки. Колониалистская идеология накладывала неизгладимый отпечаток на отношение "образованных" англичан не только к афро-азиатским, но и к угнетенным европейским народам, в частности славянским. В соответствии с распространенной в то время концепцией англосакса-

низма им отводилось место где-то у подножия пирамиды народов, построенной по расовому признаку. Здесь, вдали от "англосаксонской" вершины, размещались "нецивилизованные" расы, которым приписывались такие качества, как лень, склонность ко сну, детская беззаботность и т.п. С непоколебимой уверенностью в собственном превосходстве писали о славянах и их "неповторимом очаровании" авторы книг, брошюр, заметок, статей. Так, например, некий У.Бейли, которого газета "Таймс" рекомендовала как "юриста, писателя и известного ученого", систематически снабжал читателей сведениями о том, что славяне "сильно верят в эффективность сна", бездеятельны, склонны к алкоголю и пр. Уже в годы войны его статьи вышли отдельной книгой. В подобном стиле писали также Н.Бакстон, Г.Н.Брэйлсфорд и другие. Не случайно известный либеральный историк Дж.Тревельян тщательно призывал своих соотечественников "прояснить умы в отношении славянских народов".

Предвзятые идеи и предрассудки предопределили слабую разработку теории национального вопроса. Публицисты и историки, интересующиеся Австро-Венгрией, опирались, как правило, на т.н. "британский опыт", а также на идеи, выдвинутые в конце XIX века лордом Актоном, поклонником германской исторической мысли, в особенности школы Л.Ранке. Его знаменитое эссе "Национальность" написано на основе того же "британского опыта". В отличие от германских историков второй половины XIX века, которые возвышали национальную идею, Актон ее начисто отрицал. Сливая в одной фразе два реакционных предрассудка, он писал: "Теория нации еще более абсурдна, чем теория социализма". Идеальным историк считал многонациональное государство, в котором "низшие расы" только и могут подняться до вершин цивилизации. При таком подходе стремление отдельных народов к созданию государства расценивалось как противоестественное. "Государство может в течение определенного времени создать нацию, — заявил Актон, — конституирование же нации в государстве противоречит современной цивилизации".

Представленная Актоном "вигская интерпретация прогресса в истории" имела в Англии множество сторонников, которые искренне верили, что "все человечество неуклонно движется вперед и вверх к вершинам английской конституционной свободы". Считалось, что Австрия выполняет в этом направлении "великую и ответственную миссию" по приобщению к цивилизации якобы отсталых народов Восточной и Юго-Восточной Европы. Последние могли и не утратить полностью своих особенностей, но степень их самостоятельности не должна подниматься выше "гомуля". Отсюда само собой напрашивались аналогии между Австро-Венгерской и Британской империями в целом и отдельными их частями, например, Хорватией и Ирландией. Лорд Актон полагал, что обе империи "по существу наиболее совершенные государства".

Господствующие представления о цивилизаторской миссии Габсбургов служили основой распространения в Великобритании австрофильских взглядов, а соответствующая литература не исчезла вплоть до распада Австро-Венгрии. В довоенный период она создавала своеобразный психологический фон для поддержания дружественных отношений с монархией Габсбургов, чему английская дипломатия придавала большое значение. Пресса нередко представляла многонациональную Габсбургскую империю в качестве "образца демократической свободы и терпимости", подчеркивала ее роль в преобразовании далекой "варварской" периферии.

Критическую струю в господствующие австрофильские настроения внесли накануне войны видные британские публицисты У.Стид и Р.Сетон-Уотсон. Оба они хорошо знали Австро-Венгрию и зарекомендовали себя экспертами по национальным проблемам в Центральной и Юго-Восточной Европе. Являясь сторонниками "интегритета" Габсбургской империи; Стид и Сетон-Уотсон подвергли острой критике систему дуализма и настойчиво рекомендовали реконструировать ее.

Сетон-Уотсон, в частности, оставаясь апологетом британской демократии, выдвигал т.н. "обновленную концепцию триализма", которая, по сути дела, была ни чем иным как

экстраполяцией родившейся в кругах английских либералов идеи "всеобщего гомруля" на Австро-Венгрию. В качестве образца Габсбургам предлагалась "британская концепция гражданства", которая якобы обеспечивала "равенство наций и народов"¹. Иначе говоря, конструктивные предложения Сетон-Уотсона не выходили за рамки опыта межнациональных отношений, сложившихся на Британских островах. Острие критики британского публициста было направлено против Венгрии, напротив, Австрия представлена как "подлинно прогрессивное государство, полное многообещающей жизни". Он проводил аналогию между положением Хорватии и Ирландии, предлагая обоим "гомруль" в рамках существующих государств.

Своего рода сенсацией в политической публицистике стала вышедшая в 1913 г. книга "Габсбургская монархия" корреспондента газеты "Таймс" Генри Уикэма Стида, работавшего в Вене с 1902 по 1913 гг. Она неоднократно переиздавалась в Англии и Франции, и даже в наше время буржуазные историки рекомендуют ее массовому читателю².

Надо отдать должное наблюдательности и литературному мастерству опытного журналиста. Меткие оценки, данные императору и его окружению, административному аппарату, армии, полиции, церкви и суду, передавали "азиатскую", по выражению Стида, атмосферу, царящую в империи Габсбургов. Эта страна, писал он позже в своих мемуарах, была "раем для дураков", а сам император — "не человек вовсе, а диаволический институт в человеческой форме".

Журналистское мастерство У.Стида не может скрыть методологической беспомощности, проявившейся в полной мере в главе "Народ". Положение масс, социальные вопросы и даже национальные противоречия в империи едва затронуты. Половина главы посвящена еврейскому вопросу, причем антисемитские предрассудки автора настолько явны, что шокировали даже его доброжелателей. Национальную борьбу Сид свел к борьбе за бюрократические назначения, sinecуры и т.п., доверяясь мнимому "общему признанию", а не серьезному анализу глубинных основ национальных движений. Особое место в

книге отводится югославянскому вопросу, который Стид прямо связывает с внешней политикой Габсбургов и помещает его в соответствующей главе. Лучшее решение публицист видел в объединении югославян под скипетром Габсбургов и создании таким образом барьера германскому продвижению на Восток.

Критика дуализма в работах Сетон-Уотсона и Стида вытекала из общих стратегических задач британского империализма накануне войны: предотвратить превращение Австро-Венгрии в орудие велико-германских устремлений. Настоятельные советы публицистов реорганизовать империю связаны именно с этими задачами.

Вместе с тем следует иметь в виду, что буржуазные публицисты типа Сетон-Уотсона и Стида, внимательно изучая внутреннюю обстановку в империи Габсбургов, готовились во всеоружии встретить назревавший в этой стране кризис и оказывать влияние на его развитие. Стид, например, озабочен был тем, как решить проблему обновления дуалистической системы "без гражданской войны и вытекающих из нее последствий". Подобными заботами проникнуты и работы Сетон-Уотсона, приложившего немало усилий по их переводу на немецкий язык с целью донести до австрийских правящих кругов идеи о необходимости переустройства империи.

Еще в довоенное время Стид и Сетон-Уотсон установили связи с хорватскими, чешскими, румынскими и другими буржуазными деятелями, многие из которых эмигрировали позже в Англию. Установлению подобных связей во многом способствовала подготовка к изданию журнала "Европейское обозрение", в котором предполагалось освещать национальные проблемы в Европе, в особенности в Австро-Венгрии и на Балканах. В ходе этой подготовки Сетон-Уотсон вел переговоры с Т.Г.Масариком, которому предлагали стать одним из главных сотрудников журнала, а также с хорватами /Ф.Супило, И.Лупис-Вукичем и др./, с румынами /Б.Йоргой и Д.Морояну/. Делались попытки также привлечь поляков и украинцев, для чего в июне 1914 г. Сетон-Уотсон посетил Краков и Львов. Стид и Сетон-Уотсон не только распространяли идеи, направ-

ленные на ослабление позиций Германии на востоке Европы, но и, обладая известной дальновидностью, учитывали долгосрочные классовые интересы британской буржуазии.

Уже в первые годы войны они пришли к выводу, что таким интересам наиболее всего отвечает ставка на националистическое движение в Восточной Европе. С одной стороны, это движение подрывало бы изнутри одного из союзников Германии, а с другой — служило бы надежным средством перевода национально-освободительного процесса в буржуазное русло. Не случайно именно Стид и Сетон-Уотсон направляли пропагандистскую кампанию против Габсбургов в течение 1914—1918 гг.

В первые годы войны антигабсбургская пропаганда не имела какого-либо центра. На страницах т.н. "толстых" журналов, апробирующих, как правило, долговременные ходы британской политики, появились статьи с грозными названиями: "Развалить Австрию!", "Конец ветхой империи" и т.п. Тон задавал орган британских консерваторов "Найинтинз сенчури", поместивший в ноябре 1914 г. статью Э.Бейкера "Окончательное исчезновение Австро-Венгрии". В публикациях империя Габсбургов именовалась "слабой", "разобщенной", "васалом", "гепт-анархией", "шатающейся", "ископаемой" и т.д. и т.п. Для большинства авторов, выдвигавших воинственные призывы, Австро-Венгрия оставалась, по меткому замечанию Стида, "подобна гегелевской философии"; они не знали этой страны, а о ее народах имели ограниченные и упрощенные представления. Целью пропагандистских выпадов против Габсбургской империи было отнюдь не разъяснение читателям всей сложности национальных проблем в этой стране, а стремление убедить их в том, что противник внутренне слаб. В конечном счете пропаганда стремилась внести раскол в стан врага, навязать Габсбургам мысль о необходимости порвать с Германией. Отдельные авторы прямо писали об этом, другие намекали. Часто употребляемые фразы о "свободе малых наций", "правах малых наций", "реализации национального принципа" и даже о "национальном самоопределении" старательно отделялись от социальных лозунгов. "Что я хочу подчеркнуть, — поучал сво-

их сограждан видный историк Дж.Х.Роуз, — это необходимость решения великих национальных вопросов в Европе прежде чем решать социальные проблемы". Старательное отделение национального вопроса от его коренных социально-экономических основ, абсолютизация следствия и игнорирования породивших его причин такова одна из характерных черт британской пропаганды, остававшейся неизменно присущей ей в течение всей войны.

Осенью 1916 г. по инициативе Сетон-Уотсона был основан еженедельник "Новая Европа", претендующий на роль межсоюзнического центра для всех сторонников "национального принципа". Вокруг этого издания объединились британские пропагандисты, ставящие, согласно заявления редакции, цель "способствовать объединению усилий союзников для достижения победы, которая обеспечит освобождение угнетенных наций Центральной и Юго-Восточной Европы от германо-мадьярского контроля"³. Антигабсбургская пропаганда приняла организованный характер. Направляемый Сетон-Уотсоном, выступавшим одновременно в роли редактора, издателя и владельца, еженедельник объединил публицистов, историков и общественных деятелей — всех тех, кого современный английский ученый К.Колдер назвал "либеральными националистами". Многие из них, прежде всего Сетон-Уотсон и Сид, а затем член парламента Ф.Уайт, ректор Королевского колледжа Лондонского университета Р.Берроуз, историки — А.Эванс, Д.Роуз, У.Филипс, Р.Мюр и другие, выступали в качестве пропагандистов гибкой британской политики в Восточной Европе, в роли теоретиков, пытающихся вооружить правящие круги аргументами и концепциями в пользу нового, как они считали, международного порядка в этом регионе. "Мы не просто призываем к разрушению Габсбургской империи, а стремимся разработать основы контр-плана германской схеме "Миттельевропа"⁴.

На страницах еженедельника национальные вопросы /польский, югославянский, чешский и другие/ ставились не сами по себе, а в контексте англо-германского соперничества.

Авторы статей писали о "правах малых наций", "реализации национального принципа", и т.п., исходя из вполне осознанного стремления ослабить Германию и т.о. решить "комплексную алгебраическую задачу" — сохранить и укрепить Британскую колониальную империю⁵. Именно поэтому "либеральные националисты" выдвигали лозунг "национального самоопределения" не вообще, а только для народов Австро-Венгрии. О "самоопределении" ирландцев, египтян, индийцев и других народов громадной Британской империи поборники "национального освобождения", естественно, умалчивали. В редких случаях упоминали только ирландцев, поскольку умолчать о них было невозможно. Британские пропагандисты при этом старательно отделяли их от "угнетенных народов", лицемерно утверждая, что все свободы торжествуют на Британских островах и ирландцам вполне достаточно "гомруля"⁶.

В данном случае мы сталкиваемся с тем особым явлением в области внешнеполитической пропаганды, которая позже получила широкое распространение и в наши дни носит название "экспортная" идеология". Призывая к "освобождению" народов Габсбургской монархии, британские публицисты не только умалчивали о вопиющих фактах угнетения народов "своей" империи, но и пытались приукрасить ее, представить "особой", "демократичной", "добровольной" и т.п. К концу 1914 года вместо слова "империя" в лексиконе британской пропаганды все чаще стал употребляться термин "содружество". В этом отношении особенно показателен сборник "Война и демократия", появившийся впервые в 1914 г., а затем переиздававшийся восемь раз огромными тиражами. Его авторы — Р.Сетон-Уотсон, Д.Вильсон, А.Циммерн и А.Гринвуд сформулировали обобщенный "демократический идеал", за который следовало воевать и нести жертвы. Оказывается воевать надо за осуществление "принципа национальности", за "новую Европу"⁷. Англия, призывает авторы, должна содействовать развалу Австро-Венгрии, "идти во главе колонны" при образовании новых государств в Европе. Однако радикализм пропагандистов сменяется благоговейным трепетом, когда они пишут об

"имперской миссии" Великобритании, на долю которой выпало якобы "моральное руководство миром". В дальнейшем "ветхая" монархия Габсбургов стала служить темным фоном, позволявшим авторам многочисленных книг и статей видеть все выгоды и преимущества "нашего имперского эксперимента". Фаланга писателей, публицистов, ораторов, политиков, которых невозможно перечислить, в самых различных выражениях, терминах, лицемерно "доказывали" принципиальное отличие Британской империи от всех остальных колониальных империй, как основанной "на свободе" и ставящей целью не подавление и ограбление, а благоденствие покоренных народов.

Именно на указанном выше противопоставлении строились расчеты британских "поборников" освобождения угнетенных народов Австро-Венгрии. Логика рассуждений была примерно такой: поскольку Габсбургская империя "средневековая", "вассал" и т.п., а ее народы "угнетены жестоко и беспощадно", то следует развалить это многонациональное государство; поскольку Британская империя - "демократичная", да еще к тому же превращается в "содружество", то вполне достаточно усовершенствовать ее организацию и управление: ирландцам предоставить "гомруль", т.е. ограниченную автономию, а в отношении "незрелых" колониальных народов - достаточно "благородного с ними обращения". Ведь Британия, по убеждению пропагандистов, "инструмент прогресса", защитница принципов цивилизации, дар божий, неисполненный покоренным ею народам.

Таким образом, освещение национальных проблем Австро-Венгрии накануне и в годы первой мировой войны было подчинено в британской публицистике определенным политическим и классовым целям.

Идеологи британского империализма стремились преодолеть явное противоречие между официально декларируемой приверженностью Англии к политическим свободам, в том числе и "свободе малых наций", и отрицанием этих свобод в собственной стране и Британской империи в целом.

Известный историк А.Дж.П.Тейлор отметил типичное для

англичан в предвоенный период безразличия к судьбам народов Австро-Венгрии. Но благодаря пропаганде, добавляет Тейлор, их "национальное освобождение, когда оно наконец стало фактом, представлялось победой британского дела". К этому можно лишь добавить, что распад в дальнейшем британской колониальной империи убедительно свидетельствует об эфемерности подобных пропагандистских побед.

1. Seton-Watson R.W. *The Southern Slav Question and the Habsburg Monarchy*. L., 1911. P. 340.
2. Steed H.W. *The Habsburg Monarchy*. L., 1913.
3. *The New Europe*, oct. 19. 1916.
4. *The New Europe*, nov. 9. 1916.
5. *The New Europe*, nov. 23. 1916.
6. *The New Europe*, march 15, 1917.
7. *The War and Democracy*. L., 1918.

В.П.Фисанов

Национальные проблемы Австро-Венгрии во внешней политике США в 1917-1918 годах

Проблемы формирования внешнеполитического курса США в Центральной Европе в 1914-1918 гг. являются объектом пристального внимания историков. К сожалению, в работах советских ученых до недавнего времени не анализировались особенности политики Великобритании, Франции, США в отношении Центральной и Юго-Восточной Европы. Исследователи исходили из тезиса о единстве "империалистической дипломатии" и "внешней политики Антанты и США". Разумеется, такие подходы не позволяли рассмотреть особенности стратегии и тактики отдельной страны в регионе; дать обоснованную характеристику ее дипломатической практики. Сегодня на первый план в изучении истории дипломатии периода первой мировой войны выдвигаются аспекты, долгое время остававшиеся в тени. Среди них немалый научный интерес представляет проблема влияния национального вопроса в Австро-Венгрии на политику официального Вашингтона в 1917-1918 гг. в отношении империи Габсбургов. Выходящая в Соединенных Штатах

многотомная публикация бумаг президента Вудро Вильсона позволяет детально проанализировать политику США в Дунайском бассейне. Обращение к затронутой проблематике представляется своевременным еще и потому, что на Западе стремятся по-новому интерпретировать австро-венгерский опыт регулирования межэтнических отношений, "австро-венгерский феномен" трактуется как прототип военно-политической организации стран Североатлантического блока. Интерес к истории Австро-Венгрии начала XX в. был связан также с 70-летием распада дуалистической монархии и образованием в Центральной и Юго-Восточной Европе ряда независимых государств.

Вступление США в первую мировую войну на стороне держав Антанты знаменовало определенный поворот в отношении к Австро-Венгрии. До 1916 г. национальные проблемы Дунайской монархии рассматривались в США как внутреннее дело Вены. В Вашингтоне были мало информированы о внутриполитической обстановке в "вотчине Франца-Иосифа", в частности, о национальной политике Габсбургов и о реальном положении чехов, словаков, поляков, хорватов, словенцев и других народов империи. В этой ситуации информация о национальных проблемах Австро-Венгрии, с которой выступали перед коллегами американские законодатели, вызвала определенный интерес в Конгрессе.

Вопрос о будущем славян Австро-Венгрии привлек внимание официального Вашингтона на рубеже 1916-1917 годов. Как известно, в декабре 1916 г. президент США обратился к воюющим странам с предложением объявить свои военные цели. Предпринимая ответный шаг, державы Антанты выступили 10 января 1917 г. с совместным заявлением. В документе говорилось о необходимости освобождения итальянцев, а также славян, румын и чехословаков от иностранного господства. Подобная формулировка вызвала некоторое замешательство в американских дипломатических кругах. С точки зрения американцев, союзники, упомянув об "освобождении" угнетенных национальностей двуединой империи, преследовали конъюнктурные цели. Стремясь понять истинные намерения Антанты, они терялись в догадках. Анализируя ноту, один из доверенных

представителей Вильсона в Лондоне Н. Хопгуд в письме от 29 января 1917 г. обратил внимание президента на то, что слово "чехословаки" выделено в документе отнюдь не случайно. Тем самым союзники, по мнению Хопгуда, хотели привлечь внимание США к "вопросу о Богемии", не позволяя однако "большинству американцев узнать, что они /чехословаки - В.Ф./ сделали" для Антанты. В упомянутом письме внимание Вильсона было обращено также на планы создания "независимой Чехии". В тот период подобные проекты широко пропагандировались руководителем чешской эмиграции Т. Масариком и его сторонниками в странах Антанты. Пересылая президенту составленную Масариком карту будущего Чешского государства и написанный им в проантантовском духе меморандум, Хопгуд многозначительно заметил: "Лично я против независимой Богемии, но считаю, что профессор Масарик заслуживает того, чтобы его выслушали"¹. Негативную оценку в Вашингтоне получили также планы создания Соединенных Штатов Югославии /термин впервые применили англичане/, выдвигаемые эмигрантами из югославянских областей монархии. Однако представители славянской эмиграции не оставляли планов изменения позиции держав Антанты и США в отношении выдвигаемых ими политических программ. Масарик в письме министру иностранных дел России С. Д. Сазонову так очертил круг своих забот: "Я занят работой в Англии, во Франции и Италии. Тут очень нужна информационная деятельность по делам славянским...". Подобная активность эмиграции поддерживалась правящими кругами США, других стран Антанты в строго определенных рамках.

Оставаясь сторонниками сохранения статус-кво в Центральной и Юго-Восточной Европе, американцы, как и их европейские союзники, исходили из необходимости заключить сепаратный мир с Веной. Различные формы экономического и политического давления на Габсбургов в сочетании с использованием взрывоопасного национального фактора должны были стать, по их мнению, действенным оружием в достижении поставленной цели. Стремление использовать национальный фак-

тор для решения конъюнктурных внешнеполитических задач /в данном случае для того, чтобы вывести Австро-Венгрию из войны/ имело немало аналогов в истории международных отношений.

Непосредственно к определению американской позиции в отношении трудно разрешимых австро-венгерских национальных проблем в Вашингтоне, подошли в начале августа 1917 г., когда на рассмотрение президента Вильсона был представлен меморандум "О союзной дипломатической стратегии". Его автором был известный журналист Уолтер Липпман, который впоследствии принял активное участие в разработке "14 пунктов". Как отмечалось в памятной записке, Австро-Венгрии не раз уже грозило в прошлом и продолжает угрожать нарастающее "чешское и юго-славянское движение" вследствие чего из армии к русским перешло пол-миллиона человек. В сложившейся ситуации правительство, считал Липпман, поступило бы мудро, поддержав в допустимых пределах "успешное движение" славян. Что касается независимости чехословаков, итальянских прав на Триентину, или будущего Боснии и Герцеговины, то эти проблемы, по образному выражению эксперта, "не учащают биение американского пульса"². Весьма показательны, что президент, выработывая собственную позицию в отношении Австро-Венгрии, исходил, по-видимому, из выводов меморандума. Не случайно, в ежегодном послании Конгрессу 4 декабря 1917 г., всего за три дня до объявления Габсбургам войны, Вильсон, отмечал, что США не стремятся каким-либо образом "повредить или переустроить Австро-Венгерскую империю".

В процессе разработки американских военных целей австро-венгерские проблемы вновь привлекли внимание политиков и дипломатов. Созданная осенью по предложению помощника президента Э.Хауза исследовательская группа "Инкуайри", наряду с другими важнейшими проблемами мирового развития, вплотную подошла к анализу сложных межнациональных отношений в Дунайском бассейне. Итогом работы экспертов стал доклад, подготовленный накануне провозглашения "четырнадца-

ти пунктов". Особое внимание в нем было обращено на развитие центробежных тенденций в рамках австро-германского блока. Центральные державы, констатировалось в меморандуме, оказались перед лицом трех жгучих политических проблем: "поляки, чехи, южные славяне". Не противодействуя свободной игре экономических и культурных сил в центральноевропейском регионе, американцы, по мнению авторов меморандума, а ими были - известный ученый Сидней Мезес и упоминавшийся У. Липпман, должны были способствовать здесь объединительной тенденции. Усиление центробежных тенденций у чехов и поляков дестабилизировало обстановку в Австро-Венгрии, подталкивало ее к сепаратному миру с Антантой. "Наша политика, - заключали эксперты, - должна поэтому состоять в раздувании национального недовольства. В то же время необходимо отказаться от поддержки крайней логики такого недовольства, могущей привести к расчленению Австро-Венгрии".³ Рекомендации меморандума были в определенной мере учтены при составлении американской программы военных целей, в частности ее десятого пункта, который гласил: "Народы Австро-Венгрии, чье место среди наций мы надеемся видеть защищенным и гарантированным, нуждаются в свободной возможности автономного развития"⁴. В окончательной редакции пункт приобретал двусмысленный оттенок: было не совсем понятно, чье место среди наций президент желал видеть защищенным и обеспеченным - Дунайской империи или населяющих ее народов. Практически до середины 1918 г. смысл его трактовался в пользу Австро-Венгрии. В то же время была возможна и совсем иная трактовка в пользу национальностей, о чем американцы не преминули в конфиденциальном порядке сообщить обеспокоенным французам и итальянцам. Именно она представляла собой своеобразный - "запасной вариант" американской внешней политики в регионе на случай, если дезинтеграционные процессы в монархии Габсбургов приобретут необратимый характер и на политическую арену выйдут ориентирующиеся на Антанту и США эмигрантские группировки. Только в условиях распада дуалистической системы ударение в американской программе для Австро-Венгрии было сделано на слове

"народы". А до тех пор сохранение габсбургской системы как гаранта социально-политического статус-кво в Дунайском бассейне было неизбежным постулатом внешнеполитической стратегии США. В Вене десятый пункт расценили не иначе как вмешательство во внутренние дела империи. Позднее, однако, австро-венгерский министр иностранных дел О.Чернин не исключал возможности автономного развития при условии, что устройство послевоенного мира будет основываться на прочном фундаменте.

Указывая на возможность двоякого прочтения десятого пункта мирной американской программы, У.Липпман в одном из своих послевоенных эссе отмечал, что предпочтение все-таки было отдано единству Австро-Венгерской империи, поскольку проблема Югославии, также как и чехословацкий вопрос, вообще не ставились. Заметим, что в рассматриваемый период десятый пункт служил основой для ведения сепаратных переговоров с Веной. Не случайно в ходе секретной переписки с императором Карлом президент США неоднократно ссылался на его содержание.

Поворот в австро-венгерской политике США произошел в августе - сентябре 1918 г. - в условиях фактического распада империи, когда американская дипломатия вынуждена была пойти на новое прочтение десятого пункта. В официальной ноте, направленной 18 октября Австро-Венгрии, отмечалось, что со дня провозглашения "четырнадцати пунктов" произошли события исключительной важности: Правительство США признало справедливые национальные требования чехословаков и югославян. "Поэтому президент, - говорилось в заключении, - не может рассматривать в качестве основы мирного урегулирования "простую автономию" для этих народов". Как свидетельствуют документы, в тот период в Вашингтоне делали ставку не на потерпевших фиаско Габсбургов, а на прозападные эмигрантские группы, призванные в новой ситуации содействовать процессам политической стабилизации в регионе. Беседуя в середине октября с главой британской секретной службы в США Уильямом Уайзманом, Вильсон под-

черкнул: "Мы уже признали Масарика, Дмовского и их группировки, поэтому не желаем больше ничего слышать". В то же время президент не забывал и предостережений главы госдепартамента Роберта Лансинга, считавшего полное признание чехословаков в качестве суверенной нации опрометчивым шагом. Не менее опасным, по мнению Лансинга, было бы признание югославской независимости, против чего категорически возражали итальянцы.

В дальнейшем Вильсон настоятельно советовал союзникам во избежание "серьезных политических осложнений", держаться как можно дальше от разваливающейся Австро-Венгрии, передав функции управления в славянских областях монархии представителям национальной буржуазии и их военным формированиям. Не случайно, в ходе состоявшейся в середине октября конфиденциальной беседы с доверенным лицом английского премьер-министра Э.Геддесом глава американской администрации, обратившись к проблемам Австро-Венгрии, сказал, что распад монархии, которая "задолжала" угнетенным национальностям, в особенности чехословакам, абсолютно необходимо. Вместе с тем президент выразил серьезные опасения, что крах дуалистической системы может привести к весьма нежелательным последствиям в регионе. В данном случае, как считали в Вашингтоне, речь шла о Германии, в отношении которой необходима строгая политика. Основная цель союзников, по мнению Вильсона, должна заключаться в том, чтобы в новой ситуации Германия, соседствуя с "маленькими слабыми государствами", не могла в течение длительного времени сохранять военно-политическое влияние в Центральной Европе.

После победы Октябрьской революции американцы считали важнейшей своей задачей не допустить дестабилизации обстановки в регионе, угрожавшей существованию капиталистических порядков. Вот почему идеалом политического устройства в Дунайском бассейне для американских политиков было не достижение независимости чехословаками и югославами, а создание "конфедерации Юго-Восточной Европы". При этом в

качестве эталона предлагалось использовать опыт Швейцарской конфедерации.

Идея создания Дунайской Федерации как альтернатива процессам "балканизации" Восточной Европы рассматривались Форин офисом и британским Военным кабинетом. В еженедельнике "Новая Европа", издаваемом с 1916 г. известным публицистом и историком Робертом Сетон-Уотсоном апробировались различные "запасные варианты" развития событий в регионе, предусматривающие неминуемый распад габсбургской системы. Они были взяты на вооружение английскими политиками в условиях складывания национальной государственности чехословаков и югославян. Одно из таких предложений предусматривало постепенный переход через самоопределение к новой системе центрально-европейского управления⁵. Не случайно, по-видимому, и то, что еще в середине 1916 года влиятельный британский журнал "Экономист", комментируя лекцию Т.Г.Масарика о малых нациях Центральной и Юго-Восточной Европы в Кинг Колледж, настоятельно советовал серьезным политикам ориентироваться на создание "Федерации свободных народов" с сохранением их автономного статуса. Кстати, в конце войны в кругах близким к британским "австрофобам" именно Масарика прочли на пост главы Дунайской Федерации.

Таким образом, США и Великобритания искали политическую модель послевоенного устройства в Дунайском бассейне.

Анализируя перспективы развития Австро-Венгрии, В.И. Ленин учитывал две возможности: "Развал Австрии или федерация демократических национальных государств?"⁶. Заметим, что ленинское понимание Федерации существенно отличалось от того, что предлагалось консервативными кругами Запада. Так, например, член английского Военного кабинета Ян Сметс предложил на Парижской мирной конференции создать под эгидой великих держав Мандатную систему для национальных государств, возникших после распада Австро-Венгерской империи. Этим государствам, по мнению британского политика, было необходимо "мудрое руководство" и "рука помощи" в решении важнейших вопросов, представляющих интерес для всех стран. Подобное образование должно было стать надежным барьером

против "большевизма и анархии"⁷. Такие подходы, разумеется, были далеки от подлинной заботы о независимом и суверенном демократическом развитии возникших в 1918 году на Европейском континенте государств.

Политика США в отношении Австро-Венгрии прошла в своем развитии три этапа: — с начала первой мировой войны и до конца 1916 года. Тогда в Вашингтоне практически не придавали значения национальному вопросу в Австро-Венгрии, считая его разрешением внутренним делом Габсбургов. Второй — конец 1916—1917 гг., когда американские политики, оставаясь сторонниками сохранения Австро-Венгрии, рассчитывали склонить Вену к сепаратному миру с державами Антанты и поэтому строили политику в отношении Дунайской монархии с учетом центробежных тенденций, особенно проявившихся среди славянских народов. Начало нового этапа в австро-венгерской политике было связано со вступлением США в первую мировую войну. Третий — от вступления США в войну до августа — сентября 1918 года. В этот период усилия официального Вашингтона были направлены на ослабление Австро-Венгрии изнутри с целью расколоть блок Центральных держав. Для этого использовали, разумеется, в строго ограниченных рамках успешное движение чехословаков и югославян. С особой рельефностью такой подход проявился в процессе разработки и провозглашения "четырнадцати пунктов", шесть из которых в той или иной степени касались восточно-европейской проблематики, в том числе десятый пункт — Австро-Венгрия. Вряд ли уместно в этой связи абсолютизировать ее значение в рамках глобальной внешнеполитической стратегии США. Приоритетным в Вашингтоне считалось тихоокеанское направление.

Изменение стратегических установок США в Центральной Европе произошло на заключительном этапе войны — в условиях фактического распада монархии Габсбургов. Именно тогда американцы сделали ставку на действовавшие в проантантовском духе эмигрантские группировки из славянских областей Австро-Венгрии. Однако предложенные ими программы создания независимых государств не вызвали в Вашингтоне, как

и в других западных столицах, особого энтузиазма. Здесь разрабатывались проекты Центральноевропейской федерации как гаранта социально-политической стабильности в Дунайском бассейне. Перспективы чехословацкой государственности, впрочем как и югославянской, были приближены не благодаря, а скорее вопреки политической воле правящих кругов США.

1. The Papers of W. Wilson. Princeton, 19183. Vol. 41. P. 56-57/Далее - Papers/.

2. Papers. Vol. 43. P. 406, 408.

3. Ibid. Vol. 45. P. 460, 463.

4. Ibid. P. 537.

5. The New Europe, 1918. 5.IX.

6. Ленин В.И. Планы к реферату по национальному вопросу. Полн. собр. соч., Т. 23, С. 447.

7. Papers. Vol. 57. P. 174, 175.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС ВО ВЗГЛЯДАХ ЮГОСЛАВЯНСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ АВСТРО-ВЕНГРИИ

Социал-демократическая партия Хорватии и Славонии была создана в 1894-1896 гг. Она возникла как составная часть социалистического рабочего движения Австро-Венгрии, на протяжении всей своей деятельности поддерживала тесные связи со II Интернационалом. Ее идеологи и руководители испытывали на себе непосредственное влияние различных течений, ведущих между собой острую полемику на страницах печати и на конгрессах Интернационала.

СДПХСл действовала в условиях, разительно отличавшихся от условий деятельности большинства партий II Интернационала. Во-первых, она создавалась на экономически отсталой территории с неразвитой социальной структурой буржуазного общества. Пролетариат формировался медленно. Даже в начале XX в. большинство рабочих было пролетариями в первом поколении. Почти отсутствовала социалистическая интеллигенция. Не было крупной в европейском понимании этого слова промышленности. Во-вторых, партия действовала в многонациональном государстве, объединяя в основном представителей двух неполноправных и проживавших чересполосно на одной территории этнически близких народов - хорватов и сербов. В-третьих, и между этими народами на рубеже веков отношения резко обострились, что было связано с завершением формирования наций и стремлением обоих народов к политическому самоопределению.

Монархия Габсбургов в целом также переживала сложный период в своем развитии. На протяжении всего существования это многонациональное государство вынуждено лавировало между центробежной и центростремительной тенденциями. В конце XIX - начале XX в. переход от феодализма к капитализму не был полностью завершен. Система австро-венгерского дуализма

представляла из себя переходную форму от феодальной государственности к буржуазной. Политическая структура медленно эволюционировала от авторитарного монархического правления к конституционно-либеральному, возможно - и демократическому. В области национально-государственного устройства совершался переход от централистской системы к федерализму (или конфедерализму). В центре политической борьбы и теоретических исследований оказался вопрос о национальном самоопределении, о его внешних и внутренних условиях, государственных формах, о путях и возможностях его достижения в рамках единого многонационального государства, об исторической альтернативе в судьбе государства Габсбургов. Социал-демократия Австро-Венгрии, как и все остальные политические силы, должна была определить свою позицию.

В конце XIX - начале XX в. социалистическое рабочее движение в Хорватии оформилось как самостоятельная составная часть общедемократического национального движения. Необходимо было объединить действовавшие на территории Хорватии-Славонии мелкие группы, отделиться от национально-радикального и социал-христианского течений в рабочем движении.

С 1890 г., с момента создания СДПВ, социал-демократы Хорватии состояли в ее рядах. Они образовали "областную", как говорилось в полицейском донесении, организацию, считали себя частью социалистического движения Венгрии. Но по мере развития и завершения формирования хорватской и сербской наций, в связи с постановкой вопроса о самоопределении и общим объективным развитием национальной политической системы, буржуазного общества в Хорватии-Славонии встал вопрос о создании особой партии в границах автономной территории, которая хорватским национальным сознанием воспринималась как самостоятельное государство. 8-9 сентября 1894 г. на встрече в Загребе социал-демократы Хорватии решили создать "собственную партию, полностью независимую в своей

компетенции от других социал-демократических партий Австро-Венгрии". Это решение они объясняли "существенным отличием государственного положения и языковой ситуации (в Хорватии-Славонии) от остальной Австро-Венгрии". "Нет смысла, - считали они, - связывать товарищей в других землях ни решениями, ни тактикой, что могло бы вредно отразиться на внутри-партийных отношениях"².

СДПХиСл была первой социал-демократической партией югославянских народов монархии. Действовавшая на территории Словении Югославянская СДП образовалась в 1896 г., на правах одной из шести национальных "секций" австрийской социал-демократии. В 1902 г. в качестве территориальной ЮСДП организации была создана и СДП Далмации, не игравшая самостоятельной роли. На территории Южной Венгрии - Бачке и Банате - в рамках СДП Венгрии действовала автономная организация сербских социалистов.

Решение о создании СДПХСл было отражением господствовавшей в международном социалистическом движении тех лет тенденции - созданию и укреплению национальных государственных социалистических партий. В перепечатанном загребской газетой "Раднички гласник" решении Парижского (1889) конгресса II Интернационала говорилось, что "ликвидировать эксплуатацию и гнет может только пролетариат, организованный в национальном и интернациональном масштабе"³. СДПХСл была особой территориальной организацией, действовавшей в рамках автономной территории в многонациональном государстве. Социал-демократы Хорватии не последовали примеру социал-демократов австрийской части государства, в которой уже с начала 90-х гг. начали проявляться тенденции к строению партии исключительно по национальному признаку. СДПХСл охватывала пролетариат данной территории, независимо от национальности, не стремясь к распространению своего влияния на все этнические территории хорватов и сербов в монархии - территориальный принцип. СДП была единственной партией в Хорватии, не имевшей этнонима в своем названии. Во временном уставе

СДПХСл (1894 г.) - говорилось, что "партию составляют лица, ... проживающие на территории Хорватии и Славонии"⁴. Хотя в уставах 1896 и 1904 гг. это положение отсутствует, на практике принцип приема и строения партии не изменился.

СДПХСл не выпускала из поля зрения иностранных рабочих в Хорватии с момента своего существования. Еще в 1894 г. представитель Осиекской организации горячо ратовал за издание в Хорватии социалистической газеты на немецком языке, поскольку "товарищи в этой стране Хорватии не делятся на две организации". Эта позиция прямо расходилась с позицией СДП Австрии. Если СДПХСл будет иметь собственную газету на немецком языке, указывая осиекский делегат, тогда "при ее посредстве к партии присоединятся и будут помогать ей все те, кто до нынешнего момента был связан с мадьярской партией"⁵. После создания СДПХСл организация Осиека прекратила организационную связь с СДП Венгрии.

СДПХСл, считая себя неотъемлемой частью международного социалистического движения, с самого начала стремилась поддерживать тесные связи со II Интернационалом. Несомненный лидер партии тех лет - И. Анцел - участвовал в Цюрихском (1893) и Лондонском (1896) конгрессах. В 1893 г. И. Анцел входил в состав делегации СДПВ. "Организованные рабочие Хорватии и Славонии, - писала "Слобода", - направили на конгресс своего представителя и тем самым показали свою принадлежность к большой семье организованных рабочих всех стран"⁶. Хотя в тот момент хорватские социалисты еще не конституировались в самостоятельную партию, полномочия их делегата были признаны и он представил отдельный "Доклад". "Доклад" был представлен к Лондонскому конгрессу. В 1896 г. Анцел представлял не только свою партию, но и только что созданную Югославянскую СДП.

В 1909 г. решением Международного социалистического бюро Венгерская секция Интернационала была преобразована в венгерско-хорватскую секцию. СДПВ в ней принадлежало 6 мест, а СДПХСл - 2. Членом МСБ от Хорватии стал В. Букшег, а его

заместителем - В.Корач⁷.

СДПХСл перенимала опыт других социалистических партий. В дебатах на конгрессах II Интернационала между представителями различных течений и фракций социал-демократы Хорватии стремились найти ответы на стоявшие и перед ними теоретические и практические вопросы - крестьянский, национальный, о правдовании Первой, о тактике партии, о сотрудничестве социалистов с буржуазными партиями, об эмиграции, о соотношении политической и профессиональной борьбы рабочих и др. СДПХСл считала решения, принятые конгрессами Интернационала, обязательными для себя. В 1900 г. "Слобода" приветствовала решение Парижского конгресса об исключении из интернационала анархистов, "индивидуализм которых не имеет ничего общего с социалистической солидарностью"⁸. Несомненно, на ход внутривнутрипартийной дискуссии 1905 г. по вопросу о вступлении в либеральную хорватско-сербскую коалицию повлияли решения Амстердамского (1904) конгресса о сотрудничестве социалистов с буржуазными партиями, а также о тактике и о единстве социалистических партий⁹.

На формирование взглядов руководителей СДПХСл влияли самые разные направления социалистической мысли. Сами они считали себя последователями Маркса, Энгельса и Лассаля. Известны три перевода "Манифеста Коммунистической партии"¹⁰, изданные в последней четверти XIX и в первые годы XX в.

Материалы конгрессов переводились на хорватско-сербский язык и печатались в издававшейся с 1892 г. в Загребе газете социалистов Хорватии - "Слобода" (с октября 1902 г. "Слободна реч"). В Хорватии-Славонии распространялись центральные печатные органы социалистических партий других стран - "Арбайтер Цайтунг", "Юльксштимме", "Непсава". Сильное воздействие на СДПХСл оказывали идеи сербского социалиста В.Пелагича и одного из лидеров ЮСДП Э.Кристана, концепции австрийской социал-демократии, в которой уже с середины 1890-х гг. стали формироваться теоретические взгляды и вырабатываться организационные принципы, получив-

шие в 1908 г. на страницах "Нойе цайт" название "австромарксизма". Хорватские социалисты были знакомы с печатавшимися в этом и других журналах и газетах произведениями К.Реннера, О.Бауэра, В.Элленбогена, В.Адлера, Э.Пернесторфера. Известны им были и идеи К.Каутского, А.Вебеля, П.Лафарга, Ж.Жореса, Ф.Союкупа, Х.Брантинга и других деятелей II Интернационала. Их произведения перепечатывались в так называемых "Майских сборниках", выходявших с 1894 по 1903 г. (кроме 1895 и 1897 гг.) к 1 мая¹¹.

Сильное воздействие на теорию и практику СДПХСл оказывали программные документы социал-демократических партий Германии, Австрии, Венгрии, Гайнфельдская программа (1889), принятая временно, и Эрфуртская (1891), положенная в основу при разработке постоянной, ведшаяся на страницах печатных органов этих партий полемика. Тесные связи были установлены с социалистами Сербии (В.Пелагич) и Словении (Э.Кристан).

Социал-демократы Хорватии подчеркивали классовый характер своей партии, стоящей, по их мнению, на позициях классовой борьбы. Однако представления о критериях классовой общности, о пролетариате оставались у них весьма неясными. До середины 1900 г. в документах и публицистике вместо термина "класс" часто использовался термин "сословие". Само понятие "пролетариат" толковалось широко. Если в проекте программы СДПХСл 1895 г. использовался термин "рабочий народ", в целом адекватный понятию "пролетариат", то в ее окончательном варианте, принятом на II съезде в 1896 г., употреблялся термин более широкий - "трудовой народ"¹². Знаменитый лозунг "Пролетарии всех стран, соединитесь!" в переводе хорватских социалистов звучал как "Беднота (или даже "Страдальцы") всех стран, соединитесь!". В "Докладе" цюрихскому 1893 г. конгрессу термины "буржуазия" и "пролетариат" были соответственно заменены на "богачей" и "бедняков"¹³.

Социал-демократы Хорватии сохранили несколько упрощенно-патриархальный взгляд на государство. "Государство - это большая община, в которой ховяничают капиталистические классы", - заявил в 1907 г. один из руководителей Э.Демет-

рович¹⁴.

Формирование национального самосознания, влиявшего и на взгляды членов СДПХСл, происходило в сложных условиях. Во-первых, воздействовала хорватская национальная традиция, основанная на историческом государственном праве. Многие считали, что Хорватия продолжает оставаться самостоятельным государством. Во-вторых, в противовес представлению о нации как об исключительно политической общности в национальную идеологию проникало представление о ней как о совокупности людей, обладавших общностью языка, культуры, самосознания, религии, психического склада, образа жизни и мышления, исторических судеб и происхождения. Изменялось и социальное содержание понятия "нация". В нее уже включались более широкие социальные слои. Для СДПХСл было характерно стремление свести воедино представление о народе как о социальной и как об этнической общности из-за частого совпадения социального и национального угнетения. Большую часть югославянского населения составляли как раз слои, охватывавшиеся понятием "трудовой народ". Лидер КСДП Э.Кристан говорил: "Мы должны решительно протестовать против проведения различий между нацией и народом"¹⁵. Классовые отношения часто рассматривались сквозь призму национальных отношений. Понятийный аппарат и терминология, выработанные в ходе многолетней национальной борьбы против угнетения, передавались из поколения в поколение и составили прочную идеологическую и психологическую традицию, проникшую во все сферы общественного сознания.

В-четвертых, еще не было полностью преодолено предубеждение предыдущего этапа развития социалистического движения - стремление рассматривать нацию и национальные конфликты лишь как препятствие социальной революции, которое со временем, по мере развития общества уйдет в небытие. Эта установка отразилась даже в Брюннской программе СДПАв по национальному вопросу¹⁶.

Хорватские социал-демократы придерживались широко рас-

пространенной в те годы теории и хорватах и сербах как о едином народе. Хотя эта концепция помогала смягчить острые противоречия между хорватами и сербами и дала возможность значительным политическим силам обеих наций объединиться в общем движении за реформы, но со строго научной точки зрения она не соответствовала истине. В начале XX в. и хорваты, и сербы представляли из себя две сформировавшиеся в целом буржуазные нации с четко выраженным самосознанием. Поэтому в дальнейшей перспективе эта концепция неизбежно должна была прийти в противоречие с объективным стремлением обоих народов к самоопределению.

В этой связи нельзя не упомянуть о своеобразии трактовки ЦПХСл резолюции Лондонского (1896 г.) конгресса Интернационала о самоопределении. Этот документ в те же дни был переведен и перепечатан газетой "Слобода". Термин "самоопределение" был переведен как "самостоятельность", а "нация" — как "национальность"¹⁷. Дословно читатели "Слободы" увидели следующий текст: "Конгресс высказывается за полную самостоятельность всех национальностей". Позднее И. Анцел, принимавший участие в конгрессе, высказывал иную трактовку: "Право национальностей на самодержавие и самоопределение"¹⁸. Пункт о праве наций на самоопределение не был внесен в программу ЦПХСл 1896 г. Только в 1905 г. было подписано заявление о присоединении ЦПХСл к либеральной Хорватско-сербской коалиции, в котором был ясно сформулирован этот принцип. В 1906 г. он был включен и в партийные документы. Термин "национальность" в данном контексте больше не использовался.

При этом надо иметь в виду одно важное обстоятельство. Хорватско-сербский язык в конце XIX — начале XX в. отставал от потребностей времени, не мог адекватно отразить многие абстрактные научные категории и конкретные понятия, обеспечить адекватный перевод с немецкого, французского и английского языков¹⁹. Переводчикам и толкователям иностранной социалистической литературы было трудно не только найти соответствующее понятие в родном языке, но и попросту осмыслить его содержание. Поэтому часто происходили вольные или не-

вольные искажения.

Хотя СДПХСл признавала Соглашение 1868 г. законом для Хорватии, она выступала за его пересмотр, за гарантию Хорватии, Славонии и Далмации права полного самоуправления, а с середины 1900-х гг. стала требовать фундаментального переустройства дуалистической монархии и в социальном, и в национально-политическом отношении. Вместе с буржуазными партиями она критиковала систему дуализма за то, что та "основана на превосходстве одних и угнетении других наций и классов", требовала основополагающего "переустройства государства и общества"²⁰. "Право хозяйствования и политического самоуправления в государстве должно принадлежать только народу как единственной и неограниченной силе", — провозглашала она²¹. Если в 90-е гг. партия в основном свое внимание концентрирует на политических проблемах собственно Хорватии и Славонии, то с 1908 г. ясно прослеживается четкое осознание ее лидерами тесной связи "хорватского вопроса" с национальными и социальными проблемами монархии в целом. На V съезде партии в апреле 1908 г. партия ставит вопрос о необходимости разработки общей для всей социал-демократии Австро-Венгрии позиции по отношению к дуализму²². Резко критикуя политику венгерских буржуазно-помещичьих кругов, СДПХСл подчеркивает, что они не могут быть друзьями хорватского народа, но лишь его врагами — и классовыми, и национальными²³. Для решения социально- и национально-политических проблем партия выступает за сотрудничество с венгерскими демократическими кругами. "Трудовой народ нашей страны может принять помощь только от трудового народа Венгрии и Австрии, так как у них общие интересы и общий враг", — считали социал-демократы²⁴. Реформу монархии они видели в установлении ее на "фундамент демократической конституции, гарантирующей каждому народу полную хозяйственную, политическую и культурную свободу"²⁵.

21-22 ноября 1909 г. в Любляне состоялась конференция югославянских социал-демократов, в которой приняли участие и представители СДПХСл. В резолюции этой конференции говори-

лось, во-первых, о стремлении югославян Австро-Венгрии к "полному национальному объединению всех югославян", во-вторых, о ликвидации "искусственно воздвигнутых препятствий государственно-правовых и политических", чтобы иметь возможность "жить общей собственной жизнью как свободное национально-автономное целое в рамках полностью демократической конфедерации народов". VI съезд СДПХСл, проходивший в августе 1910 г., провозгласил Люблянскую резолюцию в качестве своего собственного документа²⁶.

Вскоре после Любляны в январе 1910 г. в Белграде была организована Балканская социалистическая конференция. Выступая на ней, представители хорватских и словенских социал-демократов также говорили о "мирном обретении нациями автономии". Х.Тума, например, заявил, что "историческая миссия Австро-Венгрии состоит в том, чтобы предоставить такую автономию". В противном случае она распадется, сказал он²⁷.

Идею сохранения и преобразования Австро-Венгрии на федеративных (или автономных) началах югославянские социал-демократы в основном сохраняли даже в 1917 г. Именно в этом духе был составлен меморандум СДПХСл на организованной летом 1917 г. в Стокгольме встрече социал-демократических партий по вопросу о возможности компромиссного мира. Были и сторонники решения югославянского вопроса вне границ монархии Габсбургов²⁸.

История существования и развала монархии Габсбургов доказывает, что борьба центробежной и центростремительной тенденций является закономерностью развития любого многонационального государства независимо от социально-экономического строя и политического устройства. Эта борьба обусловлена самой природой каждой этнической общности, стремящейся к самоопределению. Центробежная тенденция может быть смягчена только максимальной демократизацией. Ведь именно первая мировая война и ее последствия — усиление авторитарных и централистских тенденций во внутренней политике монархии, нарушение нормального развития общегосударственного рынка и

нарастание сопротивления неполноправных народов - и как результат - потеря широкой многонациональной социальной базы - и привели к развалу государства. Но сама по себе постановка вопроса о национальном самоопределении в многонациональном государстве носит объективный характер и вовсе не идентична ни требованию (в том числе и политическому) выхода каждого отдельно взятого народа из этого государства, ни стремлению к его развалу. Программы политических партий неполноправных народов Австро-Венгрии, не исключая и социал-демократов, свидетельствуют об их поддержке сохранения целостности государства при проведении широких социально-политических и национально-государственных реформ. Можно с уверенностью сказать о наличии в 1900-1910-х гг. нескольких вариантов исторического развития этого многонационального государства - в области социальной, политической, национально-государственной и национально-территориальной.

Выдвигавшиеся проекты реформ были объективным отражением в сознании реальных тенденций в жизни Австро-Венгрии. Проекты федеративного и конфедеративного переустройства не были тождественны требованию выхода из монархии. Наоборот, их осуществление позволило бы суверенным нациям добровольно и на взаимовыгодных началах сосуществовать в едином государстве. Каждый народ искал свои пути достижения самоопределения и его формы. В каждой конкретной исторической ситуации для акта самоопределения принципиальное значение имели не все, а одна или несколько характеристик, составляющих нацию, - экономическая, политическая, языковая, конфессиональная и т.д.

Образование национальных социал-демократических партий - как и политических партий вообще - было неотъемлемой частью процесса самоопределения, образования национальной партийно-политической системы. В многонациональном государстве, особенно при чересполосном или смешанном проживании населения разных национальностей эти системы имеют свои особенности. С другой стороны, образование национальных социал-демократических организаций было объективной закономерностью и

с точки зрения развития международного рабочего движения. В Хорватии-Славонии СДП возникла как единая многонациональная партия в рамках автономной территории, название которой совпадало с этнонимом одного из проживавших на ней народов. Но в зависимости от конкретных исторических условий возникали и другие типы партийной организации социал-демократии: во-первых, создание национальных экстерриториальных секций (в основном по языковому принципу) при наличии в то же время компактной этнической территории, обладающей своим неповторимым юридическим статусом в государстве (австрийская социал-демократия); во-вторых, существование в рамках единой общегосударственной партии автономной национально-территориальной организации (СДП Венгрии и организация сербских социалистов в Бачке и Банате).

Несмотря на отсутствие жесткого организационного единства в общегосударственных масштабах, социал-демократия Австро-Венгрии, включая и социалистов Хорватии-Славонии, выступала вплоть до 1917 г. за сохранение этого многонационального государства при обязательном проведении глубоких реформ. Многообразие организационных форм и независимость различных частей австро-венгерской социал-демократии далеко не всегда и не во всем имели отрицательное значение.

Распад единого многонационального государства в Центральной Европе и образование некоторыми из входивших в него народов своих национальных (но объективно-- многонациональных) государств не снял с повестки дня вопрос и национальном самоопределении народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Во многих из них установились авторитарные или даже тоталитарные централистские режимы, а для национальных меньшинств они не стали "своими" государствами, несмотря даже на этническое родство с господствующей нацией.

1. Ostrić V. Osnivanje prve radničke organizacije u Hrvatskoj (u povodu 70-godišnjice socijal-demokratske stranke Hrvatske i Slavonije). - In: "Putovi revolucije", 5. Zagreb, 1965, S.159.

2. Istorijski arhiv KPJ, t.IV. Socialistički pokret u Hrvatskoj i Slavoniji, Dalmaciji i Istri 1892-1919. Beograd, 1950, s.40.
3. См.: История II Интернационала. Т.1. М.,1965, с.151; *Casi J. Poseci modernog radnickog pokreta u Hrvatskoj (1880-1895). Knjiga prva.* - s.145-149.
4. Istorijski arhiv KPJ, t.IV, s.17,50,59,67-68.
5. Izvod iz napisa objavljenih u listu "Sloboda" u povodu osnivanja Socijal-demokratske stranke Hrvatske i Slavonije. - In: "Putove revolucije", 5, s.229-230.
6. "Sloboda", Zagreb, 1896, № 14; Kovačević I. Ivan Anceľ predstavnik hrvatskih socijalista na kongresu Druge internacionale u Zurichu. g.1893. - In: Zbornik za društvena istrazivanja Slavonije i Baranje. g.21,br.1. Slavonski Brod, 1984, s.67-72.
7. Istorijski arhiv KPJ, t.IV, s.137.
8. "Sloboda", 1900, № 20.
9. Kongresi Druge Internacionale, t.I. Beograd, 1956, s.224, 422-423; t.II, s.46-49; Istorijski arhiv KPJ, t.IV, s.46, 83-84.
10. Izvod iz napisa..., s.231; Putovi revolucije, s.256.
11. См.: Писарев Ю.А. Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии. 1905-1914. - М.,1962, с.52; Поплыко Д.Ф. Васа Пелагић и Россия. Из истории сербской революционной мысли. - М.,1983, с.225; Korac V. Povijest radnickog pokreta u Hrvatskoj i Slavoniji, knj.III. Zagreb, 1933, s.184-187; "Sloboda", 1896, № 15; Radnicki pokret u Hrvatskoj potkraj XIX stoljeca. Izabrani izvori. Priredila Mirjana Gross. Zagreb, 1957, s.50-51; Redzić E. Austromarkszizam i jugoslavensko pitanje. Beograd, 1977, s.23-190, 217-305.
12. Istorijski arhiv KPJ, t.IV, s.9,110; Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D. Povijest hrvatskog naroda 1860-1914. Zagreb, 1968, s.305.
13. Kovačević I. Ivan Anceľ, s.64.
14. Istorijski arhiv KPJ, t.IV, s.107.
15. "Sloboda", 1896, № 15.
16. См.: Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США.- М.,1985, с.244.
17. "Sloboda", 1896, № 15. В своей книге "Государство и нация" К.Реннер раскрыл содержание понятий "нация" ("народ") и "национальность". См.: Синоптикус С. Государство и нация. СПб.,1906, с.17.
18. Radnicki pokret..., s.106-107.
19. См.: Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XIII в. - 1848 г. М.,1960, с.215-216.
20. Ibler J. Hrvatska politika 1904-1906. Zagreb, 1914/1917. s.465; Istorijski arhiv KPJ, s.36,117,114.
21. Istorijski arhiv KPJ, s.114.

22. Istorijški arhiv KPJ, s.121,118.
23. Ibid.,s.119.
24. Ibidem.
25. Ibid., s.114
26. Istorijški arhiv KPJ, s.137-138; Zgodovinski arhiv PPS, t.V. Socijalističko gibanje v Sloveniji 1869-1920. Beograd, 1951, s.201-203.
27. Zgodovinski arhiv, t.5, s.211.
28. Писарев Ю.А. Образование югославского государства. М., 1975, с.213-215.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	3
Фрейдзон В.И. (Москва). Изучение процесса складывания наций в Центральной Европе в Институте славяноведения и балканистики АН СССР в 1970-1980-е гг. (Исторнографические заметки)	7
Ненашева З.С. (Москва). Исторнографические проблемы определения понятия "национальная идеология"	34
Фалькович С.М. (Москва). О некоторых понятиях, связанных с национальной проблематикой, применительно к исследованию истории Польши в Новое и Новейшее время	45
Обушенкова Л.А. (Москва). Революция 1848-1849 гг. в Центральной Европе. Национальные противоречия и солидарность революционных движений	52
Лапина И.М. (Кипянов). Некоторые проблемы становления и развития "великой идеи" на Балканах (вторая половина XIX - начало XX вв.)	62
Иванова Л.Г. (Киев). Украинский вопрос и прогрессивная польская общественность (конец XVIII в. - 30-е гг. XIX в.)	66
Федосова Т.Ф. (Москва). Крестьянство Польши и национальное самосознание (1850-1900 гг.)	76
Миллер А.И. (Москва). Взаимоотношения польского и украинского населения в Галиции в 1860-е гг.	90
Лебедева О.В. (Москва). Проблемы панславизма в Чехии и в России в первой половине XIX в.	98
Кирилина Л.А. (Москва). Австрославистские идеи у словенцев в 1848-1849 гг.	105
Аксенова Е.П. (Москва). Национальный вопрос в демократической печати России в 60-70-е гг. XIX в.	119
Усенко П.Г. (Киев). К вопросу об интернационализме революционных демократов 60-х гг. XIX в.	128

Косик В.И. Москва. Судьба России и славянства в трудах Константина Леонтьева	142
Буркут И.Г. (Черновцы). Формирование национального самосознания русского населения Бачки и Срема (конец XIX — начало XX вв.)	153
Свищенко А.Ф. (Киев). Революционная социал-демократия Украины и национально-освободительное движение (1895—1904 гг.)	164
Носов Б.В. (Москва). "Польский вопрос" в Государственной думе 1907—1914 гг.	172
Савченко В.В. (Москва). К вопросу об этносоциальной ситуации в Галиции накануне восстановления независимой Польши	201
Пылаева Е.Е. (Москва). Русская периодика о политике мадьяризации и событиях в Черновой (Словакия, 1907 г.)	223
Айрапетов А.Г. (Воронеж). Буржуазно-радикальная и социал-демократическая концепции национального вопроса в Венгрии начала XX в.	235
Киселева Н.П. (Ишкар-Ола). Идеино-политическая борьба в Венгрии по вопросам национальной политики и национально-государственного устройства в годы первой мировой войны	244
Сахновский Е.В. (Черновцы). Образ "новой Европы": национальные проблемы Австро-Венгрии в британской публицистике накануне и в годы первой мировой войны	260
Фисанов В.П. (Черновцы). Национальные проблемы Австро-Венгрии во внешней политике США в 1917—1918 гг.	269
Романенко С.А. (Москва). Национальный вопрос во взглядах югославянских социал-демократов Австро-Венгрии	279

Утверждено к печати

Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Подписано в печать 20..06.91. Формат 14 x 20
16,0 печ.л. 15,7 уч.-изд.л. Тираж 300 экз.

Заказ № 1121

Цена - 4-00

Типография ВИА им. В.В.Куйбышева

